

КОМСОРГ С БАМА.

ГАРАНТИРУЕТ
ТЕХНИЧЕСКИЙ
ПРОГРЕСС.

Гость
футбольного
клуба —
«Спартак».

№ 13 (1395) июль 1985

СМЕНА

ISSN 0131-6656

Хорошо известно: стиль любой работы — политической, хозяйственной или общественной — во многом определяется зрелостью, деловитостью, компетентностью руководителя. Сегодняшнее время, новизна и сложность поставленных партией на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС социально-экономических задач диктуют повышенные требования к кадрам руководителей, в том числе и комсомольских. Сейчас уже мало простой исполнительности от комсорга или секретаря комсомольского бюро. Только тот комсомольский активист, который обладает обостренным чувством нового, готовностью брать на себя инициативу и ответственность, может быть настоящим, а не формальным лидером, вожаком молодежного коллектива.

ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ МОЛОДОГО КОММУНИСТА

Впервые я увидел Нину в конце 1963 года на станции Беркамит. Десять месяцев всего составлял к тому времени ее стаж секретаря комсомольской организации узла. Не так уж много. К тому же три месяца из этих десяти Нина провела в больнице.

Встретились мы в горкоме комсомола. Первый секретарь Коля Жандармов познакомил нас. «Это наша Нина Соколова!» — сказал он, держа Нину за руку, и на лице у него появилась улыбка

фокусника, сумевшего показать редкий трюк. Пока он держал Нину за руку и я успел рассмотреть ее. Высокая, одета несколько легковато по меркам беркамитской осени (минус 20 на дворе), немножко бледная (после болезни), светлые глаза оживляют лицо. «Вы поедете со мной в Беркамит?» — спросила она. Я кивнул. «Тогда я сейчас, мне тут кой-какие дела нужно сделать, попрощайте».

Полчаса длилась наша поездка, но за это время Нина успела пересказать всю свою жизнь, все дала комсомольской организации и кое-что даже по второму кругу, так как полчаса — это для нее громадный отрезок времени.

Большую часть жизни Нина провела в казахстанской степи, куда ее отец приехал на освоение целины по вызову брата, работавшего директором совхоза. Еще в детстве Нина точно знала, кем станет, когда вырастет. Судьей или следователем. Только так!

И после школы пошла в нарсуд секретарем судебного заседания. Скоро она поняла: ни судьей, ни следователем

ей становиться неохота. Нина начала искать другую работу. И нашла: стала корреспондентом районной газеты «Ленинское знамя». Хорошо помнятся уборочные. Поездки по всему району на попутных машинах, мотоциклах, телегах. Пропыленные, с залавшими от усталости глазами лица комбайнеров, бесконечные целинные поля, зерно, текущее в кузовах грузовиков. Всеобщий напряженный, яростный труд. И, может быть, она стала бы журналистом, но... Тогда в ее жизнь вошел Сашка. Хотя с Соколовым она познакомилась гораздо раньше, еще в седьмом классе. Вернее, это она училась в седьмом, а Сашка в десятом.

Он всегда был человеком увлеченным: играл в школьном ВИА на гитаре и сочинял неплохие песни. Бегал кроссы и играл в волейбол. Потом Сашка ушел служить в армию, а Нина окончила школу и начала искать работу, такую, в которую можно было бы уместить всю ее неуемную жажду послужить людям.

Тут Сашка вернулся из армии, они поженились. Это произошло в 1976 году. В следующие два года Нина работала в суде и газете, а Сашка учился в сельскохозяйственном техникуме. Потом они уехали работать на птицефабрику, что неподалеку от Белова: он — старшим инженером, Нина — нормировщицей. Уехали из города, из квартиры с коврами и мебелью. На птице-

РЕПУТАЦИЯ

фабрике их поселили в общежитии, конечно, без всяких ковров, а мебели — всего две кровати и тумбочка. В первый же месяц работы они создали ансамбль с космическим названием «Альтаир» и стали занимать первые места на районных конкурсах самодеятельности.

Вскоре Нина родила Сан Саныча — 59-сантиметрового богатыря с длинными черными волосами и голубыми глазами.

В 1978 году директор фабрики Алексей Федорович Матюшин вручил им ключи от квартиры, считая, что теперь эти симпатичные ребята навсегда будут привязаны к фабрике. Но очень скоро Саныча вдруг заговорил о БАМе. Нина сделала вид, что не услышала. Все же на руках у нее годовалый Сан Саныч, да и в техникум сельскохозяйственный она поступила. Хотя, конечно, некоторая смутная тревога о более интересной жизни, что идет без нее, уже закралась в сердце.

Когда Сашка объявил, что они едут на БАМ, решили, что он едет первым, Нина с Сан Санычем отправятся следом, когда будет крыша над головой.

Саша уехал с первым десантом на Икабью рубить просеку. Нина посидела с месяц в квартире, заскучала и приехала в Беркамит. Дорога сама должна была привести его в Беркамит, куда же еще? Нина всегда любила работать в большом коллективе, и потому она устроилась приемосдатчиком грузов. Работа эта очень важная, можно сказать, узловая. Дело, машинисты, диспетчеры напрямую связаны с приемосдатчиками, и Нина, шагая в мороз и пургу вдоль составов в тяжеленном тулупе, размечая и расписывая грузы, залезая в каждый порожний вагон, чтобы определить его пригодность, постепенно проникла в самую суть этой работы. У нее даже особое чувство по отношению к своей должности появилось. Ну, например, идешь мимо состава, а на вагонах написано твоей рукой: «годен — уголь». Вдруг будто поднимаешься над землей и начинаешь понимать немаловажное свое место в жизни всего громадного комплекса, подающего в этих вагонах первосортный нерюнгринский уголь всему Дальнему Востоку страны. И от этого понимания как-то хорошо, радостно.

Однако со временем в эту радость стала подмешиваться и горечь. Начались у Нины неприятности. Она уже не раз сообщала начальству о том, что с грузами на станции происходят странные вещи. Отправляется одно количество, приходит почему-то меньше. Ей советовали не волноваться: дело обычное, в дороге всегда что-нибудь теряется. Спихнем. И списывали! Как-то в адрес Беркамита пришла аппаратура стоимостью 10 тысяч рублей. На осмотре выяснилось, что на пункт назначения прибыло чуть больше половины груза. Нина посоветовалась с Владимиром Ивановичем Правлоцким, членом узлового партийного бюро, отвечавшим за работу с комсомолом, и передала документы в прокуратуру.

Очень скоро она поняла, какое опасное дело затеяла. Ее вместе с Правлоцким начали методично и последовательно выживать из Беркамита.

Но люди, пытавшиеся «образумить» Нину Соколову, плохо знали ее, вернее,

совсем не знали. Они, как все законченные эгоисты и делэги, судили о других, исходя из собственного понимания жизни. Например, они были непоколебимо убеждены, что любого человека можно либо запугать, либо подкупить. И даже не подозревали, что идеи о добре и справедливости могут быть не просто словами, произносимыми в целях само-рекламы, а быть жизненными принципами и что есть на свете «чудаки», которые получают удовольствие, делая добро незнакомым людям. Не учли они и того, что абсолютное большинство работников узла окажется на стороне Нины Соколовой и Правлоцкого.

Нину избрали секретарем узлового комитета комсомола.

Тем людям надо было задуматься, а может, и поостережись. Не тут-то было. Люди, борющиеся с Ниной Соколовой, привыкли все проблемы решать только в свою пользу. Теперь они решили показать девчонке, как незначительна в Беркамите роль секретаря комсомольской организации. Ей прислали на подпись комсомольскую характеристику девушки, выдвинутой кандидатом в депутаты местного Совета. Нина подписывать не стала. Отказала не потому, что с ней не советовались, а просто та девушка, названная в анкете комсомолкой, на учете не состояла.

Нину вызвали к начальнику узла Бабий-чуку. Произошел тяжелый разговор. Соколовой пригрозили увольнением, после которого ее едва начавшаяся комсомольская карьера, естественно, автоматическим образом бы. Нина была секретарем неосвобожденным и продолжала работать приемосдатчиком грузов.

В этот раз Нине пришлось трудно, как никогда. Она даже стала подумывать об увольнении по собственному желанию. Против этого категорически восстал Сашка и друг семьи бородастый Гриша Скороход. Он посмотрел на нее своими по-детски всевидящими глазами и сказал: «Как ты можешь об этом думать, мы только начали!» А Сашка взял гитару и спел свою недавно сочиненную песню о том, что сдаваться нельзя даже самой смерти. И тогда вместо увольнения Нина стала размышлять вслух о том, как дальше вести узловую комсомольскую организацию, которая существовала пока только формально, и чем можно эту организацию расшевелить.

Гриша Скороход, природный путешественник, сказал: «Надо всех комсомольцев вывезти в турпоход».

— А где мы столько лыж доставим? — спросила Нина, которая была еще немножко и реалистом.

Минут двадцать они спорили друг с другом, и в результате этого спора родился проект перспективного плана работы комсомольской организации узла. Он состоял из четырех пунктов, расставленных в порядке неотложности: 1. Комната для комитета ВЛКСМ (до сих пор Нина занимала один стол в парткоме). 2. День лыжника (Скороход настоял на своем). 3. Рейд «комсомольского прожектора» и субботник.

Для начала Нина запланировала рейд по пристанционным путям. Тут она знала все. Позиция ее была последовательная. Она и раньше боролась с тем, что происходило здесь, и даже вконец

испортила отношения с начальством. И сейчас она не собиралась откладывать эти дела на потом.

День, когда комсомольцы вывесили стенд по результатам рейда «КП», крепко запомнился в Беркамите. Очень живописный получился репортаж. Вот фото, на котором бревна лежат попарек путей, горит среди бела дня мощный прожектор, кучи угля навалены между рельсами. Проволока и доски вывесились из вагонов. Даже перевернутый, как после крушения, полувагон обнаружил «прожектористы» на пристанционных путях. Народ толпами собирался у стенда и гудел. Возмущенное начальство перезванивалось, обсуждая акцию комсомола.

Но «прожектористы» не ограничились стендом, они составили полный список обнаруженных недостатков и выслали администрации с требованием ответить, какие приняты меры.

Делать нечего, пришлось отвечать. Начальник дистанции пути признал критику справедливой, но указал, что за чистоту путей должен отвечать начальник станции. Точно такое же письмо прислал начальник станции и в последних строках указал, что за чистоту путей отвечает начальник дистанции пути.

Стало ясно, что два главных виновника беспорядков ушли в глухую оборону. Тогда Нина объявила, что очисткой путей займется комсомольцы на субботнике. И обратился к начальнику дистанции пути Гомону с просьбой выделить подъемный кран и оплатить работу (по существующим расценкам в пределах 250 рублей). Возразить было трудно, и начальник дистанции дал согласие.

За одну смену ребята очистили пути так тщательно, будто готовились к приезду комиссии из Москвы. К концу субботника старший дорожный мастер Коля Поляков сообщил Нине, что Гомон дал распоряжение заплатить комсомольцам не более 100 рублей. Это был уже запрещенный прием, и Нина тут же отправилась в Нерюнгринский горком партии, куда перешел работать Владимир Иванович Правлоцкий. Нина не знает, какой разговор состоялся у Правлоцкого с Гомоном, но деньги комсомолу выплатили полностью.

На некоторое время Беркамит затих. Что дальше? Ожидание оказалось недолгим. «Прожектор» провал новый рейд. Теперь он осветил работу по очистке полувагонов. Это тоже было продолжением борьбы, которую Нина вела не первый год. Разгрузка полувагонов производилась так, что в них оставалась немалая часть грузов. И еще ее давно волновало сооружение, стоявшее возле пристанционных путей и напоминавшее дюростороннего ящера. Чудовище именовалось в народе «Байконур». Когда оно начинало работать, рев мощного реактивного двигателя и громадные клубы угольной пыли напоминали взлет космического корабля. Установку эксплуатировали для очистки полувагонов, а попросту говоря, при помощи дорогостоящей установки пускались на ветер тысячи тонн угля.

Рейд на этот раз состоял из трех этапов. Сначала «прожектористы» сфотографировали полувагоны с остатками грузов, затем изучили работу «Байконура», после чего девчата-экономисты сделали подробный расчет, на основании которого было составлено письмо начальнику Забайкальской железной дороги. В письме «прожектористы» сообщали, что «... вагоны на станции Беркамит прибывают с большими остатками грузов, технически неисправными. В частности, из 37 вагонов, прибывших в поезд № 3404, сформированном по ст. Тынды, 20 были с большими остатками груза (щебень, кирпич, бревна), а в основном — остатки угля. На зачистку таких вагонов уходит очень много времени и материальных средств.

Для зачистки вагонов используется реактивная установка стоимостью 88 453 рубля. Этой установкой выдуваются остатки угля, так как под погрузку вагоны с этим углем не принимаются. Общие затраты в год составляют более

200 тысяч рублей. Кроме того, страна недополучает тысячи тонн угля.

Просим усилить контроль, — писали «прожектористы» — за соблюдением правил перевозок грузов и о принятых мерах сообщить в месячный срок в узловой комитет ВЛКСМ. В противном случае материалы рейда будут направлены в Комитет народного контроля СССР».

Теперь уже и беркамитское руководство с любопытством ждало результатов. Что будет? Не исключено, что Соколова наконец-то поплатится за свою настырность.

Все обернулось иначе. В комитет комсомола пришла отписка от начальника грузовой службы Забайкальской железной дороги:

«На ваше письмо о поступлении неочищенных полувагонов на станцию Беркамит сообщая, что указанные в натурном листе вагоны на Забайкальской железной дороге не выгружались. Эти порожние вагоны поступили с Дальневосточной железной дороги».

Все материалы рейда вместе с этой отпиской Нина Соколова опубликовала в газете «Молодежь Якутии». Сказался опыт работы в районной газете.

Комсомольская акция вышла на всеобщий масштаб. На статью в газете ответил заместитель начальника Главного грузового управления МПС СССР. В письме сообщалось, что начальникам Забайкальской и Дальневосточной железных дорог даны указания принять эффективные меры по устранению указанных в статье недостатков.

Так воплотились в жизнь первые пункты перспективного плана — о рейдах «КП» и субботнике. Пора было двигаться дальше. Нине стало ясно, что работать приемосдатчиком грузов она уже не сможет. Комсомольская работа требовала всего ее времени.

На очередном бюро Нина поставила вопрос о том, что секретарь узлового комитета ВЛКСМ должен быть освобожденным работником. Ребята согласились. Поддержало узловое начальство, к тому же кое-кто посылал, что, уйдя на освобожденную комсомольскую работу, Нина перестанет влезать в их дела.

Зарплату Нине стал платить горком комсомола. В целом она потеряла не меньше 80 рублей в месяц, но теперь могла заниматься комсомольскими делами, не отвлекаясь ни на что другое.

Все первое утро Нина просидела в кабинете секретаря узлового парткома, перебирая учетные карточки. Заполненные они были разными почерками, разными чернилами, зачастую неправильно и неполно. Тут все надо переделывать заново. Кто этим займется? Только она сама. Но карточки — победы. А сколько ходит вокруг комсомольцев, вообще не стоящих на учете? Нина хорошо помнила, как, готовя общее комсомольское собрание узла, где работают сотни ребят и девушек, они с грехом пополам «набрали» 50 человек.

Конечно, ребята приехали из разных концов страны. Там с учета снялись, здесь не встали. Почему? Да просто не заметили, что тут есть комсомольская организация. Значит, надо работать так, чтобы нельзя было не заметить.

Пришло время осуществить и предложение Скорохода — провести День лыжника. И зимний праздник действительно удался. Привезли мощные динамики — музыка гремела на всю тайгу. Ребята провели свет в стартовый городок, установили большую палатку, где можно было обогреться, попить чаю из трехведерного самовара. Работал буфет, шла торговля пирожками. Народ толпился у стенда, пристрасно изучая результаты стартов.

А уже на другой день в комитет комсомола стали приходить ребята, и Нина ставила их на комсомольский учет. К весне 1984 года комсомольская организация увеличилась на 100 человек.

Казалось, весь Беркамит, отвыкший за последние годы от шума и колготни, повзрослевший и посолднневший, с удивлением взирал на бурную деятельность комсомольской организации.

ИДЕЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

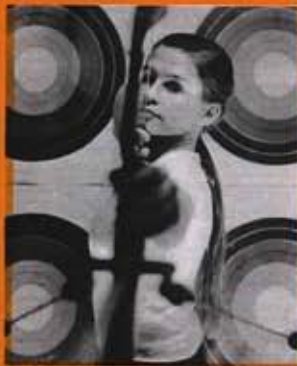
СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 13 (1395) ИЮЛЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
юная лучница
из Челябинска
Ася Дербобузова.

Фото
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ.

- 1** ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ МОЛОДОГО КОММУНИСТА.
Игорь ЦЫБУЛЬСКИЙ. «РЕПУТАЦИЯ ЛИДЕРА».
- 3** ЧИТАТЕЛЬ — «СМЕНА» — ЧИТАТЕЛЬ.
«ОПРАВДАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ».
- 4** НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС.
«ВОДА-КОРМИЛИЦА». Фотоочерк Петра НОВИКОВА.
- 6** ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА И МОЛОДЕЖЬ.
Борис ФЕДОРОВ. «КТО ПОЕДЕТ НА «КАРТОШКУ»».
- 8** Рассказы ЭЛЬЧИНА и Роберта БАБЛОЯНА.
- 12** ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ.
«МОЛОДЫЕ МОИ СОВРЕМЕННОКИ».
- 14** Константин МЕЗЕНЦЕВ. «ЯД В ГЛЯНЦЕВОЙ УПАКОВКЕ».
Игорь МИХАЙЛОВ. «ЭКРАН, КОТОРЫЙ УБИВАЕТ».
- 16** НАВСТРЕЧУ XII ВСЕМИРНОМУ.
«ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ПЛАКАТ «СМЕНИ»».
- 18** ДИСКУССИЯ «СМЕНИ» «УСТАРЕЛА ЛИ ВЕРНОСТЬ?».
Юрий РЮРИКОВ. «ШКОЛА ВЫСОКИХ ЧУВСТВ».
- 20** МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Магдалена ВАШКОВА. «СИТЦЕВАЯ ЯРМАРКА».
- 22** Эльга ЛЫНДИНА. «В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ».
- 24** ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА».
«СПАРТАК». ДЕВЯТОЕ ПОКОЛЕНИЕ».
- 26** ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ.
Альберт ЛИХАНОВ. «ПИРШЕСТВО МЫСЛИ».
- 29** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Уильям КОТЦВИНКЛ. «ИП».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНУКОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

Вскоре Нерюнгринский горком ВЛКСМ послал Нину на учебу в Благовещенск. Учеба позволила немножко отдохнуть от пятимесячной непрерывающейся гонки и к тому же узнать немало полезного о стиле и методах комсомольской работы, о том, какие требования сегодня предъявляются к комсомольским организациям.

Через месяц Нина вернулась в Беркалит и была поражена тишиной. Комитет комсомола закрыт на ключ. Все дела, оставленные ею перед отъездом, лежали нетронутыми. Нина провела пальцем по столу, остался пыльный след. Вся радость, с которой Нина мчалась сюда, тут же померкла.

Нине вдруг захотелось плакать. «Да, ошибка вышла, — думала она. — Всю работу тащила одна. И вот результат. Правильно на учебе говорили, что о работе секретаря судят по активу. Значит, еще ничего стоящего я не успела сделать...»

И вдруг пришла к ней простая мысль: а ведь уже пора готовить отчетно-выборную конференцию. Это сейчас самое главное, и не страшно, что в комитете пусто. Ребята придут. Обязательно придут. Ведь они наверняка скучают теперь, хотя, может, не все еще и понимают, почему.

Назавтра Нина собрала бюро.

Пришли все, некоторые даже с дежурства отпросились. Сначала сохранилась некоторая напряженность. Ребята чувствовали свою вину. Работу-то они все-таки запустили. Только безупречный начштаба «КП» Сережа Рябов был спокоен и чист совестью: его «прожектористы», как и раньше, совершали рейды, продолжая приводить в трепет нерадивых. Да искренне радовался Гриша Скороход, прокрутивший за Нинино отсутствие два лыжных похода с подростками из своего турклуба «Факел».

Нина сразу заговорила о конференции, которую они должны провести осенью. К этому времени надо всем так поработать, чтобы дела комсомола неодолимо притягивали к себе молодежь, чтобы она почувствовала, что без комсомола жизнь становится скучной и пресной. А сама конференция должна пройти, как песня, которую поешь и тебе так хорошо, что слезы на глазах... Если все так и будет, то конференция уже не забудется.

А через месяц после того бюро Нина оказалась в больнице, целых три месяца пролежала.

— Зато сколько новых книг прочитала, — вспоминает она мечтательно. — А сколько писем написала! Правда, хорошо иногда поболеть. Не три месяца, конечно, поменьше. Полезно. Появляется время подумать, осмотреться. Это иногда лучше, чем сотню дел провернуть. В нормальной жизни как: несешься, закусив удила. Только вперед! Оглянуться некогда. А может, и бежишь-то не туда? И так ведь бывает... Одно меня серьезно беспокоило. Как ребята? Конференция же на носу. Я в середине сентября только выйду из больницы. Меньше месяца на подготовку. Времени, конечно, хватит, я доклад напишу, там всем бюро навалимся, сделаем. Но у нас большая идея была. Наш комитет узловой, а до сих пор мы занимались только делами Беркалита. На этот раз решили расшевелить все комсомольские организации по нашей линии, там их много — на каждой станции комсомольцы ведь есть. Хотелось делегатов от всех комсомольских организаций собрать, друг с другом познакомиться и дальше уже работать с размахом, как и положено настоящему узловому комитету.

Вышла я из больницы 15 сентября. Как там, думаю, мои ребята? А главное, что беспокоило, — все ли комсомольские организации по железной дороге провели свои отчетно-выборные собрания? Избрали ли делегатов на конференцию? Ведь многие организации, особенно отдаленные, числились только, а по сути не существовали. В них члены узлового бюро должны были выезжать, наладить там работу, помочь подгото-

вить и провести общие комсомольские собрания. Это и была самая главная работа. Если ее не сделали, уже ничего не исправить. Конференцию мы, конечно, проведем, но это будет ерунда. Одна показуха.

Поднимаюсь к себе на второй этаж. Ну, думаю, зайду сейчас, а там пусто и пыль на столе... Тогда прямо сегодня Сашку попрошу билеты купить обратно в Белово. Тем более, что и врачи рекомендовали из Якутии уехать...

Захожу в комитет, там дым коромыслом. Кто-то по телефону орет, с Золотинкой разговаривает. На полу листы ватмана, фотографии, делают отчет о рейде «КП», здесь же плакаты пишут и взносы Наташа Пузикова принимает. Так хорошо сразу стало — лучше любой больницы такие картины лечат.

Знаете, за эти три месяца ребята горы разных дел провернули. И что особенно важно: когда я в больницу ложилась, у нас комсомольский актив был человек двенадцать — члены бюро и еще пять-шесть комсомольцев, настоящий надежный актив. А сейчас шестьдесят человек со всех участков и отделений дороги готовили нашу первую конференцию.

Я, конечно, в эту кутерьму сразу кинулась и обо всем забыла. Так хорошо! Правда, как очумелая какая-то. Хлебом не корми, дай мне эту комсомольскую работу.

Вечером Саша за мной пришел. Пошли мы домой, он и говорит:

— Нина, уезжаем обратно в Белово. Я уже родителям написал.

Я так и встала посреди улицы. Ну и сюрприз! Чего-чего, а этого я от Сашки не ожидала. Сам меня в Якутию притащил. Только обжились, только интересно стало, и на тебе!

— Вот что, Саша, — говорю. — Все ты правильно решил (жалко только, что домой сообщил, теперь оттуда письмами замучают: когда приезжаете?), но конференцию я должна провести. Раньше, хоть ты меня убей, я никуда не уеду. Ты помнишь, о чем партком меня просил? Год поработать. А там организация сама пойдет. Ее запустить надо.

Так мы тогда и договорились. Потом я спросила, как его ансамбль.

Тут Сашка мой разговорился, повеселел. У них действительно интересные дела развернулись. В Доме культуры «Маяк» оборудовали они дискотеку. Сашка, руки золотые, устроил настоящую цветомузыку. Как он об этом заговорил, ну, просто белыми стихами, я и успокоилась. Значит, никуда мы не уедем. Но и другое я поняла. Как Сашка меня любит и жалеет. Ведь решил он уехать ради меня. Чего еще надо женщине?!

Трудно сказать, спал ли хоть кто-то из членов бюро накануне открытия конференции. Нина, спрятавшись ото всех, писала доклад. В комитете комсомола далеко за полночь гудели голоса. Будто не глубокая ночь, а самая середина дня. Беспеременно звонил телефон.

Утром в Беркалит начали собираться делегаты и гости. Раньше всех приехали на дрезине делегаты со станции Золотинка.

Как здорово были оформлены зал и сцена! В вестибюле у стендов толпились делегаты и гости, возле щитов «КП» слышались взрывы смеха.

Когда Нина поднялась на трибуну, вид у нее был несколько отрешенный. Утром она перечитала свой доклад и засомневалась: не слишком ли он получился сердитый? Но ведь конференция не праздник, вернее, не только праздник. И говорить надо прежде всего о деле, о нерешенных проблемах и трудностях.

Больше всего запомнился всем один из последних, заключительных аккордов конференции, когда зал стоял пел песню о тревожной молодости. Пели, как один, все сто пятьдесят делегатов. И Нина Соколова, вновь избранная секретарем комсомольского бюро, пела громче всех и радовалась, наверное, больше всех, потому что дело, которому она отдала столько сил, стало их общим большим делом.

ОПРАВДАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Культура — это трезвость

Уважаемая редакция!

Пишу вам по поводу статьи «Первая капля». Полностью согласен со всеми выводами автора о необходимости борьбы с питейными обычаями, традициями — за полную и абсолютную трезвость.

В антиалкогольной литературе имеются очень хорошие призывы. «Антиалкогольное воспитание должно быть частью общего воспитания. Оно должно проводиться постоянно. Должны развенчиваться все факты употребления спиртных напитков, даже встречающиеся в книгах, кино- и телепередачах» — цитирую брошюру «Алкоголь и дети», выпущенную в 1983 году. Можно было бы приводить еще очень много подобных высказываний. Их важно знать населению, так как по нашим законам дети и подростки до 18 лет (а не до 16!) не должны знать вкуса спиртного.

Однако получается, что для родителей и учителей все это тайна за семью печатями. Кто и как будет воспитывать наших детей в духе трезвости? Очевидно, для решения этой задачи надо мобилизовать все средства массовой информации, создать Всесоюзное общество трезвости со своим печатным органом,

клубы трезвости в школах и других учебных заведениях. Должна быть создана программа противоалкогольного, трезвеннического воспитания молодежи. Необходимо четко и однозначно дать понять, что «культура питания» ничего общего не имеет с настоящей, истинной культурой общения.

Наука всегда была и остается на стороне трезвости. Алкоголь, будучи специфическим ядом для мозга, губит в первую очередь и в наибольшей степени самые тонкие его структуры, а именно интеллект, сознание, чувство долга и ответственности перед родителями, семьей, обществом.

Вот, к примеру, что говорит медик о так называемой «культуре питания» в одной газетной статье: «То, что мы понимаем под состоянием веселья, возникающего от самых «малых доз», после приема самых «прекрасных вин», на деле всегда является эйфорией отравления! Так о какой же культуре тут может идти речь?!»

К этим словам нельзя не прислушаться.

Ю. ФЕДОРОВ,
кандидат технических наук,
Ленинград

Традиция?..

На родительском собрании в 10-м классе одной из ленинградских школ зашла речь о подготовке к выпускному вечеру. Мамы и папы говорили об атрибутах, без которых, по их мнению, в этот торжественный вечер не обойтись: о цветах, оркестре и... о шампанском.

Я предложил провести вечер без вина. Меня поддержал лишь один человек. Нам даже слова не дали сказать. Какая-то решительная дама с уверенностью, что выражает общее мнение, оборвала наши доказательства как «спор абсолютно беспредметный».

По реакции большинства присутствующих было ясно: они тоже за шампанское — такой уж, дескать, повод, без вина нельзя, традиция требует.

Странная возникает ситуация. Десять лет школа учила ребят добру, красоте. А заключительный выпускной акт с алкоголем прямо противоречит всему, что утверждалось школой. Почему? Разумного ответа нет.

Шампанское на выпускном вечере подталкивает ребят к вредной привычке: употреблять алкоголь по торжественным случаям. Сегодня выпивают на выпускном вечере, завтра — на именинах друга, послезавтра — на новоселье... Подобных «торжественных» поводов не счесть.

И вот, глядишь, покатился вниз один, другой...

А мы, родители, взрослые люди, все это видим, понимаем и тем не менее голосуем за шампанское. Нам кажется: шампанское — это так празднично, так невинно. Неправда! Шампанское — тот же алкогольный напиток, в котором содержится яд. Правда, тут алкоголь замаскирован газом, сахаром, эффектным выстрелом пробки. Но ведь не зря же говорят, что скрытый враг опасней явного.

А. ВАСЬКОВСКИЙ,
Ленинград

Спасибо, друг!

Читаю последние строчки статьи «Первая капля»: «Сумеют ли ребята понять Вику?... Сумеют ли преодолеть себя?..»

Расскажу одну очень похожую историю, но имеющую иной финал. Несколько лет назад к нам в геологоразведочную экспедицию приехал молодой человек — назову его Антоном — за характеристикой. Антон учился в институте, откуда его отчислили за не красивые дела, а точнее, за пьянство. Однако и в экспедиции хорошим поведением он не отличался: нарушал трудовую дисциплину, без стеснения пускал грубые реплики. Он считал, что из института отчислили его несправедливо: другие, мол, ведут себя точно так же и пьют не меньше, а исключили его одного. Геологи его невзлюбили, а я, несмотря на все это, подружился с ним. У Антона были литературные способности, и нередко мы вместе с ним сочиняли рассказы, которые посылали в местную районную газету. Жили мы в одной палатке и в маршруты ходили вместе.

Антон выпивал, как и прежде. Как я ни пытался его переубедить, он твердил одно: переучивать его поздно.

Из бесед с ним я понял, что Антон из хорошей, порядочной семьи, да и сам он, в сущности, порядочен, хотя много у него всякой шелухи... Оказавшись оторванным от дома и семьи, он принимал разные приглашения: на вечеринки друзей и земляков, на дни рождения. Повод вроде бы благопристойный, а по сути — просто выпивки. Нескончаемый водоворот гульбищ. И здесь, в экспедиции, Антон не понимал, что с ним произошло. Ну, получит он желаемую характеристику, а дальше?.. Станет ли он человеком, специалистом?..

Я решил пойти на крайнюю меру: написал обо всем в редакцию. Письмо было опубликовано.

Расстались мы холодно, но я верил: гнев у Антона пройдет, сойдет с него и эта шелуха, он еще поймет истинную цену жизни и преодолеет себя.

И вот спустя лет десять в одном из московских переулков я совершенно случайно встретил Антона. Он окончил институт, стал инженером. Теперь мы видимся часто. Антон познакомил меня со своими товарищами, рассказал им о нашей экспедиционной истории: чего, мол, не бывает в молодости. Но однажды, словно подводя итог своему прошлому, всерьез сказал:

— Спасибо тебе. Не будь тогда письма в газете, кто знает, где бы и кем бы я теперь был...

Н. СИНОПАЛЬНИКОВ,
Москва

Все знают, сколько бед творит пьянство. Неужели же это зло неискоренимо? Нет, покончить с ним можно, если навалиться всем миром, раз и навсегда отбросить питейные обычаи. А главное, как сказано в постановлении ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», надо воспитывать у молодых и юных стойкие трезвеннические привычки, подлинную культуру общения. Именно об этом пишут читатели, откликнувшиеся на публикацию «Первая капля» («Смена» № 5).

Слово ровесника

Уважаемая редакция!

Мне 16 лет, и я отнюдь не примерный мальчик — не отличник, есть даже приводы в милицию. Мы с друзьями тоже иногда выпиваем, курим, любим легкую музыку, под которую можно отдохнуть. Да, чего греха таить, бывает, хулиганим. Как видите, я не пай-мальчик. Свою компанию за коллектив не считаю, но, когда кому-нибудь из нас плохо, все стараются помочь, поддержать.

Что меня встревожило в статье «Первая капля»? Ребята отвернулись от своего товарища, бросили его в трудную минуту. А знают ли они, что значит потерять коллектив, остаться одному? За что они оттолкнули Вику? За правду. Почему же не подошли, не спросили у Вики, почему она написала это письмо?

Я понимаю: победа на конкурсе, день рождения, вы выпили. Зачем же теперь отказываться от содеянного? Умейте отвечать за свои поступки, а не оправдываться. Вы не поняли Вики, и в этом ваша ошибка. Когда девочка писала свое письмо, она наверняка знала вашу реакцию, знала, чем ей это грозит, и тем не менее не побоялась сказать правду. Вика — настоящий друг. Хотя, честно скажу, прочитав статью, я понял: нет у вас в ансамбле дружбы, и если так пойдет дальше, то ее никогда и не будет. Да, вы хотели поговорить с Викой. У вас было совместное собрание коллектива ансамбля, родителей, администрации Дворца пионеров, но Вика на него не пришла. И неудивительно! Вы хотели, чтобы она оправдывалась перед вами. Но все, что она хотела сказать вам, она уже сказала.

Андрей КНЯЗЕВ,
Вязьма

Горькая правда

Здравствуй, «Смена»!

Прочитав статью «Первая капля», я невольно вспомнил свои школьные годы. Когда и с кем я выпил первую рюмку, не помню, но то, что с нее началось мое разложение, разложение моей личности, сознаю.

Сейчас я отбываю наказание, и моя биография не заслуживает того, чтобы о ней писать. Прожил 25 лет, и все эти годы могут послужить наглядным примером, как не надо жить. И виной всему — та, первая, рюмка.

В своем письме я хочу заступиться за Вику, поддержать ее. Пускай она не все сделала правильно, не поговорила с ребятами о том, что ее тревожит. Ведь все они неплохие ребята, и я уверен, они смогли бы понять ее и порвать раз и навсегда с опасным пристрастием к вину.

Встревожило меня и еще одно обстоятельство — это коллективное письмо родителей. Конечно, любой человек согласится, что для родителей его ребенок самый лучший, самый одаренный и т. д. Какая мать не бросится защищать свое дитя, если с ним случилась беда! Но то, что родители из Чернигова обвинили Вику в неправде, оценили ее письмо как оскорбление, отвернулись от нее, это, по-моему, бесчеловечно. Очевидно, никто из них не подумал о том, что Вика большую часть свободного времени проводила с друзьями. С ними занималась и с ними отдыхала, радовалась первым совместным успехам. То, что она рассказала о них в своем письме, — правда. Конечно, Вика стусила краски, поэтому возмущению родителей нет предела.

Но в отличие от родителей Вика смотрит в завтрашний день. Она не считает ребят пьяницами, просто видит в их поступках начало того, что случилось со мной. И она права: всегда надо бить тревогу, если видишь, что подросток держит в руке бокал с вином. Нет, даже раньше, когда он еще только хочет попробовать это страшное зелье. Родители, которые обвинили Вику в неправде, так и не поняли, что она встала на защиту ребят, хотела, чтобы они уразумели, что вино и молодежь — понятия несовместимые. Своим письмом родители хотя и просто выгородили, оправдали своих детей. После такой защиты ребята еще больше посчитают обвинение Вики незаконным. В их сознании так и не останется раскрытой сути проблемы, о которой мы говорим. Если им разрешается выпить в день рождения, то где гарантия, что они потом не найдут повода выпить без разрешения?

Если бы не Вика, то где и когда ребята получили бы такой убедительный урок?

Владимир КРИВОНОСОВ,
Горьковская обл.

Белые колышки, уходящие частокотом вдаль,— здесь пройдет трасса канала. Вагонгородки с непременным флагом над штабным балком. Стада мощных бульдозеров, скреперов, других механизмов... В разговорах шоферов, геодезистов, инженеров то и дело мелькает привычное первопроходцам слово «вахта». И они действительно на переднем крае—свыше десяти тысяч молодых

мелиораторов, работающих на Всесоюзной ударной в Саратовской области.

Засухи здесь, увы, не менее постоянны, чем нынешние высокие урожаи на поливных гектарах. Строительство каналов в этих местах—работа не из легких. Тяжелая, мужская работа.

— Люди моего поколения хорошо помнят страшную засуху 1921 года,— рассказывал начальник «Главсредволговводстроя» Герой Социалистического Труда Иван Петрович Кузне-

цов.— Писатель Максим Горький тогда обратился ко всем честным людям Европы и Америки с призывом оказать помощь голодающим, а в газетах печатались вот такие письма: «Передаю мой скромный дар умирающим от голода братьям-крестьянам Поволжья... четыре колышка золотых, четыре рубля серебром...»

«...Приходится признать, что, как ни кажется заманчивым применение орошения в здешних сухих местах, вся площадь этого применения может составлять лишь каплю в море среди громадных и безводных пространств этого края, где нечего и думать о каком-либо орошении,— писал в конце прошлого века известный российский экономист.— Не особенно уже далеко то время, когда и эту великую реку (Волгу.— П. Н.) понемногу проглотит громадная азиатская пустыня. Нет будущего у этого громадного степного края, и нет, при настоящих социальных условиях, никаких средств оживить это буду-

щее...» Богатые урожаи тогда казались неосуществимой фантастикой.

А сегодня никого не удивляют такие, например, цифры: коллектив, возглавляемый Кузнецовым, сдал колхозам и совхозам более пятисот тысяч мелиорированных гектаров земель. И заслуга в этом прежде всего молодежи, составляющей на стройке большинство. Это молодые смонтировали сотни электрифицированных насосных станций, проложили тысячи километров трубопроводов. Не случайно поэтому самая крупная в области Волковская оросительная система переименована в Комсомольскую.

Много труда вкладывается в каждый поливной гектар, но велика и отдача: умелый хозяин получает на нем урожаи в три-четыре раза выше обычных. Вот еще несколько цифр: предполагается, что пшеницы на построенных гектарах одной лишь Комсомольской оросительной системы созреет за сезон не восемь-

ВОДА—

Петр НОВИКОВ.
Фото автора

КОРМИЛИЦА

РЕКА,
ПОСТРОЕННАЯ
ЧЕЛОВЕКОМ.

десять с небольшим тысяч тонн, как теперь, а без малого полмиллиона. Мяса будет получено не пять тысяч тонн, а все сорок.

...С борта вертолета видна необычная графика полей современного Поволжья. Будто кто-то прошелся с циркулем по бескрайним степям. Не на привычные квадраты, а на множество кругов расчерчена земля. Из центра каждого такого круга стелется тонкая паутина конструкции дождевальной машины. Самых же каналов не видно: все они, кроме магистральных, скрыты под плодородным слоем. Благодаря такой кровеносной системе земли Поволжья станут поистине «золотым запасом» страны. К концу столетия рукотворных гектаров в Саратовской области должно быть ни много ни мало — миллион.

— Ученые готовы к тому, чтобы еже-

годно проводить своеобразную перепись мелиорированных земель, — рассказывает директор института «Приволжгипроводхоз» Эдуард Петрович Рожков. — Руководители, виновные в их засолении, заболачивании, будут строго наказываться. Иной подход к хозяйствованию в наше время невозможен. Да и нерентабелен. Ведь напоить землю еще полдела. Перед нами стоит задача дать полю возможность самостоятельно выбирать режим жизни и «выдачи» готовой продукции.

Эти прогнозы директора института уже не фантастика. Испытаны и действуют устройства, способные дать полю самостоятельность в выборе режима полива на четверо суток. Саратовские гектары сами, без вмешательства человека, в зависимости от погоды включают и выключают дождевальные уста-

новки с помощью специальных электронных датчиков.

А на Украине уже проектируются поля, способные жить таким образом весь хлебобобовый сезон. В электронную память обслуживающих их систем закладываются более двух десятков исходных данных: технические параметры поливной техники, температура воздуха за последние тридцать лет, специализация хозяйства, особенности выращиваемых культур, свойства почвы и т. д.

На наших глазах усилия ученых, конструкторов, рабочих, преобразующих землю, воссоединяются так же естественно, как волжская вода, жаркое солнце и бескрайняя степь. И вызревают на этой земле удивительные плоды...

БУДУЩИЕ УРОЖАИ В РУКАХ АРХИТЕКТОРА МИХАИЛА ПЫБУЛИНА, МАШИНИСТА СКРЕПЕРА ИВАНА ПИМЕНОВА, ОПЕРАТОРА ЭВМ ОЛЬГИ АНИСИМОВОЙ.

ПРОЙДЕТ ВРЕМЯ, И В БЕЗВОДНОЙ СТЕПИ, ГДЕ СЕЙЧАС РАБОТАЮТ ГЕОДЕЗИСТ НИКОЛАЙ СПИЦЫН И БРИГАДИР АВТОСКРЕПЕРИСТОВ АЛЕКСАНДР ЖУЛЕВ, ЗАЗЕЛЕНЕЮТ ВСХОДЫ.

КТО ПОЕДЕТ НА «КАРТОШКУ»

Продовольственная программа и молодежь

Борис ФЕДОРОВ

Резервы. Они есть на каждом предприятии, стройке, в каждом хозяйстве. Их нужно находить, уметь использовать. И никто лучше самих трудовых коллективов не знает, как это сделать. Вот почему все большее значение приобретают умение трудиться по-новому, деловая и хозяйственная смелость, желание не останавливаться на малом, а доводить все начатое до требуемого результата. Повышение производительности труда, решительное улучшение работы на каждом участке, умелое использование рабочих кадров — вот задачи, поставленные перед каждым предприятием, каждым тружеником апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС. Мы рассказываем о конкретном примере инициативной, деятельной работы предприятий Псковской области, нашедших доступные всем возможности значительного улучшения дела там, где другие предприятия несут потери.

Свесны до глубокой осени лихорадит промышленные предприятия: сотни и тысячи рабочих, инженеров, служащих направляются на сельскохозяйственные работы — шефская помощь...

Кого посылают в первую очередь? Известно: прежде всего молодых, малоопытных рабочих, новичков, выпускников профтехучилищ. Руководителей заводов понять можно — ведь план выпуска продукции на период сельской страды им не снижают. Значит, на заводе надо оставить лучших работников, тех, кто этот план «вытянет». Но как это отражается на молодежи? Понятное дело, если человека то и дело отрывать от работы — не скоро он вырастет в классного специалиста. Отсюда неудовлетворенность работой, а то и обиды, конфликты: почему меня все время в колхоз отправляют, что, я хуже всех?

Теперь давайте посмотрим, как организована работа городских шефов в сенокосе, на уборке урожая.

Начало рабочего дня в 9—10 часов. Конец после обеда, в лучшем случае — к четвертому часу, потому что к пяти шефы должны быть дома, в городе. Знаю это не понаслышке — самому не раз приходилось выезжать на село.

А заработки? Почти мизерные — рубль-полтинник в день. Мой личный заработок редко превышал 3—4 рубля, хотя сказать о себе и своих товарищах, что мы бездельничали на колхозном поле, не могу. Есть такие работы, на которых даже при хороших погодных условиях нельзя заработать больше. Если пошел дождь, то и эти три рубля не заработаешь.

Мне скажут: для шефов заработок большого значения не имеет — ведь за ними сохраняется до ста процентов зарплаты по месту основной работы. Именно это многие считают одной из главных причин низкой производительности труда шефов. Мол, если не платить на предприятии — да и за что платить-то? — шефы сразу же начнут лучше работать в селе.

Но тут есть одна тонкость, которую знают все хозяйственные руководители.

Ведь что такое шефство с юридической точки зрения? В абсолютном большинстве случаев — перевод работников на другую работу. А такой перевод возможен лишь с согласия работника. Захотел — поехал в колхоз, не захотел — не поехал. За отказ от поездки наказать нельзя.

И еще одно: направление на село — это не только перевод на другую работу, это еще и перевод на неквалифицированную работу. Не у каждого

шефа есть права на управление комбайном. Значит, бери грабли или вилы... А трудовым законодательством такой перевод запрещен. Относится это требование закона и к оказанию шефской помощи. Так что любой из работников предприятия вправе отказаться от поездки в колхоз и на этом основании. Мол, предоставьте работу по специальности, тогда поеду... Поэтому, если не сохранять половину или всю зарплату на предприятии, немногие горожане согласились бы ехать в подшефные хозяйства и заниматься там за рубль или два тяжелой ручной работой...

Есть такие предложения: посылать в колхоз только тех, кто знает сельский труд, — тогда, мол, отдача от них будет больше. Но много ли найдешь в городе людей, умеющих косить, стоговать сено?

Другая проблема: сельский труд нелегок и требует прежде всего мужских рук. А как быть предприятиям легкой промышленности, где работают в основном женщины? Разряды по шефской помощи для всех заводов и фабрик примерно одинаковы: они рассчитываются не по количеству мужчин, а по числу работающих. И в итоге получается, что у трикотажной фабрики такой же план по заготовке сена, как и у машиностроительного завода, где большинство работающих — мужчины.

Так есть ли выход из этого на первый взгляд безвыходного положения? Есть. Его нашли в Великих Луках.

Мне не довелось присутствовать при рождении первых шефских подрядных бригад. Но зато видел их деятельность на фоне старой, традиционной формы шефства. Было это в колхозе «Россия».

Раньше великолукские шефы с радиозавода выполняли чисто сельскохозяйственные работы: пахали, сеяли, заготавливали сено, убирали урожай. А затем их стали посылать и в строительные организации Себежского района. Здесь они обычно работали на подхвате, доделывали то, что не хотели делать штатные строители. В общем, обычное шефство...

Но несколько лет назад производственные отношения между шефами и подшефными начали меняться. Заводчане по собственной инициативе объединились в бригады, взяли самостоятельный подряд на строительство жилья в хозяйствах и стали работать по методу бригадного подряда...

Бригада в колхозе «Россия», куда я приехал прошлой осенью, состояла из четырех человек. Фрезеровщик Виктор Новиков и плотник Александр Жигунов впервые на сельской стройке. А вот слесарь Борис Назаров и каменщик Дмитрий Ершов начинали свою

шефскую деятельность в первых заводских подрядных бригадах.

В комнате, которую они занимали, мест не осталось, поэтому меня поселили по соседству, где жили «обычные» шефы с радиозавода, присланные на заготовку кормов.

Вечером слышу разговор соседней по общежитию. Трое грузили сено на машины, а затем складывали в сарае. Заработали неплохо — по пяти рублей. У четвертого парня заработок повыше: пас коров. Один из двух пастухов запынствовал, не вышел на работу, пришлось его подменить. У пятого заработок мизерный, около двух рублей: пришлось больше ездить за разными грузами, чем работать.

В целом прошедший день шефами оценивается положительно. Бывали дни, когда их заработок не превышал рубля. И не потому, что не хотели работать. Но то погода подводила, то смежники по технологической цепочке. Да и организация труда в хозяйстве была не на высоте.

Работа в колхозе начиналась не раньше девяти часов. К этому времени подъезжали шефы из ближних городов, подтягивались к конторе колхозники. В это же время заканчивалась планерка и выдача нарядов. В час — обед. Шефов обычно привозили в колхозную столовую. К пяти, реже к шести часам работа заканчивалась. Шефы из Себежа и Идрицы уезжали домой. Работа могла продолжаться, так как на лугу оставались колхозники и великолукские шефы. Заводчане не прочь были поработать и побольше. Но возражали колхозники: много дел и в личных хозяйствах...

А вот у шефов-строителей, живущих в соседней комнате, другой распорядок. Около шести часов утра слышу шаги по коридору. Поднимаюсь и я. Приходится догонять бригаду уже в полном сборе идет на объект.

Работаем с шести до восьми. В восемь идем на завтрак. Там я встречаюсь с шефами, присланными на заготовку кормов, — они не спеша подтягиваются к столовой. Им спешить некуда: начальство еще не решило, чем они будут заниматься сегодня...

После завтрака мы уходим на стройку. В половине второго я снова встречаюсь с шефами-кормозаготовителями в столовой. Они приехали на обед раньше и на работу уедут позже, пока съездит домой и пообедаст шофер колхозного автобуса.

Ужинаем мы в семь — половине восьмого. Соседи в это время уже отдыхают. У нас же впереди работа — до десяти часов вечера...

Разница в продолжительности рабочего дня, а также в интенсивности труда отчетливо проявляется себя в заработке тех и других шефов. Связано это, в частности, с их независимостью от капризов природы. Если дождь — они переходят под крышу и ведут отделку дома.

Но главное, принципиальное различие между двумя «группировками» шефов все-таки в другом. Водораздел между ними проходит по организационной линии. Дело не только в том, что «обычные» шефы выступают в основном в роли подсобников, им отдаются невыгодные и самые тяжелые работы. Главное в том, что они вынуждены работать в рамках традиционной, сложившейся в хозяйствах организации труда — не больше восьми-девяти часов — по графику колхозных механизаторов, без которых на поле ничего не сделаешь. Да и работа у них не такая напряженная, как у строителей. Больше простоев, перекуров. И не только по вине шефов...

Есть еще один секрет высокой производительности шефов-строителей: они не отвлекаются на другие работы. А теми же шефами-кормозаготовителями затыкают любые «дыры», имеющиеся в хозяйстве. Я поинтересовался у них, как же они все-таки выполняют план по заготовке кормов.

— За это мы не волнуемся, — был ответ. — Колхоз даст нужную справку. И дает, чтобы скрыть недостатки в организации труда шефов. «Липовое»

сено чаще всего вылезает в конце зимы острой нехваткой кормов.

Вот такие сделки исключены при строительстве жилья. Количество сена можно приписать — кто взвесит? — а вот жилье — нет. Тут надо отчитываться реальными метрами.

В Великолукском горкоме партии мне дали справку. В 1983 году радиозавод должен был построить в подшефных хозяйствах Себежского района 1360 квадратных метров жилья. Построил 1758. Сделал это всего четырнадцать заводских работников. Примерно такая же ситуация и в целом по одиннадцати подшефным районам Великих Лук. Достигнуты эти результаты за счет внедрения в шефском строительстве метода бригадного подряда. А в других отраслях такой метод невозможен?

— А вот и наша техника, — сказал Анатолий Алексеевич Кондратский, показывая рукой на фабричную площадку, заставленную тракторами, пресс-подборщиками, тележками...

Анатолий Алексеевич — старший мастер основывающего цеха Великолукской трикотажной фабрики, секретарь партийной организации вязального производства, член комиссии парткома по оказанию шефской помощи. Вместе с начальником цеха Юрием Михайловичем Меньшиковым был в 1982 году организатором и командиром первого механизированного кормозаготовительного отряда.

Зачем фабрика закупила эту вроде ненужную для нее технику? Ведь она есть в подшефных хозяйствах. Первая моя внутренняя реакция на эту финансовую операцию была отрицательной: заводы и фабрики и так уже несут тяжелое бремя, посылая людей в деревню, а тут еще новые расходы...

Но главный инженер трикотажной фабрики Элина Леонидовна Богданова придерживается другого мнения:

— Деньги на сельскохозяйственную технику берем из фонда развития производства. Да это и небольшие расходы для фабрики. Так что ущерба для предприятия здесь практически нет. А вот выигрыш большой. Но пошли мы на это не от хорошей жизни: надо было выйти из тупика, в который зашла организация шефской помощи в начале восьмидесятих годов.

Фабрика систематически заваливала планы заготовки сена. Не помогали и справки о «липовом» сене. Брешь в планах была так велика, что эти фигурные или «липовые» листки не могли ее прикрыть.

Предприятие и не могло выполнить планы по заготовке сена, потому что 88 процентов работающих здесь — женщины. Им просто не под силу было выполнять задание. У фабрики оставался один выход: применить на заготовке сена метод бригадного подряда, но не на ручной, а на механизированной основе. Но хозяйства обычно отдают приезжим шефам самую плохую технику, на которой не хотят работать местные механизаторы. Поэтому фабрика и купила «свои» машины. А не лучше ли было взять в аренду колхозную технику? Этот вопрос я задал Анатолию Васильевичу Нестерову, бывшему первому секретарю Локнянского райкома КПСС. Сейчас он возглавляет Островский горком партии.

— Чужая техника не то, что своя, — ответил он. — На ней не та работа, не тот уход, не то отношение. И в Островском районе будем создавать такие отряды. От них очень большой выигрыш для хозяйства...

В справедливости слов Анатолия Васильевича я убедился тут же, на фабричной площадке. Был конец октября, а сельская техника уже стояла на линейке готовности. Тракторы, тележки, пресс-подборщики были очищены от грязи, чисто вымыты, вращающиеся детали и узлы смазаны солидолом, а открытый солнцу и ветру механизм вязального аппарата на пресс-подборщиках был тщательно накрыт непромокаемой бумагой. Такое впечатление, что

дай сейчас команду на выезд, и тракторы, взревев моторами, сразу же двинутся в путь... Третий год работают шефы на этих тракторах и пресс-подборщиках. А в хозяйствах уже много таких машин вышло из строя...

— Поначалу к нам отнеслись с недоверием, — вспомнил Анатолий Алексеевич Кондратский. — И председатель колхоза «Восход» Мария Сергеевна Богоутова встретила наш механизированный отряд настороженно. Колхоз был на последнем месте по заготовке кормов. И вдруг хозяйство через короткое время вышло на первое место в районе. Вот тогда в нас и поверили...

А мне в это время вспомнился еще один эпизод из деятельности первого кормозаготовительного отряда. Рассказал о нем Александр Николаевич Воробьев, заместитель директора фабрики:

— Сформировали мы первый отряд. Начали работать. Все идет хорошо. И вдруг вызов на бюро райкома партии. Сидим в приемной, гадаем: зачем? Ведь у нас все нормально. А дело, оказывается, вот в чем. В колхозах и совхозах не жаловали пресс-подборщики «Киргизстан-2», мол, ненадежные, вот дайте нам импортную технику, тогда будем как следует работать. А мы как раз и закупили «Киргизстаны». Действительно, вязальный аппарат там слабый. Но у нас нашлись толковые ребята, быстро поняли принцип работы вязального аппарата — он оказался такой же, как и на наших вязальных машинах, — наладили их, и дело пошло. Узнав об этом, Анатолий Васильевич Нестеров собрал бюро райкома партии и пригласил на него председателей колхозов и директоров совхозов. И задал вопрос руководителям подшефных хозяйств: «У кого есть претензии к трикотажной фабрике по шефской помощи?» Претензий не оказалось. Затем первый секретарь райкома партии продолжил: «Вот вы ссылаетесь на недостаток импортной техники. Оказывается, и отечественная может хорошо работать. Учитесь у трикотажной фабрики, как работать на наших пресс-подборщиках...»

Второй секретарь Псковского обкома комсомола Виктор Мельников, работавший раньше первым секретарем Локнянского райкома ВЛКСМ, сказал мне, что в 1983 году прибавка молока в районе составила 29 процентов. Все хозяйства также выполнили план по мясу.

— И еще вот что отметьте, — добавил Мельников. — Для нас не менее важно и другое, то, что нельзя выразить цифрами. Прежняя организация шефства не лучшим образом влияла на молодежь. Кое-кто рассматривал поездку на село как дополнительный отпуск: там можно не столько работать, сколько отдохнуть или развлечься. Веселье «на лоне природы» — обычное явление... Зарплата на заводе все равно идет. Что же касается самой работы — какой интерес парню, имеющему среднее образование и хорошую специальность, махать граблями? Теперь же фабрика, закупая технику, обеспечивает молодежь и интересной, квалифицированной работой, и хорошими заработками. Овладев сельской техникой, ребята получают и вторую профессию.

Есть ли связь между двумя фактами — первым механизированным кормодобывающим отрядом трикотажной фабрики и увеличением производства молока? Прямой связи вроде бы нет. Тогда фабричные кормозаготовители, работавшие по методу бригадного подряда, заготовили около 400 тонн сена, и оно, само собой разумеется, не могло обеспечить большую прибавку надоев. А вот встряска, которую получили на бюро райкома партии руководители колхозов и совхозов, сваливавшие до этого все недостатки в своей работе на шефов и плохую технику, могла обеспечить. Руководители «зашевелились», и коровы в итоге получили не «липовое» сено, а натуральное...

— Это наше приспособление для погрузки кип сена в кузова тележки, — по-

казал мне мастер швейного производства Геннадий Сурженко на конструкции из труб и полос, по форме похожую на перевернутые детские салазки.

Об этом приспособлении я уже слышал. Пресс-подборщики делают кипы (или тюки) сена весом 15—20 килограммов и сбрасывают на землю. Попробуйте эти кипы побросать в кузова тележки! Недожинная сила нужна. Женщин на эту работу не поставишь. А по «салазкам» сено попадает прямо в кузова.

Сейчас на трикотажной фабрике два кормозаготовительных отряда. В каждом из них до 10 человек. Все члены отряда, за исключением повара, мужчины в возрасте 25—40 лет. Двадцать «механизированных» мужчин заменили 200 «ручников», в большинстве своем женщин. Еще 80 человек пока заняты на ручной заготовке, но в ближайшей перспективе их должен заменить третий кормозаготовительный отряд.

И вот что характерно. Численность привлекаемых к заготовке кормов на фабрике непрерывно уменьшается, а объемы выполненных работ растут. В 1983 году 120 человек заготовили 1260 тонн. А в 1984 году силами ста человек заготовлено 1477 тонн. 70 процентов этого сена приходится на долю механизированных отрядов, работающих по методу бригадного подряда.

— Я уже три года не езжу на заготовку сена, — сказала мне молодая вязальщица Нина Клюева. — Разве только иногда на воскресники. Да и другие девчата из цеха больше не ездят.

— Значит, муж освободил вас от этой работы? — спросил я Нину, вспомнив о том, что недавно разговаривал с ее мужем Юрием, помощником мастера, который вот уже три года подряд работает в составе механизированных отрядов.

— Выходит, что муж, — улыбнулась Нина.

У Юрия я поинтересовался его вкладом в семейный бюджет: сколько он привозит денег из подшефных хозяйств. Выяснилось, что заработка у членов кормозаготовительных отрядов солидный.

— А не похожи ли вы на шабашников? — сказал я другому поммастера, Александру Баденцикову. — Работаете с утра до вечера. Да и заработки... Александр возмутился.

— Мы не шабашники, — решительно возразил он. — Работаем по расценкам хозяйства, лишних денег не получаем. Делаем не «липовое» сено, а натуральное. Вот у нас был случай. Оставили сено на ночь открытым: днем солнечная погода стояла. А ночью — гроза. Мы завели тракторы и помчались за пять километров накрывать сено от дождя. Разве шабашники так поступили бы? Они спокойно переспали бы грозу, а утром пришли к председателю: пиши наряд на пересушку сена, и побольше, а то сушить не будем, и сено пропадет...

Бригадный подряд изменяет психологию шефов, делает их сохозяевами, партнерами сельскохозяйственного производства.

...В прошлом году в Великих Луках начался новый этап развития бригадного подряда в шефстве. Вслед за строительством жилья и заготовкой кормов этот метод войдет и в другие сферы деятельности шефов.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Публикуя эту статью, редакция надеется, что читатели напишут нам, как они оценивают предлагаемый способ шефства промышленных предприятий над сельским хозяйством. Какие в нем плюсы и минусы? Может быть, есть и другие предложения?

После выступлений «Смены»

«ТРУДНЫЙ ХЛЕБ РАЦИОНАЛИЗАТОРА»

Резекненский ГК ЛКСМ Латвии сообщает, что факты, изложенные в статье «Трудный хлеб рационализатора» («Смена» № 23 за 1984 г.), подтвердились.

Статья обсуждена на информационном часе секретарей первичных комсомольских организаций города, на заседании комитета комсомола завода доильных установок, где принят план по устранению отмеченных недостатков. Всем комитетам комсомола города предложено обсудить статью и пересмотреть работу по развитию технического творчества среди молодежи.

В настоящее время ГК ЛКСМ Латвии совместно с отделением ВОИР организовал смотр-конкурс на лучшее рационализаторское предложение и на звание «Лучший молодой рационализатор». Вопрос о развитии НТТМ заслушан на заседании городского совета молодых специалистов. Совету указано на недостаточную работу по развитию технического творчества среди молодых специалистов, на необходимость создания комплексных творческих молодежных коллективов.

Молодежь города участвует в реализации республиканской молодежной целевой комплексной программы «Сокращение ручного труда в промышленности и народном хозяйстве Латвийской ССР». Экономический эффект в настоящее время составляет 60 тысяч рублей.

В феврале 1985 года на заводе доильных установок была организована встреча с изобретателем и рационализатором, о котором говорилось в статье «Смены», тов. Барканом. Планируется провести встречу на станции юных техников.

А. ЯЧУКА,
секретарь Резекненского
ГК ЛКСМ Латвии

Читатель — «Смена» — читатель

«ПОСЕЕШЬ ХАРАКТЕР...»

Здравствуй, «Смена»! В первом номере этого года прочитал статьи Н. Груздева «Посеешь характер...» и В. Шепеля «...Пожнешь судьбу». Действительно, почему не все люди работают с полной отдачей?

На заводе железобетонных изделий и на стройке, где я работал, один человеко-час «стоит» около 60 копеек — в месяц получается примерно 110 рублей. Кто же это подсчитал, что человек не может заработать больше? Как правило, нормы перекрываются в два-три раза.

Отдел труда и зарплаты сразу реагирует на это несоответствие, и в цех направляется работник отдела с секундомером в руках. Вот тут и начинается настоящий «цирк». В ход идут все уловки, лишь бы создать видимость напряженной работы и не дать снизить норму времени на одно изделие. Неверно было бы считать, будто так поступают одни рвачи — таким образом в некоторых случаях рабочие «исправляют» издержки нормирования. Поэтому мне и кажется, что недостаточно обращаться только к совести человека. Нужно еще нормирование и оплату труда привести в соответствие с жизнью.

Михаил ДУНЕВ,
инженер-строитель, 26 лет.
Кемеровская область,
п. Яшкино

ЧИНАРА

РАССКАЗ

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса былого...
Шекспир. Из 30-го сонета

Глаз чинары не видно, глаза у чинары неразличимы; потому что, в сущности, чинара видит всем своим стволом, ветвями, листьями, и когда чинара улыбается, то улыбаются сами ее листья, ветви, ствол, и я видел эту улыбку равно и в каждом листочке, и в тонких, длинных ветках, и в высоком стволе, чувствовал в этой улыбке единое тепло, единую тайную иронию и единый тайный укор (может быть, неприязнь?); но, когда этот укор (или неприязнь?) переставал быть тайным, проявлялся открыто, он ощущался больше в стволе, чем в листьях и ветках, потому что листья были нежны, ветки были тонки; а ствол был крепкий, грубый, он провожал год за годом, и тяжесть укора (или неприязни?), прямота укора душили человека, ломали ему руки, крушили ребра.

Теперь зима, и чинара — та самая чинара, — наверно, совсем голая, мерзнет, а когда чинара бывает такой голой, когда мерзнут в холодный зимний вечер ее тонкие и длинные, как волосы, ветки, чинара издали похожа на Меджнуна.

Но тогда едва отошла весна, началось лето, и высокая, худощавая чинара издали походила на Дон Кихота.

Было лето, и мы рано утром выехали из Баку, потом проехали Шемаху и, спускаясь по Ахсуинским извилам, направлялись к Тбилиси, собирались день или два пробыть там, а затем, останавливаясь на ночлег в гостиницах, проехать по берегу Черного моря к Северному Кавказу, а потом по шоссе Ростов — Баку вернуться домой; как обычно, мы выехали в свое летнее путешествие на месяц, у меня был отпуск, у детей — каникулы, золотая пора, и больше всего удовольствия в этом путешествии мне доставляла радость Вугара, Севиль и Солмаз, их беззаботность, да и Гуляр получала удовольствие от того же.

Гуляр — моя жена, Вугар — наш сын, Севиль и Солмаз — наши дочки, и вот уже четвертый год мы вот так отправлялись путешествовать, объезжая извивы Ахсуинского перевала.

Было лето, и я в это жаркое летнее утро вел «ГАЗ-24» и, как только миновал очередной зигзаг, увидел чинару и, не сумев сдержаться, воскликнул:

— Та самая чинара!..

Вугар спросил:

— Какая чинара?

Севиль спросила:

— Что за чинара?

Солмаз сказала:

— Ну и что, если чинара?..

Гуляр не без удивления взглянула на меня в зеркальце машины, и я ни в то летнее утро не понял, ни теперь, через столько месяцев, понять не могу, почему вдруг сильно покраснел, как будто дети меня голым увидели или как будто на глазах у всех я сделал какую-то неловкость и спохватился, заметив, что на меня смотрят.

Какая чинара? Что за чинара? Ну и что, если чинара? И правда: ну и что, если чинара? Бакинские дворы полны таких чинар, и чем эта чинара отличается от других чинар, и что это я так взволновался, так закричал?

Однако эта чинара была моя чинара.

Нет, я не посадил эту чинару, и видел я эту чинару всего четвертый раз, но эта чинара была моя чинара.

Любимые нами есть не только среди людей; есть у каждого любимцы во всем сущем и в первозданной природе, и, быть может, сами люди не ведают об этом: кто любит легкий, летучий туман, кто — дождь, кто — тенистый лес или, скажем, гранатовое дерево в ярко-красном цвету, или же горную речку, со звонким журчанием бегущую по дну ущелья; а сказав, что люди и сами не ведают об этом, я хотел сказать, что, к примеру, падает снег, и ты сам не осознаешь, как этот снег любим тобою, как тебе дорого, что все вокруг становится белым-бело, и ты сам очищаешься весь среди этой ослепительной белизны, и падает, падает снег, и ты стоишь под падающим снегом и смотришь на обьявшаю все вокруг девственно чистую белизну, смотришь, и, пока идет снег, нет на свете человека чище и невиннее тебя, но до снега так не было и не будет так после снега...

Когда мы с отцом, мамой и сестрами навсегда покинули свой маленький деревенский дворик и переехали в Баку, война только что окончилась, и я был совсем маленьким. Прошли годы, и мое младенчество осталось в таком недостижимом, вечном далеке, при мысли о котором комок подступает к горлу; и я начисто забыл и дом в тесном дворике, покинутый нами, и что там было, во дворе и его окрестностях, не забыл только рослую чинару, бросавшую всей своей статью как бы вызов нашему дворику да и вообще белому свету: эта чинара навсегда осталась во мне и со мной.

У всех людей руки, ноги, уста, у всех чинар ствол, ветви, листья, но, как и люди, они не похожи друг на друга, они разнятся обликом, и, когда среди них, как и среди людей, ты замечаешь кого-то похожего на твоего заветного милого друга, навсегда оставшегося в прошлом, щемящее волнение охватывает душу, и волны его захлестывают, уносят тебя, и, как ни силясь, не совладать тебе с собой...

А может, ты и не хочешь совладать?..

Зигзаги сменяли один другой, но мне казалось, что не мы приближаемся к чинаре, а чинара приближается к нам, и по мере того, как чинара приближалась, еще выше становилась ее донкихотская высота, понемногу начинали различаться ветки, а потом и листья, и я, как в прошлом году и как в предшествующие годы, снова услышал голос листьев этой чинары и, разумеется, понимал, что этого не может

быть, что на таком расстоянии; внутри машины, в этом летнем безветрии, а к тому же на изрядной скорости, да еще когда по магнитофону, включенному Вугаром на полную мощность, поет Демис Русос или бог знает кто, услышать голос листьев чинары невозможно, но хоть я и понимал это, я слышал голос чинары и даже чувствовал, что это не просто шум листьев, что чинара способна говорить, как человек; и это чувство, как прежде, пугало меня, страшило, и мне снова захотелось повернуть назад, в крайнем случае остановить машину и бежать от этих мест, но зигзаги сменяли один другой, Демис Русос или кто-то там еще громко пел, чинара быстро надвигалась на нас, и я уже слышал не просто голос листьев чинары, а произносимые ею слова.

Страх, даже ужас охватил меня всего, и в мозгу у меня мелькнуло мгновенное, как разряд молнии, страстное желание не делать следующего поворота, пусть машина едет прямо, пусть упадет в пропасть, и в сердце моем пробудилась безумная надежда: мол, не бойся, с детьми ничего не случится, а если что произойдет, то произойдет с тобой, не бойся, не заворачивай, но я завернул, потому что вместе со страхом, даже с ужасом в сердце моем было и тайное чувство безопасности, и чувство безопасности говорило: не бойся этой чинары, в природе этой чинары есть и мягкость, и незлобивость, она милосердна и не причинит тебе вреда; и словно ее незлобивость, ее мягкость тут же коснулись меня, и я почувствовал боль и грусть (которых, очевидно, и боялся), и все мое тело, сердце, мозг молили о милосердии.

Я знал, что как только чинара достигнет нас, она сядет в машину, но как поместится такое высокое, такое раскидистое дерево в наш «ГАЗ-24»?

Сердце мое тайно желало этого: мне хотелось, чтобы чинара села в машину, но вместе с тем в моем сердце возникла и откровенная надежда: я надеялся, что чинара не влезет в машину, не сможет сесть в машину или не посмотрит на меня, сев рядом со мной.

И в самом деле, как она могла поместиться в машину? Ведь годы шли, и эта чинара выростала и становилась все ветвистее, но, когда она остановила машину и, открыв зеленолиственным ветками переднюю дверцу, села рядом со мной, я остолбенел: такое огромное дерево по-прежнему легко уместилось в машине, правда, листья и ветки заняли все ее пространство, но все равно не обломились, не сломались, не оборвались и внесли с собой внутрь машины прохладу раннего летнего утра, в машине подул легкий ветерок, и хорошо, что подул этот ветерок, иначе на сей раз я задохнулся бы.

«Что это за музыка?» — Голос у нее был и молодой, и старый, я не смог бы сказать, кричала она или шептала.

«Кто ее знает... Вугару нравится...»

Она промолчала, ничего не сказала, но я прекрасно понимал, что она молчит не потому, что ей все равно, и не потому, что ей жаль меня, нет, наряду с незлобивостью, мягкостью, милосердием в ней была и жестокость.

«Не бойся».

«Чего мне бояться?» — И в тот же миг я увидел улыбку в ее неразличимых глазах, и эта улыбка постепенно распространилась по всему ее грубому стволу, по всем ее листьям и ветвям, и по мере того, как я, отвлекаясь взгляд от дороги, все внимательнее смотрел на нее, я вначале острее всего почувствовал ее иронию, потом пробивающийся сквозь несколько слоев укора (или неприязни), и в отличие от иронии, а также и милосердия укор (или неприязнь) был физически ощущуем, он был жидким, был как прозрачный сок, и этот прозрачный сок как будто время от времени окроплял меня, был липким, касался моей руки, касался моего лица.

«Но почему, за что?»

Она улыбнулась всеми своими листьями, ветвями, стволом.

«Разве другие лучше меня?» — Я сказал это, но тотчас же понял, что это бессмысленные слова, потому что, увы, наш разговор не касался никого другого на целом свете, потому что, увы, на свете сейчас вообще никого не было, был только я, и еще была она, и еще была ее прозрачная улыбка; и я понял бессмысленность произнесенных мною слов, но в тот же миг внутри меня возникла страстная злость, ее улыбка всеми листьями, ветвями, стволом пробудила во мне безумное ожесточение, и мне захотелось, глядя ей прямо в глаза, закричать: да, я потерял душу, я живу, как автомат, я вообще не живу, да, да, да, все это так, но я не боюсь ничего, смотри, сейчас я пушу машину прямо, вот за этот поворот я не заверну, и ты вместе со мной свалишься в пропасть; но я не смог закричать, ничего не смог сказать, потому что внезапно почувствовал себя внутри летящей в пропасть машины и весь покрылся холодным потом.

Она снова улыбнулась всеми своими листьями, ветвями, стволом.

Ахсуинские зигзаги окончились, и абсолютно прямое шоссе тянулось и тянулось, и сияло летнее утро.

«Я очень тебя люблю, и листья твои, и ветки, и жесткий ствол. Хочешь — убей меня! Обхвати ветками мою шею, мои ребра, сдави и убей. Кто узнает, что это твоих рук дело, кто догадается?»

«Ты очень несчастен...»

«Да, очень».

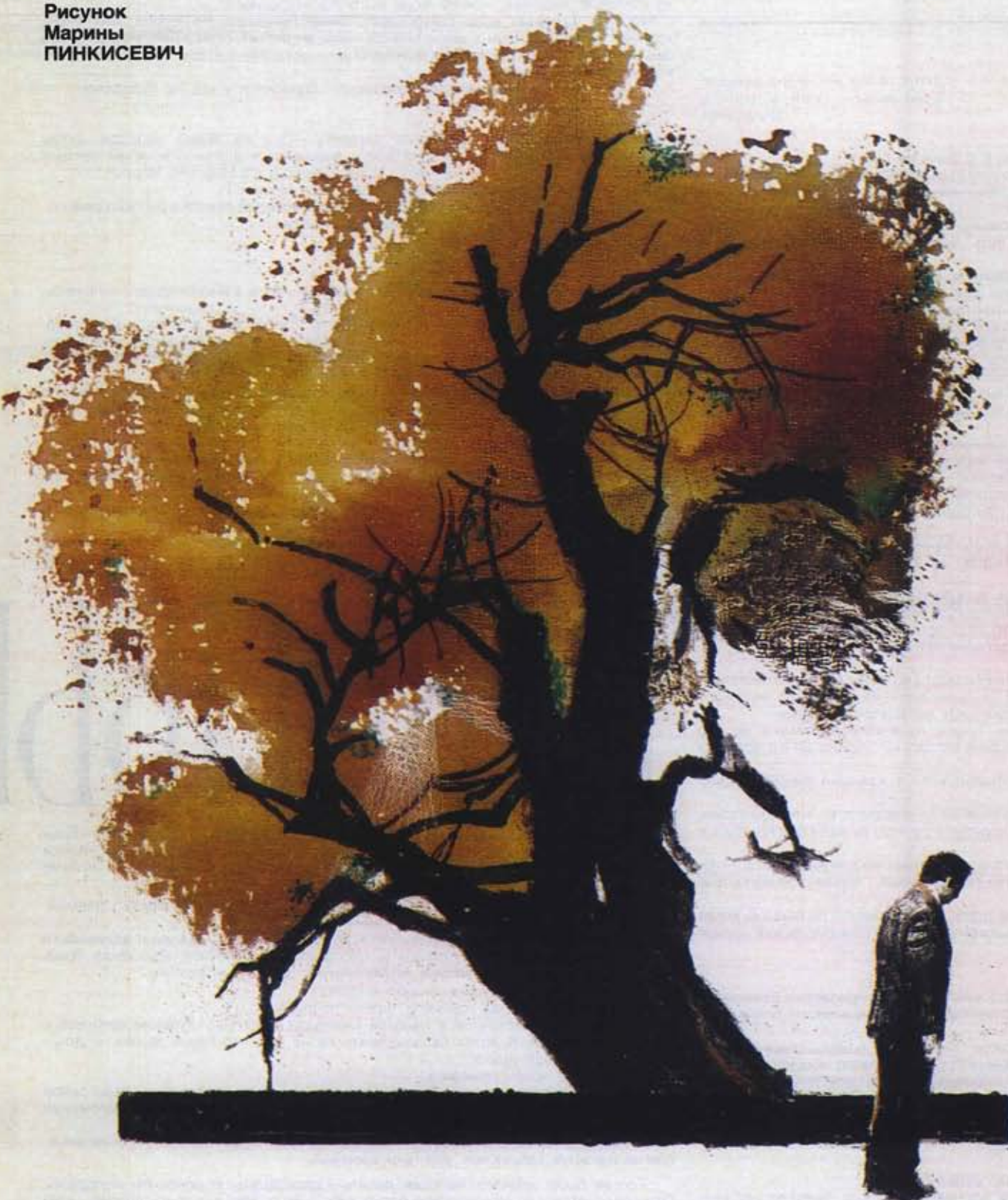
«Но в прошлом году ты так не говорил...»

«С прошлого года прошло двенадцать месяцев. Двенадцать месяцев — это триста шестьдесят пять дней. И при трехстах шестидесяти пяти днях есть триста шестьдесят пять ночей...»

«Ты хорошо считаешь. Это оттого, что ты деньги считаешь. Сколько их у тебя теперь?»

«Я уже не считаю. Кидаю куда-то, там и лежат...»

И я ничего не мог с собой поделать, сердце мое начало колотиться оттого, что она всеми листьями, ветвями, старым, грубым стволом спросит, на что же я променял жизнь, но она спросила другое:

«Гюляр тоже не считает?»
«Ей тоже надоело, не считает больше». — На этот раз у меня на лице тоже была ирония, но ирония относилась не к Гюляр, а ко мне самому; я не мог посмотреть в зеркало, но знал, что это так: на лице у меня ироническая гримаса.

«Дай, пусть дети посчитают».
«Их ты не трогай».
«Почему?»

«Тебе этого не понять. Ведь ты не человек. Может быть, не поняла бы, если бы и была человеком, потому что и среди людей себя можешь понять только ты сам, а не другой...»

На этот раз и в листьях ее, и в ветвях, и в старом грубом стволе была откровенная неприязнь, и мне хотелось уязвить ее, хотелось спросить, она только меня так осуждает или всех людей на земле? Но я ничего не спросил, потому что ее холодная неприязнь жгла мне сердце, потому что я любил эту чинару, от всего сердца любил ее листья, ветви, старый, грубый ствол.

«Но если я так тебя люблю, значит, я не могу быть совсем уж дурным человеком. Значит, во мне есть что-то доброе. Я тебе противен, ты брезгуешь мной, хочешь вернуться обратно на свое место, задыхаешься в этой машине, не чувствуешь себя здесь свободной, не умещаешься здесь, но почему ты не понимаешь, что я тоже не вмещаюсь в эту машину, и у меня есть сердце, и у меня есть мысли, я не совсем бездушен, и вообще совсем уж бездушных людей нет. Тебе я противен, а вот Вугар

меня любит, Севиль меня любит, Солмаз меня любит, я им нужен, необходим, а если они меня любят, если я им нужен, даже необходим, значит, и во мне есть что-то доброе...»

«Тогда чего же ты хочешь? Если все так хорошо, тогда чего же ты от меня не отстаешь? Я не человек и, может быть, ничего не понимаю в тебе...»

«Неужели уже ничего не осталось во мне?»

«При трехстах шестидесяти пяти днях есть триста шестидесять пять ночей; и сколько из этих трехсот шестидесяти пяти ночей ты можешь спать спокойно?»

«Ни одну... Днем голова занята, днем человек обо всем забывает, делает хорошее, делает плохое, а ночь — вот горе. Ничего не боюсь я, ни осуждения, ни позора не боюсь, только ночей боюсь... Избавь меня от ночей, избавь меня от того, чтобы ночами я оставался один на один с самим собой, избавь... Ведь если я так тебя люблю, значит, есть во мне что-то доброе! Избавь же меня от ночей, укажи мне путь...»

«Путь? Путь перед тобой. Прямо в Тбилиси тебя поведет. Друзья тебя там ждут, и все пройдет отлично. Потом Черное море, потом...»

«А ведь ты не должна была бы быть такой жестокой...» — И, не знаю почему, мне вдруг вспомнилась легенда (а может, это и не легенда, а так оно и было?), которую я слышал в детстве: когда на земле случился всемирный потоп и начал свое плавание Ноев ковчег, один человек, барахтаясь в воде, закричал: «О пророк, кинь мне веревку, возьми меня в ковчег. Помнишь, однажды у тебя не было муки, чтобы хлеб испечь, ты голодал, и я щедро помог тебе, я давал тебе муку мешками!» Ной сделал вид, что не слышит его, не видит, ибо в тот момент, когда вода залила землю, он подумал: вытащу я этого человека из воды, спасу, а потом он потребует назад муку, которую давал мне...

Почему мне вдруг пришла на ум эта легенда?

Дорога... Нет, это была не дорога Баку — Тбилиси, эта дорога была дорогой моей жизни, и я с самого рождения был путником на этой дороге, шел, шел и шел: у всех начало и конец одинаковы, однако пути, ведущие от начала до конца, неодинаковы, вернее, все идут по одной дороге, по одному шоссе, но по одной и той же дороге каждый идет своим путем, и каждого путь ведет сквозь те часы, когда он один на один с собой.

Тот барахтавшийся в воде человек должен был обмануть пророка, должен был сказать Ною: не я тебе, а ты мне давал муку мешками, — тогда, наверное, Ной вытащил бы человека из воды, потому что, наверное, Ной подумал бы: спасу я этого человека, и он вернет мне свой долг.

Но эти зеленые листья, эти ветви, этот старый и грубый ствол принадлежали не пророку Ною, а дереву чинаре, а чинары издали похожи на Дон Кихота.

«Может быть, ты мне не веришь? Может быть, ты думаешь, что я и тебе лгу? Поверь, поверь мне... Я тебя так люблю, и листья твои люблю, и ветви, и жесткий ствол. Ты права, я и Гюляр, бывает, обманываю, ты права, я и друзей иногда обманываю, и себя обманываю, но тебе я говорю правду, я очень люблю тебя, поверь мне, поверь...»

— Ой!.. Что это с тобой?! Почему ты плачешь?

Это был голос Гюляр: Гюляр со страхом и изумлением глядела на меня в зеркальце машины.

И Вугар, и Севиль, и Солмаз удивленно смотрели на меня.

Я тоже взглянул на себя в зеркальце и торопливо вытер покрасневшие мокрые глаза, хлопнул носом и немного успокоился.

Потом улыбнулся детям.

Пел Демис Русос или кто-то вроде Демиса Русоса, я их не различал хорошенько, и Вугар, отведя от меня взгляд, уткнулся в свой магнитофон.

Гюляр сначала разнервничалась, потом понемногу успокоилась и задремала. Девочки смотрели на тянущиеся вдоль дороги цветы, горы, луга.

Чинара давно осталась позади, и ее не было видно.

Перевод с азербайджанского
Э. ВЕЗИРОВОЙ и В. ПОРТНОВА.

*Добро делаем — добро снится,
Худо делаем — худо и снится.*
Пословица

Наша мама овдовела рано. Ей и сорока не было. Мы и думать не думали, что наша мама, кроме того, что мама, еще и женщина. Женщина со свойственными каждой женщине интересами, слабостями и потребностями. Мы — это три ее сына, родившиеся с интервалами в три года, старшему из которых, то есть мне, не стукнуло тогда еще и восемнадцати.

Родственники так нас и называли: Старший, Средний и Младший. Мы твердо знали, что у нас одна и только одна мама — Рипсимэ, а у нее — три и только три сына. Не просто три сына, а три сына-армянина.

Чтобы маму к телефону подзвал мужской голос? Чтобы мама на улице беспричинно и подолгу говорила с незнакомым субъектом мужского пола — да хоть с самим генералом?! — и подумать об этом нельзя было! А чтоб за порог дома кто ступил?! Боже упаси!..

И не потому, что мы боимся за маму — она найдет кому и как ответить, — нет, просто... Просто... Что соседи, что люди подумают? Правда, был один такой случай.

Лысый Мисак, мясник из ближайшего к нашему дому магазина, перед первомайским праздником явился к нам с молодой бараньей ножкой.

— Вах-вах-вах!.. Лучшая часть для шашлыка! — объявил он с порога. Средний так на него посмотрел, так его оттолкнул от дверей, что бедный Мисак и по сей день на левую ногу хромает, а нас — трех братьев — когда на улице увидит, на другой тротуар переходит.

(Кстати, этот «бедный» мясник говорил как-то нашей соседке по этажу: «Если бы Рипсимэ пошла за меня замуж, я бы каждому из ее сыновей по «Жигуленку» подарил».)

Надо сказать, что крепость-то крепкую мы воздвигли вокруг мамы, а выводить ее из этой крепости в театр, в музеи, на концерты да хотя бы в кино под открытым небом в летнем зале и не собирались. Только к тетям, к дядям, и то, когда где свадьба или похороны очень близких родственников.

Шли дни, месяцы, годы. Я уехал учиться в Москву. Средний, заняв мое место во главе стола, автоматически стал главой семьи; Младший хотя и проходил — из-за своего высокого роста — на вечерние киносеансы, но по-прежнему оставался Младшим.

Мама чуть расплнела, поседела у нее голова, потяжелела походка, но без сыновей, кроме как в магазин и на базар, из дому ни шагу не ступала. Да и в доме без нас никого не принимала.

Однажды в Москве в парикмахерской «Чародейка» я услышал такой разговор между двумя женщинами.

— Э-э, что нужно женщине для полного счастья? — спросила та, что помоложе. — Чтобы у дитя брюхо было сыто, попа прикрыта да чтоб за умом не стучаться в чужой дом, — ответила та, что постарше.

— Для счастья, может быть, матери этого и достаточно, но для женщины?.. — пожалала плечами третья. — Для полного счастья ей еще нужно... крошечное зеркальце и солнечная поляна.

Этого мы — три брата, — к сожалению, не знали и не понимали: ни раньше, когда школьниками были, ни потом, когда пионерский галстук на комсомольский значок сменили...

Став студентом МГУ, я первые же летние каникулы решил провести в Ереване, с мамой и с братьями. Старался быть джентльменом, пытался, как писали романисты XIX века, выводить маму в свет.

...Сидели мы однажды в театре. В партере. Как сейчас помню, оперу Армена Тиграняна «Ануш» слушали. Закинул я правую руку за кресло и обнял маму за плечо: соскучился сильно. Вдруг чувствую, сбрасывает кто-то мою руку с ее плеча. Оглядываюсь — мамина рука.

— Стыдно, — шепчет она, — что люди подумают? «Или она чувствует себя по-прежнему молодой женщиной, или я уже заметно повзрослел», — подумал я, но вслух сказал:

— Так я же твой сын. — На лбу это у тебя не написано, — тихо ответила мама.

Убрал я руку, но от одной только мысли, что мама полагает, будто за ней еще могут ухаживать мужчины — и даже двадцатилетние! — на душе стало тепло и светло.

На следующий год в дни зимних студенческих каникул мама приехала в Москву. Братья остались с бабушкой.

Мне тогда казалось, что мама моя — самая-пресамая почетная гостья столицы, а я лучший в мире ее гид.

С помощью родителей моих однокурсников мы «без нагрузки» достали билеты на дефицитные спектакли в модные театры. Побывали в Большом театре и в Малом, в старом столетнем цирке на Цветном бульваре и в новом, что на Ленинских горах. В первом отделении аплодировали медведям Филатова, во втором — подводным гимнастам.

Были мы и в Третьяковке, и в Историческом музее, и в Оружейной палате, ездили даже в Архангельское.

А однажды на скоростном лифте я поднял маму на самую верхотуру Останкинской телебашни и, показывая на церковные золоченые купола, сказал:

— Знаешь, мама, рассказывают, что некогда русская императрица дала наказ своим вельможам: церкви в Москве строить так, чтобы с любой улицы был виден хотя бы один церковный купол. Я проверил — это так.

Наверху башни у меня и настроение было, как будто я лечу. Еще бы: ко мне приехала мама!

«Слушайте все, слушайте все! Ко мне приехала мама!» — Э, сынок, у меня закружилась голова, — тихо сказала мама, когда мы ступили на смотровую площадку Останкинской телебашни, — давай спускаться вниз. Хотя мы и горцы, но на земле чувствуем себя лучше, спокойнее. Земля всем людям мать, не небо...

Перед сном мама сказала:

— Послушай, сынок, почему ты никогда не берешь меня в гости? — Затем, улыбаясь, добавила: — По-прежнему боишься, что украдут мужчины?..

Перед сном я долго думал-гадал: к кому повести маму, чтобы и дом был не холостяцкий, как мой, и чтоб люди были поинтереснее?!

Утром я позвонил моей сокурснице Эмме Ланцовой. Во-первых, она очень красива, во-вторых, дом у нее — полная чаша, в-третьих, отец у нее генерал! Мать Эммы, косметичка, в разводе с мужем. И дочь осталась с отцом. (Маму навещает, когда отец в командировке.)

— Эмма, что сегодня вечером делаешь? — спросил я у нее по телефону.

— О, у нас сегодня праздник.

— Какой?

— Погоди секундочку, я возьму сигарету. — Она на время умолкла, затем продолжила: — Понимаешь, предка моего повысили в должности, и мы сегодня решили немного погулять... А что?.. У тебя билеты на Марселя Марсо?

(Этот мим-чародей тогда был на гастролях в Москве.)

— Нет, — сказала я, — ко мне приехала мама, и я хотел ее свести в русскую семью...

— Послушай, Роби, у тебя мать как? В порядке?

— То есть?

— Ну, красивая она?

— А-а. Очень!

— Тогда о'кэй! Мы ждем вас, как любит говорить папа, в восемнадцать ноль-ноль.

Гуд бай!

Я поделился с мамой моими планами. Она и хотела пойти в гости, и не хотела. Хотела, потому что это первый русский дом в Москве, куда ей предстояло идти, а не хотела, потому что у нее не оказалось соответствующей сумки... к черным туфлям. Не захватила из Еревана.

Выход нашли. Благо была суббота, не воскресенье, магазины открыты. Черную продолговатую сумку с бронзовой окантовкой купили, как это ни странно, не в ГУМе, не в ЦУМе, а в Военторге, что на Калининском проспекте.

Зная мамину привычку смотреться в зеркало без свидетелей — вдруг захочет ресницы кверху подогнуть, — я оделся побыстрее и направился к выходу.

— Ты пока одевайся, я поймаю такси, — сказал я и добавил: — Мам, не бери ты свою черную шаль... Хотя она и красивая, но старит тебя.

В машине я взял маму под руку и расстегнул пуговицы на моем пальто: в столичных такси и зимой лето.

— Убери руку, — сказала мне мама на армянском, — видишь, смотрит, — и глазами указала на молодого водителя в высокой пушистой папахе, как у Махмуда Эсамбаева.

РЕВНИВЫ

— О, мамочка, он в машине и не такое видит, — ответил я на армянском. — Если бы я был ректором Литературного института, то студентам, проработавшим в такси или в магазинах, к оценкам за семестр по одному бы баллу прибавлял! За летнюю практику. Жизнь изнутри изучают!

Шофер, потеряв интерес к непонятной ему речи, недовольно чиркнул спичкой, закурил.

— Пожалуйста, у Таганки поверните к Птичьему рынку, — сказал я водителю и через сиденье протянул ему сигареты «Ахтамар», — попробуйте, армянские. Говорят, хорошие... Двадцать четыре зарубежные страны покупают их.

— Спасибо, — улыбнувшись, сказал водитель.

До дома Ланцовых мы говорили только по-русски. Эмма встретила нас широкой улыбкой. Она была в платье с глубоким декольте, с открытыми руками. Я хотел было сказать ей на ухо, что такой разрез не для... гм-гм-гм, но сказал другое:

— Тебе идет новая прическа.

Навстречу нам вышел отец Эммы в дорогом финском костюме, в новой белой сорочке без галстука. Короткая прическа, толстая шея и плотное телосложение делали его похожим на бывшего самбиста.

— Ланцов Емельян Демьянович, — четко и вежливо представился он моей маме, слегка щелкнув каблукми: все-таки военный.

...Гостей было немного, человек десять — двенадцать. В основном молодежь. Одни рассматривали африканские маски, висевшие по всей квартире, другие — прекрасную библиотеку, подобранную, как солдаты на парад, в один «рост» — по ранжиру.

Я повел маму в комнату, где на специальных стеллажах стояли крошечные, ярко окрашенные самолеты, советские и зарубежные. Целая коллекция!

— Мам, Емельян Демьянович — опытный летчик. Сейчас генерал, хотя ему немногим более пятидесяти. Жаль, что он не в форме, правда?

— А мне кажется, что так лучше, скромнее, — тихо сказала мама, — военная форма, даже самая красивая, давит на других людей, будто командует: «Смирно!»

— Может быть, — согласился я, — об этом раньше не думал.

— Эх-эх, сынок, мы о многом не успеваем в молодости подумать, а потом, когда приходит старость...

— Мама, не надо, тебе до нее еще далеко, не надо...

Эмма в это время отозвала меня в сторонку и сказала шепотом:

— Старик, за столом ты сядешь возле меня. О'кэй?

— А... твой этот, как его, Гарлун?

— Пусть поревнует, — сказала она кокетливо и побежала на кухню. Надо сказать, что многие из нас, студентов-филологов, уже печатались там-сям. Кто стихотвореньице под рубрикой «Из творчества наших читателей», кто статейку «Как мы помогли колхозу», а Виктор Гарлуненко, хотя и был на четвертом курсе, уже успел выпустить книжку стихов. Правда, во Львове. Правда, тоненькую и в мягкой обложке, но кичился. А так Виктор неплохой парень, мозговитый, общительный, хотя внешне — высоким ростом и широкой спиной — больше похож был на культуриста, нежели на поэта. Он давно ухаживает за Эммой. А Эмма все шутит: «С ним хороше в непогоду гулять: как лужа — сразу на руки берет».

Рисунок
Марины
ПИНКИСЕВИЧ

Е СЫНОВЬЯ

На протяжении всего вечера Емельян Демьянович ухаживал за мамой.
— Товарищи,—неожиданно для всех громко сказал он,—мне очень приятно приветствовать у нас гостью из далекой Армении — Рипсимэ...— И он посмотрел на меня.

— Назаретовну,—подсказал я.
— Так точно, Назаровну. Строго говоря, Армения—не столь уж и отдаленная республика. На современной машине от Москвы до Еревана можно долететь за шестьдесят—семьдесят минут. Порой мы от дома до Шереметьева добираемся за час. Сколько замечательных людей дал ее маленький многострадальный народ. Четыре маршала, товарищи, четыре маршала! Я уже не говорю о Нельсоне Степаняне—дважды Герое Советского Союза!
И так на протяжении всего вечера...

Домой вернулись за полночь. Перед сном мама спросила:
— Эти стихи, что поэт читал, он сочинил сразу, или у него они были написаны давно? Или это не его стихи?
— Не знаю, мама, чьи эти стихи, но это, по-моему, не лучшее, что он мог бы прочесть.

В тот день мама впервые призналась, что, еще будучи студенткой фармацевтического факультета, тоже писала стихи. Правда, никому не показывала, потому что стихи были любовные и посвящены были моему будущему отцу.

Зимние каникулы кончились. Начались занятия в университете. Мама свой отъезд отсрочила до апреля. Надо было привести в порядок мои вещи: заштопать носки, отремонтировать белье, выбить одеяло и сделать массу других дел. Она ножницами вырезала ажурные бумажные салфетки и стелила в бельевом шкафу. За это время я пригласил к нам на обеды и ужины товарищей—студентов, журналистов, художников—словом, людей, которых без мамы, без ее вкусных обедов не отважился бы позвать. Пригласил и нескольких подруг—потенциальных кандидаток в невесты, как сказала мама. Она не высказывала своего мнения о них, но встречала гостеприимно.

— Каждая из них по-своему хороша,—подытожила мама,—но выбери невесту такую, чтобы тебя с твоими недостатками любила. Тогда в женах ей уже многое знакомо, привычно будет. А так не спеши, сынок, сначала ученье, потом гулянье придет. А то под видом выбора невесты не одну девушку погубишь. Считайся не только со своими чувствами...

Приближалось 8 Марта, женский праздник. Я долго думал, что подарить маме. Надо что-нибудь такое необыкновенное...

Праздник выпал на воскресенье. Я попросил маму в этот день хозяйством не заниматься. Все взял на себя: и завтрак, и сервировку стола.

К одиннадцати часам утра мы сели за стол. Вдвоем. Я постелил на стол красноклетчатую скатерть, поставил посередине стола красную свечку, подогретый сыр, колотые орехи, изюм, красноклетчатые салфетки. Напротив маминго стула положил маленький пакет, обернутый красной шелковой ленточкой. Внутри пакетика лежало маленькое старинное зеркальце с серебряной ручкой и открытка с яснополянским пейзажем.

— С праздником, мама! Чтобы ты никогда не болела, чтобы мы, твои дети, тебя никогда не обижали, чтобы и ты нас умела понимать и прощать!

Мама полезла за носовым платком... Позвонили в дверь. Почтальон принес телеграмму. Художественную. Из Еревана. От моих братьев.

— Вот видишь,—обрадовался я,—и Средний, и Младший не забыли поздравить. Мама снова достала носовой платок.

Через полчаса опять звонок. Пошла открывать дверь мама.
— Товарищ Рипсимэ здесь живет?—спросил средних лет мужчина в полушубке и в полусапожках.

— З-здесь,—ответила мама робко.
— Вам что-то послали... Распишитесь вот тут, пожалуйста...

Мужчина внес в квартиру большую корзину цветов и быстро закрыл за собою дверь. Настолько быстро, что мама не успела даже угостить незнакомца чем-нибудь, только ахнула:

— Какие красивые гвоздики!.. И как их много!
— От кого цветы, мама?—спросил я, когда мама наклонилась понюхать.
— Не знаю, может, ошиблись адресом.
— А там нет записки?
— Да вроде нет.

Мы занесли в комнату корзину с розовыми и красными гвоздиками и поставили на стул. На мамин стул.

У мамы было странное выражение лица: глаза грустно-задумчивые, а рот слегка улыбался.

— От кого это может быть?—спросила мама, нежно поглаживая цветы. Она села на диван, не отрывая взгляда от цветов, а указательным пальцем правой руки легонько провела по ресницам вверх.

— Мама,—слукавил я,—а кто тебя знает! Может, пока я в Круглой университетской библиотеке осваивал носовые звуки старославянского языка, ты в это время куролесила по Москве? А?

— Не говори глупости,—прервала меня мама.
— А, может, это... от генерала?—улыбнулся я.
— От какого генерала?.. А-а, от Емельяна Демьяновича?.. Едва ли. Он же все время шептался с этой певичкой.

— Она не певичка, а дочь известного певца,—поправил я.
— Но он не спрашивал у меня адреса,—продолжала гадать мама.
— Адрес мой есть у Эммы,—сказал я.—А впрочем, я могу позвонить и осторожно спросить у нее, да и поблагодарить заодно.

— Не надо,—остановила она меня за руку.—Не надо. Вдруг он захочет приехать в гости или пригласить куда...

— Ну и что ж, пусть придет—ревновать не буду.
Я проглотил слюну от удовольствия. «Поверила,—подумал я,—и как я не догадался в бюро добрых услуг попросить, чтобы в корзину записку вложили, хотя бы со словами: Рипсимэ Назаровне?»

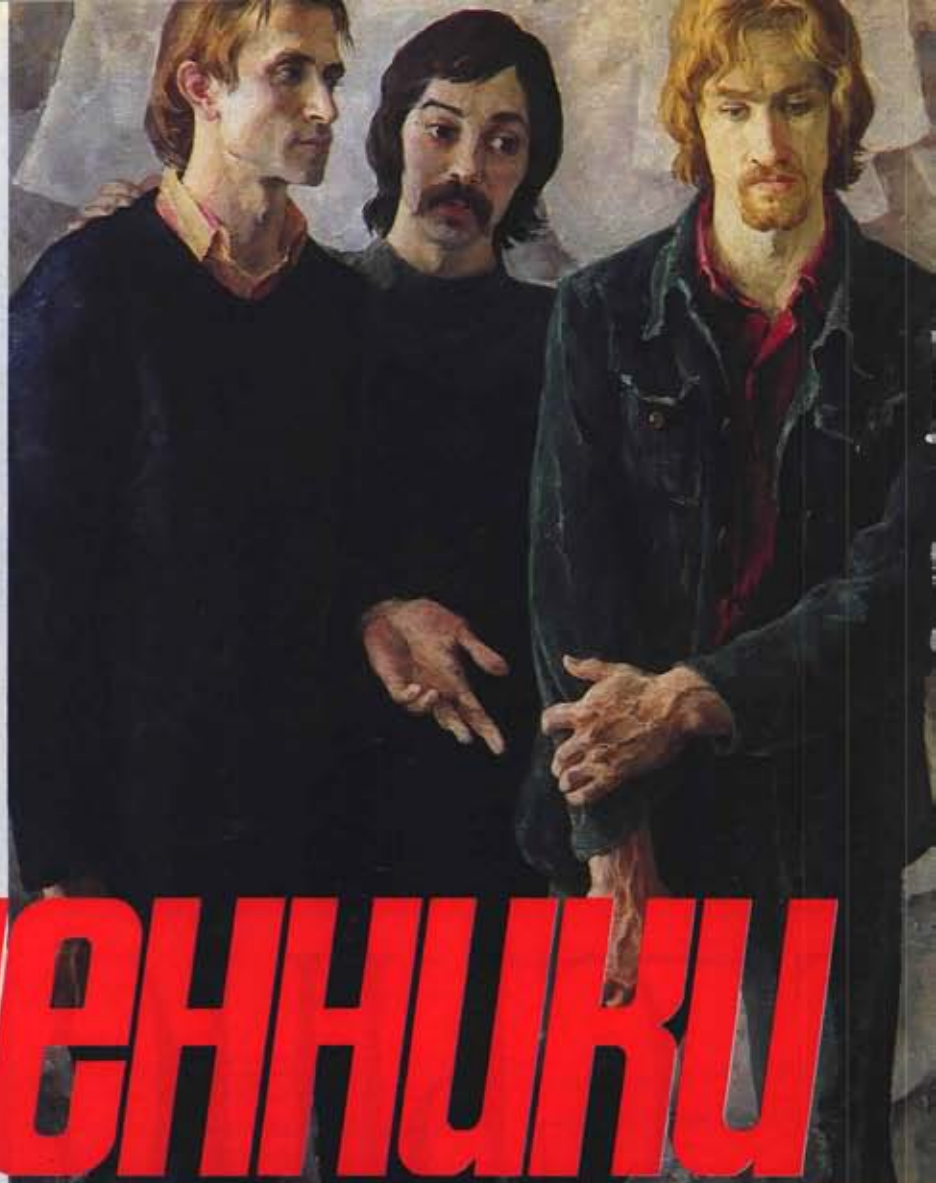
Где же мы были раньше, ее ревнивые сыновья?
Когда я вернулся из кухни с чашками кофе на подносе, пакет с моим подарком был открыт, и мама смотрелась в крошечное старинное зеркальце с серебряной ручкой. Смотрелась так внимательно, будто разглядеть хотела, что в ней от женщины осталось...

Она указательным пальцем правой руки легонько провела по ресницам и мягко улыбнулась себе.

Четырнадцать холстов-портретов. Но художник прав, когда дает им общее название «Поколение» и утверждает: «Это единая картина, хоть и необычна ее структура». Четырнадцать отдельных холстов изображают шестнадцать молодых художников одного курса художественного факультета ВГИКа, где ведет мастерскую живописи заслуженный художник РСФСР, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР Б. М. НЕМЕНСКИЙ.

МОЛОДЫЕ МОИ СОВРЕМЕННОИКИ

Творческая
мастерская

— Я много встречался и встречаюсь с молодежью,— рассказывает Борис Михайлович.— За годы педагогической деятельности перед моими глазами прошли десятки молодых людей, по-разному сформировавшиеся курсы. Эта группа, с которой мы жили общей художественной жизнью пять лет, подобралась так счастливо, что дала возможность увидеть как бы в разрезе характеры, устремления и поиски студенческой среды 70-х годов. А ведь это то самое поколение, которое через два десятка лет будет нести на своих плечах ответственность за нашу страну, за культуру народа. Постепенно, для меня даже неожиданно, интерес к ним стал перерастать в желание написать портреты студентов всего курса. Мне был интересен каждый. Но хотелось написать не просто портреты моих студентов, а через них увидеть лицо поколения. Поколения, входящего в жизнь.

Б. М. Неменский широко известен прежде всего как художник военной темы. Фронт был его первым и главным учителем. В испытаниях тех лет у юного солдата сформировались позиции художника и человека, определилось отношение к жизни и искусству. Но его картины — не воспоминания, это постоянный поиск основных жизненных ценностей человека.

— Мир, который молодежь принимает из рук отцов сегодня, сложен и тревожен,— говорит художник.— Если сегодняшним молодым действительно незнакомы голод и холод, то в их духовной жизни и творчестве немало проблем. Я убежден: на смену идут думающие, серьезные поколения.

Художник спорит с теми, кто все еще желает видеть молодежь только улыбающейся, нарядной и доверчиво-беспечной. Такой одноликой молодежи в жизни не бывает — вернее, не должно быть,— бездумный оптимизм чреват безответственностью. Сколько бы ни выстрадали деды и отцы, молодежи не

МИХАИЛ
ЛБАКУМОВ.

ВАЛЕНТИНА
КОЧУРОВА.

ГУСЕЙН ГУСЕЙНОВ.

спрятаться за их сильные спины, а надо идти вперед. И художник настойчиво, требовательно вглядывается в лица молодых людей. Духовное созревание — вот, собственно, главная тема его картин. Большие, в рост человека, портреты образуют кольцо — окружают зрителя. Эта необычная картина впускает внутрь себя — не в переносном, а в буквальном смысле, и тем подчеркивается обращенность художника к зрителю — стремление включить зрителя в диалог, сделать его одним из действующих лиц молчаливого разговора-раздумья. Герои картины на пороге — кончается студенчество. Они на пороге полной самостоятельности.

Это очень разные люди, но их объединяет состояние сосредоточенной ответственности. Каждый замкнут, углублен в себя, и художник раскрывает суть их раздумий, характеров.

Вот Игорь Тихонов «идет» на зрителя тяжелым темным силуэтом, взгляд изпод сжатых бровей говорит о цельности и бескомпромиссности характера. Встревоженная дерзость и в то же время стремление к глубокому пониманию сочетаются в облике Гусейна Гусейнова. Кажется рассеянным в поэтической мечтательности Александр Акилов. Гордое, прекрасное лицо у Елизаветы Жаровой, а руки противоречат ее женственности — художники не бы-

вают белоручками. Слово в сказочную музыку вслушивается Галя Шакитская...

Центр серии составляет самый большой — тройной портрет. Эти ребята — А. Верещагин, А. Смышляев и А. Матвейчук — были ядром всей группы. Разные и яркие личности с активными жизненными устремлениями, они были неразлучными друзьями все годы учебы. Стройные, высокие, серьезные, все трое прошедшие армию — честь и совесть курса. Их называли «наши коммунисты» — действительно они все вступили в партию во время учебы, отнесясь к этому шагу ответственно, с глубокой убежденностью. Добрый, чуткий и несклоняемо принципиальный Саша Верещагин все годы был бессменным старостой курса. Толя Смышляев, мягкий, с тонким юмором, одаренный график, был постоянным руководителем институтской дружины. Внутренняя не-

**АЛИМ МАТВЕЙЧУК.
АНАТОЛИЙ СМЫШЛЯЕВ.
АЛЕКСАНДР ВЕРЕЩАГИН.**

успокоенность и способность сомневаться не мешали Алим Матвейчуку быть особенно ответственным.

Разговор с художником о его портретах невольно переходит в разговор о людях, на них изображенных. Разговор об искусстве — в беседу о жизни.

ЕЛИЗАВЕТА ЖАРОВА.

— Форма и пластика возникают постепенно, в результате длительной работы. Никогда не делал догмы из формы, не старался выработать неизменный почерк, но стремлюсь дать самому содержанию «нащупать» необходимую форму выражения. Убежден, что не почерком, а только внутренним миром, своим видением жизни художник отличается от нехудожника, — говорит Борис Михайлович. — Он настаивает на праве и необходимости поэтического анализа жизни во всей ее противоречивости,

выступая против дидактической назидательности или сугубо пластических изысканий как главной цели станкового форм изобразительного искусства. Станковая картина — это параллель роману или симфонии. Она должна затрагивать такие проблемы, как отношение человека к человеку, к обществу, природе. Что я люблю и что я ненавижу — вот в конечном счете проблемы станкового произведения.

Самый ли это любимый курс Бориса Михайловича?

— Да как сказать. У меня и сейчас интересные ребята учатся — в чем-то очень похожие, в чем-то совсем другие. Но самым любимым курсом я все же

**КОЛДЫБАЙ
СЕНДАНОВ.**

**ТЕМИРБЕК
МУСАКНОВ.**

**АЛЕКСАНДР
АКИЛОВ.**

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ.

**НИНА
ЗОЙТКОВА.**

**ВИКТОР
БРАТНИСКИЙ.**

**ИГОРЬ
ТИХОНОВ.**

**АЛЛА
БЕДИНА.**

— Вот это-то и хорошо, — говорит Борис Михайлович, — в этом смысл и цель станковых форм искусства.

Неменский не относится к тем художникам, чье творчество — результат уединенного монологического раздумья в замкнутой мастерской. Его творческая работа всегда полемически заострена, всегда рассчитана на духовную мобилизацию зрителя. Произведения Неменского — это тревога и размышления о сегодняшней жизни. Здесь не столько утверждение, сколько поиск, и поиск пластический подчинен поиску нравственному.

ГЕОРГИЙ СЕМЕНОВ.

считаю моих первых студентов. Это именно они «совратили» меня стать педагогом. Как сейчас помню, ввалились ко мне в мастерскую шумной ватагой чубатые, красивые парни, девчонки со смущенными улыбками. Открытые лица, вера в жизнь, в искусство... и в меня — вера в то, что не отвернусь, что окажусь на уровне своих картин. Теперь это мои друзья, мои дорогие товарищи и в искусстве, и в жизни. Все стали очень разными художниками, скульпторами. А вот общее у нас есть — стремление быть неравнодушным.

Лариса ЛАЛЬ

Год 1985-й... Организация Объединенных Наций провозгласила его Годом молодежи. Смысл и суть этой важной акции международного сообщества в том, чтобы привлечь внимание мировой общественности, парламентов, правительств к проблемам молодого поколения. Разумеется, они неодинаковы в разных странах. Но есть одна проблема, которая всех касается: проблема войны и мира, проблема жизни на Земле. И она неразрывно связана с тем, в каком духе воспитывают сегодня молодежь, к чему ее готовят. В Год молодежи на XII Всемирном, с его политической трибуны, несомненно, прозвучат гневные слова, клеймящие «психологическую войну», которую развязал империализм. Антикоммунизм — основа основ буржуазной пропаганды. Им проникнуты претендующие на научность «солидные» труды, он бьет из всех щелей так называемой «массовой культуры». Оболванивание обывателя, навязывание ему антикоммунистических предубеждений и предрассудков, воспитание вражды и ненависти к Советскому Союзу, к странам социализма поставлены на конвейерную основу, ведутся систематически, изо дня в день. Как известно, на Западе самые большие тиражи имеет так называемая «карманная» литература — сравнительно дешевые книжки в мягких обложках. Выходит множество серий — истории о гангстерах и сыщиках, о королях и маркизах и, конечно же, о всевозможных «суперменах», геройски противостоящих козням коммунистов. О таком «карманном» антикоммунизме и рассказывает один из публикуемых материалов. Во втором вы прочтете, как телевидение США в гигантских масштабах проповедует культ доллара и силы, и о том, к каким последствиям это приводит... Год молодежи — это и год борьбы против тех, кто калечит души молодых, предлагая входящему в жизнь поколению фальшивые и опасные ориентиры, заменяя идеалы идолами, отвергая дружбу и сотрудиничество и пытаясь утвердить в умах молодежи идеологию конфронтации и противоборства.

ЯД В ГЛЯНЦЕВОЙ УПАКОВКЕ

Константин
МЕЗЕНЦЕВ

GERARD DE VILLIERS PLON

«Золото реки Квай», «Реквием для тонтон-макутов», «Убийство в Афинах», «В Сантьяго царит порядок», «Голливудские пантеры» и т.д.

Словом, понятно, что речь шла об очередной серии в жанре шпионско-приключенческой литературы. Автором был некто Жерар де Виллье.

За первые пять лет с 1963 года он сотворил около двадцати романов. Их тиражи стали достигать 150 тысяч экземпляров. Рекламная шумиха росла.

Кое-что о «творческой кухне» автора...

Итак, жил да был во Франции предприимчивый

юноша. Окончив факультет права и социальных наук, избрал своей жизненной стезей журналистику. Работал в различных изданиях — сначала литобработчиком, потом репортером. Ничем особенным, кроме, пожалуй, патологического антикоммунизма, не отличался. Писал статьи и репортажи для «Франс-диманш», «Фигаро», журнала «Пари-матч» и прочих правых изданий. Много ездил по свету. Много видел. Правда, многого и не видел. Того, чего не желали знать его хозяева. И не только сами знать не желали, но и не позволили бы опубликовать. Дабы не увидели читатели правды. Не представили бы себе в истинном свете, что же происходит на самом деле, допустим, в Чили после фашистского переворота или в Никарагуа во времена режима Сомосы.

В ходе выполнения подобного рода редакционных заданий и прорезался голос у де Виллье, твердо и окончательно закрепившийся в крикливо-антикоммунистическом регистре.

К тому времени мутная волна популярности романов о Джеймсе Бонде — знаменитом агенте 007, родившемся под пером Яна Флеминга, начала спадать. По меткому выражению известного болгарского литературоведа, «смертный приговор Джеймсу Бонду вынес сам читатель», которому порядком поднадоело слишком уж неправдоподобные авантюры сего «героя».

Именно тогда жизненный опыт подсказал де Виллье, как выяснилось впоследствии, богатую идею: выбрать ту или иную страну, изучить ситуацию в ней, а

потом «вживать» в эту реальную ткань своего вымышленного героя. И появился на свет божий «его герцогское сиятельство» (так расшифровывается французская аббревиатура САС), рыцарь мальтийского ордена и дюжины других орденов австрийский принц Малько Лэнж, аристократ голубых кровей. Изящный, стройный, высокий блондин, естественно, изысканно одетый. «Необычные глаза цвета жидкого золота», изысканные манеры и неиссякаемый темперамент племенного жеребца не могут оставить равнодушной ни одну женщину, с которой САС встречается. Красавчик принц покоряет их с первого взгляда...

В ходе второй мировой войны родовой замок Лэнж, находящийся где-то в Австрии, недалеко от венгерской границы, был разрушен — конечно же, коммунистами. И тогда Малько принял обет: он не женится до тех пор, пока не восстановит свое гнездышко. Реставрация стоит денег немалых, и, чтобы их заработать, САС занимается в ЦРУ.

Жанр массовой шпионской литературы на Западе имеет свои твердые каноны. Каноны эти предполагают, что автор книги в качестве отправной точки любого произведения будет брать идею борьбы «гуманного демократического общества» (капиталистического, разумеется) с черными силами «империи зла» (в этот разряд автоматически попадают Советский Союз, страны социализма да и все сколько-нибудь прогрессивные государства, партии, организации).

Композиционно все романы серии «САС» очень схожи. В какой-либо из «горячих точек» планеты «красные» планируют или уже реализуют заговор, имеющий своей целью нанесение ущерба Соединенным Штатам и всему западному миру вообще. Ситуация такова, что только Америка посредством своих разведслужб может выправить положение, сорвать «коварные планы Советов». Но поскольку ЦРУ «очень щепетильно в выборе средств» и не может действовать открыто, оно прибегает к услугам Малько, своего внештатного агента.

Принц Лэнж получает из рук высших чинов ЦРУ, а то и от самого президента США самые фантастические задания и отбывает в страну назначения. Пройдя через тяжкие испытания и пытки садистских истязаний — неперенный атрибут всех книг серии), Малько почти всегда выполняет задание, покорив по ходу действия пять-шесть девиц и прикончив с десяток коммунистов. За столь важные услуги благородные рыцари плаща и кинжала из Лэнгли вручают ему громадные гонорары, которые принц тут же всаживает в реконструкцию своего фамильного замка. Такая схема.

Типичным для «творчества» Жерара де Виллье представляется роман под названием «Колдуны на Тежу» (Тежу — река в Испании и Португалии, в эстуарии которой расположена португальская столица Лиссабон). Сюжет таков... В Португалии в апреле 1974 года после свержения фашистского режима Движением вооруженных сил идет процесс демократизации страны. Однако ЦРУ дознается, что русские готовят там какой-то заговор, имеющий своей целью толкнуть Португалию «в объятия советского блока». Подробности заговора готова сообщить американцам «одна информированная советская особа», которая взамен требует убежища в Соединенных Штатах. Малько должен обеспечить прикрытие перехода предательницы, получить от нее данные и сорвать «операцию советской разведки». Малько и его подручные убивают четырех противников, пытаются португальского коммуниста — конечно же, замаскированного советского агента (вот она — «рука Москвы!»), разоблачают прочие коммунистические происки.

В конце концов операция «советских» провалена. Правда, предательница Наташа погибает. Но главное — «демократический Запад» может спать спокойно. Антураж правдоподобия, по мнению автора, книге придают непечальные русские словечки, то и дело слетающие с коралловых губок красавицы Наташи и всех русских агентов (де Виллье старательно переписывает латинскими буквами их транскрипцию)...

Такая вот история. Чуть, бред. От первой и до последней буквы. Но — яркая картинка на обложке (полуодетая Наташа в русских мехах и с карабином); но — сцены, от воспроизведения которых лучше воздержаться; но — симпатичный Малько Лэнж. И читатель, уже привыкший получать свою дозу умственного наркотика, должен быть доволен. На это-то и рассчитывает автор.

Если хочешь, чтобы тебе поверили, ты обязательно хоть в чем-то должен говорить правду. Эту первейшую заповедь любого опытного вралю Жерар де Виллье выполняет неукоснительно. Прежде чем приступить к выпечке очередного «шедевра», он внимательно изучает место действия, описывая столицы мира либо по личным впечатлениям (его журналистские маршруты пролегли через десятки стран), либо по схемам и планам. А дальше уже можно лгать столько, сколько заблагорассудится.

Де Виллье не ограничивается только написанием бульварных книжонки. Время от времени он печатается на страницах журнала «Пари-матч», но выступает он уже как известный «эксперт по советской разведке». И темы статей соответствующие.

Была, например, необходимость управил буржуазной пропаганды раздуть антисоветский скандал вокруг покушения турецкого террориста Агджи на папу римского — де Виллье тут как тут. Выходит в свет его архисенсационный репортаж на тему: центр международного шпионажа на Балканах — болгарский отель «Витоша», где плетутся сети заговоров чуть ли не на весь белый свет. Появилась нужда хоть в каком-нибудь «моральном алиби» оккупации Грена-

ды американской военщиной — пожалуйста. Появляется материал, в котором де Виллье доказывает, что эта маленькая страна реально угрожала (!) безопасности Соединенных Штатов. Ну, а тем, бедным, уж ничего не оставалось делать, кроме как утопить в крови гренадскую революцию.

Завершим наше небольшое повествование о кривом зеркале Жерара де Виллье.

Зловещий лик международного империализма не сможет укрыть никакая глянцева обложка. Что же до создателя серии «САС», то, думается, его ждет та же участь, на которую оказались обречены очень многие скорописцы, подвизавшиеся на скользкой дорожке антикоммунистической лжи...

Игорь МИХАЙЛОВ

ЭКРАН,

КОТОРЫЙ УБИВАЕТ

Была совершена попытка ограбления Индустриального банка в Вашингтоне. Злоумышленников задержала полиция. И каково же было изумление стражей порядка, когда в полицейский участок вместо матерых преступников были доставлены четверо мальчишек —

старшему из них едва минуло 11 лет. Что же толкнуло детей на преступление, каковы были мотивы? Вот что ответила на эти вопросы бабушка главаря «гангстеров»: «Мой внук все дни напролет смотрит телевизор».

«Фильм ужасов», увиденный на экране, произвел столь сильное впечатление на студента одного из колледжей в Сан-Диего, что он по примеру одного из киногероев нашел в сарае заржавленный топор и зарубил всю семью... В городе Денейтер (штат Иллинойс) 12-летняя девочка приняла по примеру героини любимого фильма смертельную дозу снотворного после того, как мать отказалась отпустить ее на вечеринку к друзьям.

«Массовое искусство» ежедневно выплескивает на экраны телевизоров бесконечные акты насилия, убийств, грабежей. С ростом жестокости в капиталистическом обществе претерпели изменения и эстетические идеалы и их воплощение в продукции «массового искусства»: телепередачах, кинофильмах, различного рода шоу... Уже сами названия многих фильмов говорят сами за себя: «Гроб, полный крови», «Его путь был устлан трупами», «Сыграй мне песню смерти», «Джанго-кольт был его единственным другом»...

Вот какую оценку американскому телевидению даёт известный в США теоретик средств массовой информации профессор Маршалл Маклухан: «На территории США выделяются два явления: мафия и телевидение, и если бы потребовалось установить между ними приоритет, то телевидению следовало бы отдать предпочтение. Влиянием прежде всего телевидения вызвана настоящая эпидемия насилия в американском обществе».

По данным компании «Нилсен», американская семья проводит у телевизора около 50 часов в неделю. Дети в возрасте от двух до одиннадцати лет просиживают у «волшебного ящика» свыше 25 часов в неделю. Было подсчитано, что если в 1977 году только в специальных детских программах трех крупнейших американских телекомпаний, Эй-би-си, Си-би-эс и Эн-би-си, ежечасно демонстрировалось в среднем 16 сцен насилия, то уже в 1981 году — 25 подобных сцен. С первых шагов в жизни юному американцу внушается культ силы, вседозволенности, превосходства. Естественно, что неокрепшая психика детей не в состоянии сопротивляться обрушившейся на них с-

экрана лавине преступлений. Дети начинают подражать телегероям, главное жизненное кредо для которых — это сила и богатство. И они пытаются копировать увиденные с экрана сцены.

В фильме «Полет в судный день» террорист угрожает взорвать самолет. После его показа на аэропорты и полицейские участки обрушилась волна телефонных звонков с подобными угрозами.

Только в Нью-Йорке в 1980 году дети в возрасте от 7 до 12 лет совершили две тысячи преступлений, начиная от мелкого воровства и нападений на прохожих и кончая крупными ограблениями и угонами автомашин.

15 июля 1974 года в 9 часов 38 минут по местному времени в американском городе Саратога (штат Флорида) шла телепередача. В залитой ярким электрическим светом студии были включены камеры. Ведущая программы «Санкоуст дайджест» на одной из местных телевизионных студий Крис Чуббук должна была, как обычно, зачитать краткий обзор событий, происшедших на курортах Флориды. Но неожиданно Крис объявила зрителям: «В программе нашей станции, которая каждый день преподносит вам кровь и насилие, сегодня будет уникальная премьера: самоубийство в прямой трансляции». Она достала револьвер и приставила его к виску. Выстрел, кровь, экраны телевизоров погасли...

Неизвестно, что заставило Крис Чуббук пойти на самоубийство перед телекамерами. Но может показаться невероятным: зрители обрушили на компанию жалобы — мол, «плохо подготовленный рекламный трюк». Привыкнув к ежедневному смакованию насилия, к тому, что зритель знаком с приемами, которые используют бандиты и гангстеры, они не поняли, что у них на глазах разыгралась трагедия.

Многочисленные исследования, проводившиеся в Соединенных Штатах, не раз убедительно свидетельствовали, что между демонстрацией и смакованием насилия на экране и высоким уровнем преступности в стране существует прямая связь. Например, в результате пятилетнего наблюдения за группой из 732 детей и подростков ученые из Национального института по изучению психических заболеваний пришли к неутешительным выводам, что такие проявления агрессивности, как «конфликты с родителями, драки и правонарушения со стороны несовершеннолетних, находясь в непосредственной зависимости от общего количества времени, проводимого у телевизора». «Насилие на экране, — подчеркивают специалисты, — вызывает агрессивное поведение у детей и подростков, которые смотрят телепрограммы».

Повторим: доллар и сила — вот два идола, перед которыми преклоняются в современной Америке. Преступные формы жизни, словно ржавчина, разъедают американское общество, а, как известно, любая культура отражает ту общественную основу, на которой она вырастает.

«Убийство и насилие — это норма. Не существует ни чувства ответственности, ни совести, вместо них господствуют расчет и продажность... Герои филь-

мов — охотники за черепами и за деньгами, профессиональные убийцы без стыда и совести... С ловкостью, граничащей с артистизмом, они убивают посредством револьвера, ножа, веревки или еще как-нибудь... Моральный кодекс вседозволенности основан на безоговорочном одобрении со стороны публики, чье критическое отношение к сюжетам систематически подавляется драматургическими построениями «подобных фильмов», — говорится в научном исследовании, посвященном анализу современного американского кинематографа.

Выступая в одной из телепередач, посвященной агенту 007 Джеймсу Бонду, президент США Рейган не скупился на хвалу. Он, например, заявил: «Как мне представляется, 007 — это наш современный вариант великих героев, которые время от времени появлялись на горизонте истории... Бесстрашный, ловкий, мужественный, он к тому же пользуется неизменным успехом у женщин. Джеймс Бонд — человек чести. Может быть, звучит это старомодно, но он символ, представляющий реальную ценность для свободного мира».

Речи американского президента предшествовало появление очередного боевика о похождениях агента 007. Этот фильм был назван «Октопусси» (производное от английских слов «октопус» — «осьминог» и «пущи» — «кошка»). «Октопусси» — фильм-рекордсмен, в нем демонстрируется 97 актов насилия в час.

Демонстрация фильмов о Джеймсе Бонде, проповедующих насилие, ограничена в Великобритании — там их могут смотреть только взрослые. В Швеции они запрещены вообще из-за крайней насыщенности сценами насилия. А в США картины этой серии считаются «семейным развлечением», и их могут смотреть дети любого возраста.

В Соединенных Штатах была даже создана Национальная коалиция против телевизионного насилия, в которую входят многие известные американские ученые. Председатель Раденки отмечает в брошюре, опубликованной этой организацией: «Америка переживает эпидемию насилия, неслыханную за всю ее историю. Представители нового телевизионного поколения в настоящее время убивают в 3 раза чаще, насилуют в 5 раз чаще, наносят тяжкие телесные повреждения в 6 раз чаще, чем представители поколения их родителей в пересчете на душу населения... У нас сейчас сидит за решеткой больше уголовников на душу населения, чем в любой другой стране мира, каждую неделю открываются все новые тюрьмы, а проблема тем не менее обостряется».

Исследования также показали, что крайне низкое качество американского телевидения способствует замедлению умственного развития подрастающего поколения. «Когда вы включаете телевизор, вы фактически выключаете свой процесс мышления» — так достаточно категорически сформулировал эту мысль профессор Корнеллского университета Ю. Броденбрэннер. Свой вывод ученый сделал после многолетних исследований в школах США.

...Болезнь «гиммиз» не значит еще в медицинских справочниках, такое название ей дали американские педиатры из Чикаго, и появилась она также благодаря телевидению. В переводе со сленга «гиммиз» означает многократное повторение «дай мне». Эта болезнь социальная, и поражает она психологию детей. Истоки ее — это постоянное чувство неудовлетворенности, которое возникает из-за различия между миром, который ежедневно появляется на экране телевизоров, и тем, который окружает подростка наяву. Трудно зачастую понять маленькому американцу, почему родители не могут купить ему ту или иную понравившуюся вещь: ведь на экране все так просто, и коммерческая реклама для детей каждый день выплескивает заманчивые предложения. Ежегодно на коммерческую рекламу для детей и подростков затрачивается более 500 миллионов долларов. Около 6 миллиардов долларов в год — такие доходы приносят «голубые миражи».

Исследование, проведенное чикагской группой детских врачей, показывает, что процент детей, не подверженных пагубному влиянию коммерческой телерекламы, очень мал. Девять из десяти трехлетних американцев безошибочно узнают комиксы Фреда Флинтстоуна, которые ежедневно показываются в утреннем выпуске коммерческой рекламы. Но не каждый из этих девяти так же безошибочно узнает на фотографиях своих бабушек и дедушек...

Разбрасывая опасные семена жестокости, заставляя американцев с юных лет безудержно восхищаться силой и богатством, смакуя на экранах убийства, средства массовой информации закладывают мины замедленного действия. О преступности в США говорят как о битве, уже проигранной Америкой.

Кто в этом виноват?

Ответ ясен — само общество, открыто проповедующее насилие и преклоняющееся перед золотым тельцом...

Навстречу
XII Всемирному

Плакат
художника
Игоря СУСЛОВА

Песни молодых — песни мира!
Культурная программа фестиваля —
продолжение и развитие
политической программы.
На языке искусства,
Доступном
и понятном всем,
юность планеты
расскажет миру
о светлых
и благодородных
идеалах.
Песню мира
из Москвы
услышит вся земля!

МУЗЫ ФЕСТИВАЛЬНЫЕ

Культурная программа XII Всемирного фестиваля — грандиозный праздник, торжество и радость творческого Духа молодежи, объединение всех жанров и видов искусства. Каждый участник фестиваля получит возможность выступить в культурной программе, каждый сумеет найти в ней то, что его особенно интересует.

Настоящее искусство, создаваемое творцами, наделенными чело-веческим и гражданским достоинством, обращенное к самым глубоким чувствам и мыслям человека, всегда борется, всегда отстаивает не подлежащие пересмотру близкие всем людям доброй воли гуманистические идеалы.

Каждый художник, где бы он ни жил, — прежде всего человек планеты Земля. Планеты, которой больше всего необходимо сегодня дружба людей, населяющих ее. Вот почему культурная программа фестиваля естественна и плодотворно подхватывает идеи его политической программы.

Каждый художник только тогда способен на истинный творческий взлет, когда его творчество одухотворено идеями, близкими и важными людям. Вот почему на всех предыдущих фестивалях мир узнавал имена художников, становившихся потом популярными всюду.

Культурная программа XII фестиваля состоит из международной программы и программы страны — хозяйки фестиваля. Но их главная направленность единая — демонстрация гуманистического, прогрессивного характера искусства народов мира. Традиционно оно по форме или носит новаторский характер, основа его всегда — национальный колорит, идеи солидарности, добра, мира, дружбы.

Нашу страну в фестивальных концертах и выступлениях будут представлять посланцы всех союзных республик. Это будут прославленные на весь мир профессиональные коллективы и участники художественной самодеятельности. Среди них будет очень много лауре-

атов смотра, посвященных 40-летию Победы над фашизмом, которые проходили в рамках Всесоюзного фестиваля советской молодежи.

Увенчает советскую культурную программу гала-концерт советской делегации во Дворце спорта в Лужниках. Это будет величественное представление, затрагивающее все актуальные проблемы жизни сегодняшней молодежи.

В наши дни искусство — мощное оружие в борьбе за души и мысли людей. Оно поднимает человека, укрепляет его дух и нравственные силы, но оно и опустошает, разрушает, когда попадает в руки дельцов и политиканов, когда его цель — развлечение любой ценой, когда ни в грош не ставятся моральные ценности.

Искусство фестиваля будет радостным, просвещающим, поднимающим. Впервые на Московском фестивале будет работать Центр научной и творческой молодежи. Будут созданы творческие мастерские. В них можно будет выступать, обмениваться опытом, дискутировать. Самый большой парк столики в дни фестиваля превратится в «Парк искусств». А всего ежедневные представления будут проходить более чем на 100 площадках.

Каждая национальная делегация получит возможность выступить с гала-концертом, национальной молодежной программой.

«Карнавалом искусств», праздником творческой молодежи мира завершится культурная программа XII фестиваля.

Мир услышит из Москвы голос талантливой юности, объединенной светлыми и высокими идеями. Фестиваль обогатит творческую молодежь, обогатит ее неповторимым, незаменимым опытом, сознанием важности и необходимости своего единства.

Мир увидит в Москве, как красива, талантлива, одаренна его юность, как достойна она мирной и счастливой жизни.

ШКОЛА ВЫСОКИХ ЧУВСТВ

Продолжаем
дискуссию
«Устарела ли верность?»

По примеру Вертера

В нашей редакционной почте последнее время все чаще стали встречаться письма о несчастной, неразделенной, несбывшейся любви. Авторами таких писем являются как девушки (которых, кстати, большинство), так и юноши. Вопросы задаются самые разнообразные, но большинство сводится к одному: есть ли лекарство от такой любви и как нужно жить, чтобы любовь приносила не страдания и боль, а только радость и счастье. Наиболее определенно и четко сформулировала их молодая учительница из Нижнекамска Надежда Птицина в письме, которое мы опубликовали в № 11, начав тем самым новую дискуссию «Устарела ли верность?».

Сегодня в нашей дискуссии принимает участие писатель Юрий Рюриков, который размышляет над вопросами из читательских писем.

Агония любви

«Можно ли преодолеть любовь? Как пережить ее и забыть? Как быть, когда любимый человек для тебя все, а он ушел, ушел к другой? И нет ничего: ни радости в доме, ни уюта, ни понимания друзей. Только тяжесть с утра до ночи, и надрыло болит сердце, а любовь даже и не слабеет. Меня ничто не интересует, я никого вокруг не замечаю, в душе какая-то вязкая тоска, и все засасывает, засасывает, не отпускает...»

(Неля Д., Ставрополь)

Как грустно сказал один современный юморист, чем неразделеннее любовь, тем ее больше.

Любовь—это как бы культ любимого человека. Все, что он делает, думает, говорит, резко вырастает под увеличительным стеклом любви, и от малейшего его вздоха зависит судьба любящего, его счастье или горе. Но именно потому, что любовь может дать громадное счастье, неразделенная любовь приносит громадное горе.

Несчастливая любовь—это больная любовь, и она действует на нас как настоящая болезнь. Горе, тоска, гнетущее настроение—это не какой-то бестленный туман, застилающий душу. В минуты горя происходит настоящее отравление организма, а душевная боль, которую испытывает человек,—это и физическая боль нервов. Многие, наверно, слышали выражение «адреналиновая тоска»: в моменты горя в кровь человека выбрасываются резко возросшие потоки адреналина; они, видимо, и усиливают гнетущую физическую тяжесть, от которой «ломит душу», «рвет сердце».

В XI веке знаменитый Авиценна—Абу Али Ибн Сина—по-своему исцелял юношей, которые таяли от несчастной любви, теряли сон и аппетит. От недугов любви он лечил их любовью, от подобного лечил подобным. Стала легендой история, когда ни один врач не мог вылечить почти уже бездыханного принца, потому что никто не нашел причину его болезни. Ибн Сина догадался, что болезнь вызвана его робкой и безгласной любовью, настоял, чтобы родители принца посватались к возлюбленной, и тем вернул юношу к жизни.

А вот почти анекдотический случай, о котором писали недавно многие газеты мира. Молодой служащий, получив «нет» в ответ на признание в любви, буквально заболел от душевных страданий. Заболел так, как болели от несчастной любви в «Тысяче и одной ночи», в арабских и персидских преданиях и поэмах, в индийской и европейской—рыцарской—литературе средних веков. Несколько дней он чах, таял, не мог есть, пить, ходить—и хозяин уволил его за прогул.

Молодой человек потребовал медицинскую экспертизу, и она показала: любовное страдание—вид нервного шока, болезнь, которая требует лечения, как и все нервные расстройства. Причину прогула было решено считать уважительной, и молодой человек был восстановлен на работе.

Умиряющая любовь может агонизировать долго, и если ее не лечить—радостями, отвлечением, новы-

ми увлечениями, потоками положительных эмоций,—она делается хронической, будет терзать человека долгие годы. В нас как бы умирает раздробленный кусок души, огромная часть нас самих.

Что происходит в это время в нашей психике, как именно рушится, распадается на осколки главный из воздушных замков нашей души? Что умирает в сложнейших сплетениях наших нервных связей, как именно возникают зияющие душевные раны? Все это для нас загадка. Мы видим только отдаленное эхо глубинных сдвигов, которые совершаются в наших недрах, а их большую суть, их раздробленную внутреннюю мозаику мы не знаем.

Наверно, придет время, когда психологи будут относиться к несчастной любви как к «любовому неврозу»; наверно, они станут изучать запутанные психологические процессы, большие слияния выбитых из русел нервных токов—то, что составляет агонию любви. Тогда могут раскрыться и кое-какие загадки самой любви—чувства, сотканного из загадок.

«Я полюбила женатого человека, полюбила по-настоящему и впервые. Мне 21 год, ему 32. Для него это просто мимолетное увлечение, и вообще он дождется по своей натуре. Любовь к нему делает меня глубоко несчастной. Через полгода он уедет навсегда, и тогда у меня не будет никакого выбора. А что делать сейчас? Мы живем в общежитии в соседних комнатах, и я каждый день его вижу. Может быть, призвать на помощь всю свою волю?»

Не будем указывать, кто и из какого города писал это письмо, но видно, что это зрячая, рассудительная девушка, хотя рядом с этой зрячестью в ней живет и слепота. Она видит изъяны, понимает всю безнадежность своего чувства, но все-таки надеется на чудо, и в этом двоении, в этой власти иллюзий—одна из основ любви, один из вечных фундаментов ее двойственности. В ней воюют враждебные лагеря—разум, который видит изъяны любимого, и сердце, которое не хочет ничего видеть и рвется к нему... Совсем как у Шекспира, который писал о своей возлюбленной—«смуглой леди сонетов»:

Мои глаза в тебя не влюблены,
Они твои пороки видят ясно.
А сердце ни одной твоей вины
Не видит и с глазами не согласно.

Двойное чувство девушки—это скорее всего не любовь, а влюбленность, причем больная, разорванная, из тяготений и отталкиваний. В юности это, к сожалению, встречается часто, и такое чувство-ловушка, чувство-капкан портит жизнь многим людям.

Как лучше вести себя в таких случаях? По-моему, лучше всего поскорее выбраться из капкана, в который ты попал, потому что чем дольше ты из него не выберешься, тем больнее и тяжелее будет сделать это. Двоение сердца и разума часто ведет к несчастью, а несчастная любовь часто рождает непоправимые драмы.

«...Ему было всего 18 лет. Он очень любил ее, все время ждал звонка и смотрел на нее с восхищением. Сначала дела у них шли хорошо, но прошлым летом она с ним порвала. Он мучился и страдал целый месяц, а потом отравился газом. Оставил записку: «Простите, что причиняю вам боль, но мою боль вынести нельзя. Я пробовал терпеть, но это выше моих сил. Я не могу жить без нее, не могу выносить это невыносимое мучение».

В этот последний месяц он несколько раз перечитал «Гранатовый браслет» Куприна и «Страдания молодого Вертера» Гете.

Бедный мальчик, зачем он так сделал? Ведь потерпел он еще немного, и горе начало бы уменьшаться. И мы тоже чувствуем себя виноватыми, что не предвидели его поступок, не предусмотрели, до какого шага может довести сына отчаяние.

Но не только мы виноваты. У нас почему-то не учат детей, как переносить личное горе, как стойко выдерживать несчастье. А как же можно не учить? Ведь от этого зависит жизнь или смерть...

Мать. Отец (Ленинград)».

У погибшего мальчика, судя по письму, была психология интроверта (от латинского «интра» — «внутрь» — замкнутый на себе, обращенный внутрь себя), и его душевная энергия больше шла в переживания, чем в действия. На таких людей, когда они раздавлены горем, может остро повлиять отчаянный чужой пример, и родители не зря написали, что он упивался перед смертью «Гранатовым браслетом» и «Страданиями молодого Вертера».

Через полвека после появления «Вертера» Гете сказал об этой своей новости: «Я всего один раз прочитал эту книжку, после того как она вышла в свет, и поостерегся сделать это вторично. Она начинается взрывчаткой! Мне от нее становится жутко, и я боюсь снова впасть в то патологическое состояние, из которого она возникла».

Вспомним и Куприна: его Желтков любит робко, безгласно, из тихого далека; это как бы возрождение рыцарской любви средних веков — смиренного восхищения, коленипреклоненного чувства, которое похоже на падение верующего ниц перед мадонной. Его любовь — большое чувство маленького человека, оно все состоит из обожания и самоотречения. У него нет никакой надежды на ответное чувство — так он несоизмерим с той, кого любит, так расколоты они всем укладом их жизни — мелкий чиновник и аристократка. И эта несоизмеримость вкрадывается в его любовь, усиливает ее пассивность, лишает энергии.

Его безнадежная любовь вобрала в себя всю его жизнь, захватила все пространство его души, вытеснив из нее все остальное. В любви ступился весь смысл его жизни, а вся жизнь вне ее потеряла свой смысл. Это любовь-болезнь, чувство, которое можно назвать «мономанией» — единственной и всепоглощающей страстью (от греческого «моно» — «единственный» и «мания» — «болезненная страсть»).

И в предсмертном письме Желтков вспоминает, как обрушилось на него наводнение любви: «В первую секунду я сказал себе: я ее люблю потому, что на свете нет ничего похожего на нее, нет ничего лучше, нет ни зверя, ни растения, ни звезды, ни человека прекраснее вас и нежнее».

В вас как будто воплотилась вся красота земли...»

Она для него мировая величина, никто под небесами не может сравниться с ней: она так же возвышается над всеми женщинами, как богиня возвышается над всеми людьми. Накал его любви предельен: именно такое представление о любимом как об уникальном, наивысшем в мире существе — именно

оно питает любовь-иллюзию, любовь-экстаз, предельно романтическую и мономаническую.

Вся его жизнь только в надежде видеть Ее, и когда у него отнимают эту надежду, его лишают единственного фундамента жизни. Смерть для него — спасение от жизни, которая хуже смерти, от пытки мучительного существования.

Со времени гетевского «Вертера» искусство нередко поэтизирует трагическое самоубийство. Может быть, именно поэтому в тайниках души у неуравновешенных юношей лежит иногда, как мина, безысходная готовность взорвать свою жизнь, раздробить ее на мгновенные осколки.

Но обязательно ли рубить голову, чтобы снять с шеи ярмо? Есть масса тяжелейших ошибок, которые можно исправить; и есть одна, которую исправить невозможно, — казнь над самим собой.

Жертвы любви часто не знают одной легкой для понимания, но очень трудной для исполнения вещи. Взрыв боли можно усмирить либо таким же взрывом воли, либо упрямым, марафонским терпением. Только первые муки гибнущей любви невыносимы: если перетерпеть, перестрадать их, они пройдут обязательно, с астрономической неизбежностью.

Смерть любви — это угасание части души; но надо обязательно знать, что эта часть души возрождается, снова вырастает. У юных — и это тоже очень важно — такое заживление души идет куда скорее, чем у взрослых. Раны их зарастают быстрее и бесследнее, — тут лежит для них еще одна надежда и еще одно смягчение беды.

Но, пожалуй, самое главное состоит вот в чем. **Будущее счастье для них гораздо более вероятно, чем для тех, кто не пережил неразделенной любви.** И причины здесь именно в том, что у них есть опыт несчастья; это великий душевный опыт, который дает душе безотчетное знание подводных камней любви, подсознательное умение обходить их. Это один из лучших учителей души, и потому на тех, кто прошел сквозь любовную катастрофу, как бы действует закон возмещения: шансы на будущее счастье у них возрастают.

Как преодолеть горе

«Неверно, что у переживших крах любви возможность счастья увеличивается. Не надо золотить пиллолю: я думаю, они в таком же состоянии неопределенности, как и все, и у них все может быть — и счастье, и новое несчастье».

(Из записки на лекции в новосибирском Академгородке).

Что ж, спор идет вокруг очень загадочной и очень двоякой вещи. Как именно влияет на душу несчастье, какие сплетения невидимых нитей приводят его в ход — во всем этом, увы, очень много неясного. Верно, что у тех, кто пережил любовный крах, может быть и новый крах. Несчастье в любви — не гарантия от нового несчастья, и бывает даже, такие несчастья идут чередой... Так чаще бывает у слабого человека, который не умеет учиться счастью у несчастья.

Но в большинстве случаев эти несчастья включают внутри нас подспудный мотор психологического самосохранения. Как организм вырабатывает антитела против враждебных микробов, так и душа вырабатывает свои защитные «антитела», наращивает свою безотчетную зрячесть, уменьшает слепоту.

Обжегшись на одном типе людей, которые ей не по плечу, или на одном типе поведения, которое не ведет к цели, душа начинает неосознанно опасаться этого типа людей или этого типа поведения. В подсознании идет бурное расшатывание любовных компасов, идеалов, ориентиров, сотрясаются и трещат невидимые устои поведения — идет безотчетный пересмотр всего, что привело к краху.

Выходу из этой невидимой ломки резко мешает вспышка неполноценности, которая раздражается после любовного краха: она окрашивает душевную ломку в пессимистические тона, впрыскивает в душу яды безысходности, которые парализуют ее.

От чего зависит здесь будущее счастье или несчастье? От того, кто победит в этой неосознаваемой схватке — наша сила или бессилие. От того, сумеет ли наше сознание помочь этим полуслепым беззвучным землетрясениям, этому перекраиванию душевной подпочвы.

Когда сознание умно помогает подсознанию, душа начинает яснее видеть, кто ей под стать и какое поведение лучше ведет к цели. В ней как бы появляются новые глаза, новое умение: она прицельно ощущает, в кого можно влюбляться и какое поведение дает больше шансов на ответное чувство.

После каждого несчастья круг поиска как бы суживается, и чем лучше мы помогаем душе понять, что именно вызвало крах, тем меньше будет у нас новых несчастий и тем больше шансов на счастье. Это очень важно, Неля: чем глубже мы учимся у первого

несчастья, тем вероятнее, что второе может не наступить...

Первые влюбления, как правило, идут вслепую, и они чаще всего бывают безответными. Большинство из нас проходит в юности школу несчастной любви, и вот именно она-то и может быть благодатной школой.

Известные в педагогическом мире супруги Никитины учат своих детей падать раньше, чем ходить. Так же, наверно, и в любви: чем раньше мы научимся падать, тем лучше будем и ходить. Пусть это выглядит злым парадоксом, но для юных несчастная любовь — это не только плохо, но и хорошо. Пожалуй, в юности стоило бы даже радоваться несчастной любви, хотя это звучит противозастенно. Несчастная любовь — как корь или свинка: чем раньше ее перенесешь, тем глубже иммунитет, невосприимчивость: чем позже, тем она больше и тем тяжелее осложнения от нее.

Горе может стать путем к радости, несчастная любовь — трамплином к счастливой любви. Все здесь зависит только от нас, от того, будем ли мы пассивно переживать горе, умирать от тоски или станем учиться у горя искать дорогу к счастью, учиться понимать себя и других, учиться победительному поведению — поведению, которое завоевывает ответное чувство.

У многих молодых людей нет навыков преодоления горя, навыков перетерпеливания несчастья, выхода из трагических положений. И чем впечатлительнее люди, тем больше они страдают от этого. Особенно касается это юных с их обостренными нервами, пониженными болевыми порогами и повышенной ранимостью.

Неумение утихомирить боль, скольжение по ее течению — это эмоциональные удвоители боли, они усиливают кризис, делают его затаженным. Может быть, Неля, это и происходит с тобой? Попробуй занимать себя интересными делами, переключать себя, переключать потоки боли потоками других чувств: это психологические ослабители боли, они помогают человеку выходить из кризиса быстрее и умудреннее.

Помогают перебороть тоску также напряженные физические нагрузки — от трудной работы, спорта, бега, и чем они изнурительнее, тем лучше. Хороша и музыка — классическая, которая облагораживает страдание, и жизнерадостная, быстрая, вздымающая; еще лучше танец, пляска; сильно может подействовать терапия юмором, смехом. Самое главное здесь — своя активность; не пассивное, бездеятельное замыкание в горе, а упорные попытки выйти из него, вытеснить из души горестные переживания светлыми.

Исцелять себя потоками физических напряжений и душевных радостей — вот, видимо, два главных лекарства от горя. Но здесь очень важно и чувство меры, чтобы не черезчур отключать себя от естественных переживаний, не помешать им углублять себя, не объединить душу ретивой терапией.

Древние греки умирали с улыбкой, и улыбка поддерживала их дух, помогала им и в момент смерти оставаться человеком и этим облегчать себе смерть. Спартанцы недаром учили детей презирать боль: «Я выше тебя, боль, мой дух сильнее». И сейчас еще улыбка как защита от горя и способ уменьшить его живет в Японии. Японцы мужественно улыбаются в горе, скрывают свое горе за улыбкой, и от этого в душе у них укрепляются струнки мужественности, которые закаляют их, помогают легче переносить горе. На Руси тоже с давних пор учили стойкости в беде, закалке против душевных тягот: такая душевная стойкость испокон веку была основой народной культуры душевной жизни.

Видимо, главное в горе — активно лечить себя, не быть щепкой в засасывающем омуте тоски, а прорывать плен болезненных ощущений, искать лекарства от них: лечить себя самопознанием, усилением своих слабых мест, лечить радостями, новыми впечатлениями или — клин клином — новыми увлечениями...

И еще одна из важных основ преодоления горя — выходить из него лучше всего не в одиночестве, а с людьми. Разделенное горе — половина горя, и когда им делишься с другими, это ослабляет его. Но еще больше помогаешь ты своему горю, если помогаешь чужому. Тут действует как бы психологический закон бумеранга: чем больше ты даешь другим, тем больше этим самым получаешь для себя.

Здесь, пожалуй, лежит и центральный девиз преодоления горя: **делать несчастье ступенькой к счастью, превращать поражение в ступень к победе.** Это, по-моему, одна из высших всечеловеческих ценностей, один из главных устоев жизненной мудрости.

Способность ослаблять вред от несчастья и извлекать из него пользу — одна из основных человеческих способностей, и развивать ее должны школа и семья, литература, кино и театр. Они, как это хорошо известно, лучше других помогают людям растить в себе несущие опоры морали, в том числе и те, что связаны с такой нежной и хрупкой ее сферой, как любовь.

Валентина КОРОСТЕЛОВА

*Опять привычная картина:
Сырое утро октября.
И голых веток паутина
Блестит при свете фонаря.*

*Еще над рощей не светало,
Еще вдали обозы дня,
Еще сама собой не стала
Береза белая моя.*

*Зато такая тишь в поселке,
Такой раздумчивый покой,
Что, как весною, сердце зорко
И до мечты подать рукой.*

*В новом месте обихаживая угол,
Выставляю все сокровища свои.
Эй, соседи, позавидуйте-ка, ну-ка,—
Это вам совсем не то, что хрустали!
Книги есть. А у кого их нынче нету?
У кого они, родимые, не спят?
А вот есть у вас такие бабка с дедом,
Что, обнявшись, на приступочке сидят?
Ай да мастер! Даровит никак и ласков,
Что из дерева поведывать сумел!
Расцветает племя сказочников вятских,
Мастеров необычайных в мире дел!
Эх, давненько так душа моя не пела.
Хоть зажмури глаза, увидишь все равно:
Выплывает из бумаги, как из пены,
Расписная, знаменитая давно!
И горят на ней рябиновые бусы,
И рукавички-фонарики горят...
Так и дразнит кавалеров пышноурых,
Что безропотно встают за нею в ряд!
Тут матрешки озорные — не безделки:
Васильковые платочки до бровей...
Расставляю всевозможные поделки —
Разговариваю с Родиной своей.*

Доброта

*Мчитса время. И в космосе жарко,
И давно уже тесен Парнас.
Но по-прежнему светится ярко
Доброта среди прочих богатств.*

*Мчитса время, но сердцу поныне
Без сердечного слова нельзя.
Оставляйтесь родными, родные!
Оставляйтесь друзьями, друзья!*

*Сто чудес в краях иных
Смотрится и пишется.
Да зато в краях родных
Безмятежно дышится.*

*Ой, остра разлуки боль,
Горько расставание,
Да зато сильна любовь,
Горячи признания!*

*Как бы ветер ни дичал,
Как бы гром ни буйствовал,
А надежный есть причал.
То глубинка русская.*

*Мы все в долгу у Вечного огня,
И даже те, что бед хватило слишком.
О, как серьезно смотрит на меня
У обелиска замерший мальчишка!*

*Он для охраны откровенно юн,
И автомат его ненастоящий,
Но он не зря живет в своем краю,
Так неподкупно пристально глядящий!*

*Мы все в долгу у Вечного огня.
Не все, так большинство по крайней мере.
Как строго мальчишка смотрит на меня,
Как я хочу, чтоб он в меня поверил!*

СИТИДЕВАЯ ЯРМАРКА

Магдалена ВАШКОВА, чехословацкая журналистка.
Фото автора (ОРБИС—АГН, специально для «Смены»)

Ее называют самой капризной и непостоянной дамой в мире. Мода очень часто меняет цвета, покрой, украшения. Но все мы подвластны ей и прислушиваемся к ее мнению.

Я приглашаю вас в небольшое путешествие по Чехословакии, чтобы увидеть, как развивается сегодня молодежная мода.

СОКРОВИЩА ИЗ БАБУШКИНЫХ СУНДУКОВ

По узким улочкам под Братиславским градом направляюсь на встречу с Кларой Бруновской, известным не только у нас в стране художником-модельером. Вот и сейчас она снова собирает чемоданы, вместе с манекенщицами отправ-

ляется в Советский Союз для показа новой коллекции.

Клара Бруновская работает в Центре народных художественных промыслов. Это предприятие заботится о том, чтобы богатства национальной культуры радовали красотой и нынешнее поколение.

Клара и сотрудники ее мастерской создают модели одежды, навеянные чешским и словацким фольклором. Широко используют традиционную вышивку, кружева и любимый еще нашими бабушками синий набивной ситец.

— В детстве я любила рисовать, участвовала в самодеятельных фольклорных ансамблях. — рассказывает Клара. — Два этих увлечения переросли в профессию. Чем больше я изучала народные костюмы наших предков, тем больше мне хотелось перенести орнаменты и узоры в одежду своих современников. Поразительно искусство простых кружевниц, вышивальщиц и швей, создавших неповторимые по своей красоте ансамбли одежды.

— Ваши модели трудно представить рядом с джинсами и футболками. Как их воспринимают молодежь?

— Давайте посмотрим. — Клара подводит меня к нескольким стелдам, на которых развешены платья, костюмы, свитеры и шапочки. — Эту коллекцию мы показывали на демонстрации моды, организованной в Братиславе Социалистическим союзом молодежи. Именно фольклорные комплекты пользовались у юных самым большим успехом. Конечно, в гардеробе молодых должны быть и футболки, и джинсы. Но, как показал опыт, яркая одежда с элементами народного костюма никогда не залеживается на прилавках.

С МАРКОЙ «МАКИТЫ»

Эмблему чехословацкого национального предприятия «Макита-Пухов» знают женщины всего мира, в том числе Советского Союза, куда швейное объединение экспортирует пятую часть продукции. «Макита» — это платья, костюмы, сарафаны, юбки, пиджаки, одежда для детей и, конечно же, для молодежи.

Направляюсь в отдел конструирования и моделирования объединения, выпускающего ежегодно три с половиной миллиона разнообразных изделий. Ежеквартально ассортимент обновляется на девятую часть процентов. С 1981 года «Макита» выпускает небольшими партиями изделия с индексом «ОМН» — особо модная новинка. Выбор ткани, покрой, проработка деталей — все это отвечает самым строгим требованиям.

Но вернемся в отдел конструирования. Заведует им Ян Шулавик.

— Ежегодно наши художники-модельеры и конструкторы одежды предлагают на рассмотрение художественного совета коллекцию из двух тысяч двухсот моделей. — рассказывает Ян. — Весь творческий коллектив отдела — неременный участник ежегодного конкурса творчества, проводимого Социалистическим союзом молодежи ЧССР. Модели победителей конкурса сразу же внедряем в производство.

Пройдя по цехам «Макиты», я побывала затем в демонстрационном зале. Дизайнерский совет как раз обсуждал коллекцию для СССР на 1988 год...

— Махмуд Алисултанович! Наш разговор с вами пойдет о физическом развитии человека. Что означает, на ваш взгляд, такое понятие, как физическое совершенство? Как достичь такой гармонии, всем ли это доступно?

— Чтобы стать физически совершенным — а это, поверьте мне, процесс бесконечный, — нужна очень большая и кропотливая работа над собой. И не просто комплекс упражнений, тренировки. Это и труд души. Совершенствуя свое тело, вы воспитываете и свою волю, становитесь более требовательными к себе.

Пошел в школу. Продолжал сам учиться танцевать. Каждый день отрабатывал движения, тренировался.

— Тех, кто хоть раз видел на сцене Эсамбаева, очень интересует вопрос: «Как ему удается на протяжении стольких лет сохранять такую прекрасную форму?»

— Думаю, лет пятнадцать я еще сохраняю настоящую форму... У меня ведь внуку пять лет, внучке — тринадцать, они должны увидеть меня на сцене, и не раз. Правда, внук недавно заявил мне: «Ты, — говорит, — дедуля, не волнуйся, я все равно танцую лучше тебя...»

Писатель Даниил Гранин сказал од-

СЕКРЕТ ЕГО МОЛОДОСТИ

Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР народный артист СССР Махмуд Эсамбаев рассказывает о себе, своем искусстве, о человеческой красоте. В его словах часто звучит ирония, но говорит он об очень важных и серьезных вещах — о физической культуре и здоровье человека.

Не хочу показаться банальным, но жизнь подтверждает старую истину: «В здоровом теле — здоровый дух». Сильный, красивый человек — он ведь, как правило, и добрый.

Если посадить в землю кривую ветку, из нее вырастет кривое дерево. Все начинается с детства. И здоровье, и сила, и выносливость — все закладывается в раннем возрасте.

А то получается: сначала мы старательно обкармливаем детишек сладостями, кутаем их в шубы и шали, а потом удивляемся, почему они вырастают неповоротливыми, полными увальнями, да еще вдобавок и хворыми. И, повзрослев, начинают они ломать себе головы: как поправить здоровье, как похудеть? Дожили: полноту стали уважительно величать бичом века. А ведь бича-то этого могло и не быть, позаботиться мы вовремя о физическом развитии своих детей.

Нужно, чтобы занятия физическими упражнениями стали привычкой на всю жизнь. С детства.

Меня, например, никогда не баловали, рос, что называется, в спартанских условиях. И не жалею об этом. В четыре года я был знаменит больше, чем сейчас. Я танцевал на всех свадьбах в аулах. Часто приходили люди и просили отца: «Дай сына на свадьбу!» «Возьмите», — говорил он. И без меня дома не скучали: я был младшим, а это лишний рот в семье. А вот если кто-то брал наш железный топор — редкость в те годы у горцев, — так отец целый день ворчал: «Взяли топор, а не принесли!»

Начинал я танец с того, что на правой ноге поворачивался на босых пальцах, делая пируэт, и одновременно левой ногой касался головы. Все восхищенно цокали языками...

Как и все дети горцев, пас телят и овец. Приходилось много ходить по горам, по долинам. А восьмилетним перебрал в город. Впервые увидел, как лампочка зажглась без керосина. Чик! Три дня заикался. Радио услышал — чуть не упал.

С восьми лет начал учить русский язык. Отец говорил: «Кто не знает русского языка, человеком быть не может».

нажды: «Человек может много, может все и еще столько же». Я добавил: если сам того захочет.

У меня железный режим. Каждодневные тренировки, репетиции. Ем, как правило, один раз в день и только переем. И побольше зелени. В ней и витамины, и силу — все найдете. Сон большой не нужен, а то на том свете делать будет нечего. После концерта полчаса гуляю, расслабляюсь. Вот и все, пожалуй. Хотя нет, хорошую форму мне помогает сохранить и чувство юмора, я люблю пошутить, в том числе и над собой.

Вот я, например, никогда не занимался аэробикой, которую сейчас так активно превозносят, и не заметил, чтоб от этого мне стало очень уж худо. Но когда я читаю серьезные статьи, где пишут, что не всем доступны занятия аэробикой, так как не все владеют полосатыми гетрами и повязками на голову, — я читаю это и хохочу. До чего же может донести мода!.. Неужели нельзя научиться плавать, не имея купального костюма фирмы «Адидас»? Меня поражают тысячи людей, ночами простаивающих возле стадионов в надежде записаться в секцию аэробики. Почему-то все решили, что само это иностранное словечко и соответствующая экипировка сделают их стройными и красивыми.

Я никогда не обладал такими замечательными зebroобразными гетрами, но тем не менее немного научился танцевать. Кто не верит, может прийти на мой концерт, я сейчас как раз подготовил новую программу...

Я очень много времени провел на сцене. Еще больше — в залах и домах — на тренировках и репетициях. И хорошо знаю, что такое падать от усталости. У меня не было потособирающей повязки на лбу; наверное, поэтому знаю вкус пота не по рассказам очевидцев. И могу сказать вам одно: из ничего не получится ничего.

Хочешь чему-то научиться — занимайся и терпи. Помните, говорили мудрые древние: «Чтобы научиться играть на арфе, нужно играть на арфе». Хочешь быть красивым — терпи.

Терпение — великая вещь. Вы думаете, если я мало ем, то никогда не хочу есть? О!.. А ведь я могу очень вкусно готовить!..

Когда вижу юношей и девушек, которые не страдают от избытка изящества, стати и здоровья, мне становится очень грустно. Я думаю: люди, как вы стали скупы по отношению к себе! Вам жалко потратить один только час в день на свое брэнное тело, чтобы сделать его гибким, сильным и красивым!

Кстати, по-моему, в школе давно пора ввести новый предмет: осанка и походка. Когда девушка идет с грацией морского волка, а юноша даже издали не похож на джигита, мне хочется плакать...

Да, хорошо бы в школьную программу ввести еще и уроки танцев. Не кружки, в которые мало кто ходит, а уроки — с обязательной программой, с отработкой. Чтобы ребята привыкали относиться с ответственностью к такому важному делу, как умение танцевать. Думаю, меньше тогда будут жаловаться на замкнутость, одиночество, закомплексованность, ведь танец — это и средство общения. Я уверен, умение хорошо танцевать прибавит девушкам женственности. А отнюдь не сигарета. Юношам, не сомневаюсь, это прибавит рыцарства, они станут более галантными и утивыми. В конце концов умение танцевать — это и составная часть общей культуры, признак хорошего тона.

— Махмуд Алисултанович, а как вы сочиняете свои танцы? Процесс создания танца, поиск деталей, характерных, необычных моментов — расскажите о них.

— Танец — это история народа, его характер, обычаи. Я беру танцы из легенд. Легенды несут в себе аромат древности, хранят вековые тайны.

Вначале я изучаю корни народов, слушаю фольклорную музыку, погружаюсь в этот прекрасный, загадочный мир. И рождаются жесты, движения, ритмика...

Большое внимание уделяю эстетике танца. Сам народ может исполнять свой танец не очень собранно, не очень точно, а я должен быть осторожен и внима-

телен, предельно точен в каждом движении.

Когда танцую, представляю себя тем, кого изображаю, забывая на время, что я Махмуд Эсамбаев.

У меня не бывает сильных и слабых выступлений. Люди пришли на концерт и хотят узнать: такой ли Эсамбаев, как о нем говорят? А Эсамбаев должен быть намного лучше...

Я всегда танцую, как будто в последний раз.

— Махмуд Алисултанович! Итак, перефразируя известное изречение, можно, наверно, сказать: **хочешь быть стройным и красивым...**

— Будь им! Когда наблюдаю за чересчур упитанными людьми среднего возраста, думаю, что пришла пора награждать их олимпийскими медалями. Если тяжелоатлеты только на тренировках и соревнованиях поднимают тяжести, то наши герои не расстаются с тяжестями круглые сутки. Они безропотно носят в себе пудовые, двух-, а то и трехпудовые гири лишнего веса и давно побили все рекорды Анатолия Писаренко. Они заставляют свое бедное сердце работать с нагрузками в несколько раз больше нормальных: ведь, чтобы обеспечить все жировые клетки кислородом, сердцу приходится изрядно трудиться. Я уж не говорю о том, на сколько такого сердца хватит...

Думаете, спасение в диетах? Спасение — в движении, в стремлении быть красивым и терпением.

Конечно, я могу понять несчастного толстяка с его желанием похудеть моментально, сразу. Но сразу можно только лопнуть...

Хотите, дам самый лучший в мире совет из всех, которые я знаю и которому следовал всегда, — как похудеть и сохранить прекрасную форму? С самого начала не толстеть! С раннего детства.

Мы настолько привыкли к слову «физкультура», что уже не задумываемся над его первоначальным, не сокращенным произношением — «физическая культура». Культура! А разве может культурный человек позволить себе быть физически несовершенным? Ведь природа дала ему все для этого совершенства! Давайте наконец относиться к физической культуре серьезно. Не ради же отметок должны дети ходить на уроки физкультуры, заниматься спортом — ради здоровья и красоты.

Как-то утром я шел по улице, и мимо меня пробежал юноша в спортивной форме. Навстречу мне шел мужчина средних лет и выше средней упитанности. «Хм! — сказал он. — Вот бездельник, носится, понимаешь!» Я не стал спорить с этим критиком, но подумал: «Какой же молодец этот парень, не полевнившийся в такое прохладное утро выбраться из теплой гостели и пойти побегать!» Во многих людях живет подобное желание, но не всем хватает силы воли. А разве этот юноша бездельник? Человек хочет быть здоровым и стройным, не хочет болеть. Разве тот, кто закаляется, чтоб не сидеть потом на шее у государства — на больничном, — бездельник? Вот если б он бежал в рабочее время... Молодец юноша, подумал я, глядя ему вслед, пусть на долгие-долгие годы сохранится в тебе сила и бодрость!

Давно, по-моему, пора вызывать на заседания профкома тех, кто часто простывает и вообще болеет. И песочить их там! Как можно так безответственно относиться к своему здоровью!

Болезнь приходит к тем, кто слаб. Вспомните древних греков, они знали толк в красоте. Самой оскорбительной характеристикой для человека того времени было: «Он не умеет ни писать, ни плавать!» Сила ума ставилась на одну ступень с физическим совершенством.

Не раз приходилось мне слышать такое мнение, что спортом люди занимаются от нечего делать. Не буду сейчас говорить о большом спорте: это удел самых сильных. Скажу о физической культуре.

Сколько лет ей? Возраст ее равен возрасту человечества. Состязания по бегу стали проводиться гораздо позже — позже того, как человек состязался в беге с хищниками, резво удирая от них. И горе тому, кто был неважным бегуном... Не за медаль шла борьба — за жизнь. Физическая культура возникла как жизненная потребность и необходимость, средство продления рода; выжили сильнейшие. Так почему же сейчас мы забыли цель и смысл занятий физической культурой? Придумали тысячи приспособлений, начиная с автомобилей и лифтов вплоть до сумок на колесиках, якобы для того, чтобы уберечь свое драгоценное здоровье! Посмотрите, к примеру, как в общественном транспорте все стараются уступить место ребятишкам (старик — еще подумают, а детям — всегда пожалуйста!). Мало того, что это чуждо подвижному детскому организму, — тут скрыт еще и воспитательный момент. Точнее, анти-воспитательный. Дети привыкают к мысли, что им позволено все, вплоть до того, что они могут сидеть, когда старшие стоят; в их душах зарождается эгоизм. Я не раз наблюдал, как какой-нибудь пяти-семилетний ребенок прямо-таки требует, чтоб ему тотчас же уступили место!

Когда мы едем одну-две остановки до дома, а не идем пешком, мы не бережем себя — вредим себе! У человеческого организма есть определенный предел. Занимаясь физической культурой, можно этот предел постепенно отодвинуть. И ведь посмотришь: вроде человек не железный, а предел у него, как говорят математики, плюс-минус бесконечность! И никто не в силах раздвинуть его, кроме тебя самого.

То, что дала нам природа, лишь исходный материал, а уж что мы слепим из него, зависит от нас самих.

И не надо ждать понедельника, чтоб начать «новую» жизнь. Если вы будете заниматься каждый день всего по часу, и необязательно в гетрах, необязательно на стадионе, — я вам гарантирую: через три-четыре месяца вы себя не узнаете. Через полгода вам никто, включая вас самих, не поверит, что раньше вы были другими.

Да что я вас агитирую? Кто сомневается — подойдите к зеркалу...

— Кстати, Махмуд Алисултанович, уже три часа, ваш обед остынет!

— Это ничего. Я могу и совсем не обедать...

— Раз уж мы заговорили о физических занятиях, о терпении, а вам приходится тренироваться и репетировать не по часу в день, то ответьте, пожалуйста, и на такой вопрос: **были ли у вас моменты во время выступлений, когда вы уставали настолько, что уже не думали ни о танце, ни о чем на свете, только дотанцевать бы до конца?**

— А я не хочу дотанцевывать до конца. Почему? Просто не вижу его... Я уже пошел на третью пенсию — сорок шестой год танцую, но бодр и молод. И знаю, что получать пенсию не буду. Если умру во время танца, я ведь не буду получать ее, правда?..

Когда в пятьдесят восьмом году Эсамбаев выступал в Париже, французские газеты писали: «Спасибо этому советскому артисту за сохранение древней французской грации! Рост — 180, талия — 47 сантиметров!»

«В человеке все должно быть прекрасно...»

Говорят, Эсамбаеву исполнилось шестьдесят. Сходите посмотреть его новую программу. Чего только стоит его «Карнавал», эти зажигательные ритмы Латинской Америки!.. В малиновом с золотом сомбреро, в бордовом плаще; на сцене вы увидите не танцора — само пламя.

Вы верите, что Эсамбаеву шестьдесят?

Я не верю.

Беседу вел
Юрий РАГОЗИН.

В КОНИЖКТЕ ВРЕМЕНИ

Эльга
ЛЫДИНА

ОБРАЗ МОЛОДОГО РАБОЧЕГО НА ЭКРАНЕ

Случилось так, что в один из праздничных дней телевидение предложило зрителям своеобразный концерт: из фрагментов многих наших фильмов авторы попытались сложить кинопанно, посвященное истории Страны Советов от первых ее октябрьских дней. Причем фрагменты из картин были взяты музыкальные, песенные — своего рода опознавательные знаки эпох, пройденных советским народом. На голубом экране явились питерский парень Максим, начавший свой путь у Наревской заставы, первые комсомольцы, уходящие на гражданскую войну, молодые шахтеры, строители первых пятилеток, талантливая ткачиха Таня, чей подвиг у станка был сродни трудовому подвигу легендарных Дуси и Маруси Виноградовых. Художественная кинолетопись вернула нас в годы войны и в трудные послевоенные годы через судьбы героев картин, которых мы с радостью узнавали как старых друзей... Но вот допел свою задорную песню о монтажниках-высотниках Николай Рыбников, исчезло с экрана его лицо и... концерт все еще продолжался, но как заметно рушилась добрая живая связь, которая объединяла зрителей с экраном...

Эпизоды из последовавших за рыбниковской «Высотой» картин казались словно анонимными. В серии бодрых, улыбочивых, белозубых киногероев теперь едва ли удавалось припомнить хотя бы несколько имен так, как всего несколько минут назад. Разумеется, у концерта была своя задача, и авторы его не претендовали на всеохватность и глубину, однако эта телевизионная мозаика показалась мне неожиданно точным срезом того, что происходит в нашем кинематографе в последние годы. В огромном списке фильмов, снятых за это время, едва ли сыщется десять — пятнадцать фигур, способных встать в ряд с героями довоенного кино, с Алексеем Журбиным и Николаем Пасечником, Сашей Румянцевым и Сашей Савченко, памятными по фильмам 50-х годов, удивительно верно запечатлевшими в своем облике пафос времени, главную «музыку эпохи». Конечно, и сегодня приходят на экран сильные и красивые люди, отзывчивые к непрестанному движению вечно обновляющейся жизни, появляются картины, хроникально и художественно фиксирующие Время. Но слишком мало их, таких, о которых спустя несколько десятилетий мы станем вспоминать с благодарной памятью, вошедших в настоящий контакт со зрителями.

Обращусь еще раз к телевидению, которое время от времени прокатывает на своем экране двухсерийную картину «Переходим к любви», поставленную на Киевской киностудии имени Довженко. Ее герой, молодой рабочий Дмитрий, на первый взгляд живет чрезвычайно насыщенно и ярко. Он смело отстаивает свою позицию, объясняясь с начальником цеха. Он не теряет драгоценное чувство юмора, размышляя о сложной семейной ситуации, в которой оказалась его родная сестра. А уж любит Митя, как истый романтический герой, — пламенно, идеально, самоотверженно, реализуя свои чувства в самых решительных поступках. Митя окружен восторженной любовью близких и дальних, очарованных его редким благородством и душевной красотой. Однако мы, зрители, почему-то остаемся всего лишь сторонними и холодными наблюдателями различных событий в истории Мити. А к финалу картины уж и совсем иронически начинаем следить за его удивительной судьбой. Зазор между намерениями авторов и результатом очевиден, и причина в том, что перед нами не живой человек во плоти и крови, а унылая схема, старательно раскрашенная авторами фильма, как это делают дети в соответствующих изданиях. Ни драматург, ни режиссеры не дали себе труда задуматься над истинной сложностью нашего общего существования. «Удивительный, прекрасный, замечательный», — твердят они нам с экрана, а между тем именно экран и обнаруживает несоответствие героя их восторженным излияниям. Обнаруживает себя в той мнимой экранной реальности, которую зрителям предложено принять как настоящую жизнь.

По большому счету фильм «Переходим к любви» вроде бы и не заслуживает столь пристального к себе обращения — мелькнул раз, мелькнет еще раз и уйдет в небытие в массе других таких же картин. Но именно в силу своей печальной типичности он и вызвал к себе внимание, его огрехи характерны для многих других лент, которые в планах киностудий именуются «фильм на производственную тему».

Мы привыкли к этому несколько абстрактному и общему определению и относим его к множеству картин, от социально острой, необходимой нам в своем глубоком исследовании принципиальных явлений общественной жизни «Премии», до унылого и однообразного потока безликих фильмов, героями которых становятся рабочие люди. Но что же на самом деле скрыто за определением «производственная тема», «картина о рабочем классе»? Прежде чем вернуться к конкретным произведениям, обратимся к мнению известного писателя Чингиза Айтматова.

— У искусства, как, допустим, у любого толкового собрания, есть своя повестка дня, — считает Айтма-

тов.—Если говорить о нашем социалистическом искусстве, литературе, то здесь «первый пункт» — изображение рабочего класса. Так оно и должно быть, потому что речь идет о той части общества, трудом которой создаются материальные богатства и которая составляет основу нашей социальной организации. Но повесть дня — это одно, а ораторы — нечто совсем другое.

Если же говорить о реальном положении вещей, то в литературе, искусстве еще существуют произведения третьего и четвертого сортов. Существуют еще литература и искусство, которые на Западе порождаются стихией рыночного спроса. У нас литература и искусство этого уровня выезжают на актуальности темы...

Всегда наряду с настоящими, способными художниками существуют ремесленники. И они тоже делают погоду. Порой для них возникает — хотя никто не устраивает этого сознательно — благоприятные условия. В результате распространения средств массовой информации легковесные творения как наиболее «транспортабельные» для массовых средств коммуникаций, и в первую очередь для телевидения, широко распространяются.

Нельзя забывать, что не выбор, а уровень решения темы важнее всего. Чего нам часто не хватает в наших произведениях о современности, это действительно глубокого дыхания, попытки охватить глубокие идеи и процессы и показать их с художественной глубиной и многоплановостью. Разумеется, у каждого автора свои источники и связи, и каждый должен работать в соответствии со своими возможностями. Значительные произведения о рабочем классе возникают не благодаря нашим пламенным призывам, а только тогда, когда сама тема отвечает внутренним потребностям и опыту художника.

Создание на эту важную тему серьезных произведений, полных глубокого реализма, зависит от культурного климата во всем обществе, в самом рабочем классе. Это значит, что, не ослабляя необходимой связи художников с предпринятиями, мы должны настойчиво развивать культурные потенции народа.

...Размышляя о произведениях, связанных с современностью, в частности о произведениях, посвященных рабочему классу, Чингиз Айтматов очень точно фиксирует «болевы» точки этой проблемы. Создатели картин, подобных телефильму «Переходим к любви», судя по внешним параметрам их произведений, пытались сказать зрителям нечто серьезное, общественно значимое, создать объемные, сложные характеры современных рабочих. В таких фильмах мы сегодня, несомненно, нуждаемся, однако лишь в том случае, когда они на самом деле соответствуют первоначальной заявке... Вглядимся же, что порою скрывается за такими авансами, объявленными сценаристами на первом этапе работы. Конкретно: вспомним мосфильмовскую ленту о рабочих-лесорубах «Гражданин Лешка».

Герой картины, по замыслу авторов, человек удивительный. Не только потому, что отважно решился в тоненьком плащике отправиться на работу в сибирскую тайгу, хотя в деньгах не нуждается. Нет, гражданин Лешка не менее эксцентричен и в своих отношениях с людьми. Где бы он ни появился, всюду немедленно становится самым активным участником событий, замечает малейшие огрехи, весело указывает на них, правда, выражаясь при этом при помощи словаря Эллочки-людоедки, но это свидетельствует о его юморе, как полагают сценаристы... Гражданин Лешка с первой минуты диктует всем и каждому, как им жить и работать, как вести себя дома и на службе; возражать ему бесполезно, все равно Лешка окажется прав — так задумано авторами. Однако постепенно со зрителями происходит примерно то же, что случилось во время просмотра ленты «Переходим к любви». Авторские намерения все больше и больше рождают в зрителе обратную реакцию. Вымышленные, порою до откровенной нелепости, перипетии из жизни молодого лесоруба завязываются в узел, носящий откровенно опереточный характер. Этой стихии соответствует едва ли не каждая ситуация в истории гражданина Лешки. И параллельно все больше дискредитируется высокая тема гражданственности советского молодого рабочего, заявленная в названии картины.

Холодный авторский расчет на то, что тема выведет, сказался в небрежении к форме, к поиску выразительных средств. Равнодушие драматурга и режиссера — вещь опасно заразительная.

Воспитать человека можно только правдой, не заигрывая с реалиями нашего бытия. Правдой, которую может остро почувствовать только тот художник, который осознает свою гражданскую и нравственную ответственность.

В обиходе кинематографистов не случайно возник термин «трудный фильм». Прокатчики называют так картины, отмеченные серьезной попыткой социально осмысления действительности, на которые, однако, не так легко собрать максимум зрителей. Думается, есть у этого термина еще один аспект: «трудные фильмы» требуют, чтобы трудилась душа зрителя. В

нашем кинематографе немало таких картин, в последнее время созданы в этом ключе «Охота на лис», «Остановился поезд», «Допрос», «Грачи», «Пацаны», «Чучело», «Надежда и опора», «Частная жизнь», «Милый, дорогой, любимый, единственный...». Они обращены к общественному сознанию людей, прямая связь с которыми рождается в общении зрительного зала с героями фильма. В таких лентах авторы сознательно ушли от однопланового активного героя. Не снижая героических качеств личности, они искали свой метод художественного исследования, шли непроторенными дорогами.

Героя своей картины «Охота на лис», рабочего Виктора Белова режиссер **Вадим Абдрашитов** называет «пробуждающимся человеком». Откуда пришло такое определение?

— Попробуем представить себе жизнь Виктора Белова, — говорит Абдрашитов, — ту, которая осталась за кадром, до начала картины. Все у него было как будто вполне устоявшимся, прочным: семья, работа, увлечение спортивной игрой «охота на лис». Но вот в размеренное существование Белова врываются неожиданные события, и он впервые полностью задумывается о той непростой, неоднозначной действительности, в которой существует. Вот это я и называю пробуждением Виктора Белова. Самый драматичный момент в его истории, когда Белов пытается противопоставить свое прежнее, «правильное житие» молодому парню Володе Беликову. Оказывается, что противопоставить-то нечего. Пройдет большой отрезок жизни, но ни разу до сих пор она не была освещена тревожной и острой мыслью о проблемах надличностных. В финале картины во время спортивных соревнований Белов сходит с маршрута. И мы оставляем его на распутье в трудном раздумье.

Духовный мир личности всегда сложен, сложен и тогда, когда человек еще стремится стать личностью. Это путь самопознания, путь к подлинной ответственности перед собой и перед другими людьми, обществом. В работе над образом Белова, впрочем, как и над всеми другими, нам было чрезвычайно важно наполнить его реальным жизненным содержанием. Для меня конкретность всегда необыкновенно важна. Она, как ничто другое, обнаруживает подлинность героя, его причастность к своему времени.

Несколько лет назад во многих театрах нашей страны шла пьеса «Человек со стороны», был поставлен по ней и фильм. Показательно, на мой взгляд, само ее название: «Человек со стороны!» Для меня это «человек ниоткуда». Если же он «ниоткуда», чем он связан с другими людьми, о чем может говорить с ними, чем растрогает их сердца, мысли? К сожалению, у нас сейчас слишком много фильмов, в частности о производстве и сельском хозяйстве, где активно действуют «люди ниоткуда». Обычно они как снег на голову сваливаются в цех или отстающий колхоз, после чего по мановению волшебного жезла все встает на свои места.

До поступления на режиссерский факультет ВГИКа я работал на большом заводе, где был начальником цеха. Знаю, как невозможно мгновенно и категорично решить сторонним людям сложные вопросы труда, быта, производственных отношений, человеческих контактов. А в кино это показывают с легкостью необыкновенной. Тем самым мы прививаем зрителям своими же руками ироническое отношение к результатам своей же работы. Это происходит потому, что во многих картинах все сложено по трафарету и слегка подкрашено в соответствии с теми или иными насущными проблемами. Являясь киногерои — художочные дети авторской фантазии, целиком оторванной от реальности. Они остаются в сознании зрителей как функция, необходимая кинематографистам, и не более...

Наставая на плотном, конкретном соотношении героя с действительностью, с временем, Вадим Абдрашитов вместе с драматургом Александром Минддадзе, автором сценариев всех фильмов Абдрашитова, неизменно свою позицию реализуют. Два молодых кинематографиста чутко уловили эволюцию в психологии зрителя. Еще недавно наш экран сам ориентировался и зрителей ориентировал на образы, близкие идеальным, так, что выростала дистанция между зрителем и героем. Сегодня, думается, пришла необходимость в определенном повороте: человек хочет соотносить свое «я» с киногероем, увидеть в его судьбе нечто близкое собственной.

Талантливые драматурги, режиссеры, актеры, не умаляя, не снижая высокого духовного и гражданского потенциала, умеют приблизить персонажей своих картин к зрителю в соразмерности о тревогах времени. Узбекские кинематографисты, драматург Одельша Агишев и режиссер Эльер Ишмухамедов, в начале 80-х годов сняли взволнованный, острый фильм «Какие наши годы». Герой картины, молодой шофер Таш Рахманов, — обыкновенный парень, выросший в большой, дружной рабочей семье. Поначалу знакомство с ним приносит зрителям простую радость узнавания знакомых черт в его облике, в подробностях его жизни. Но по мере развития действия эти

«сцены из частной жизни рабочего парня» обретают более глубокий смысл, нежели просто рассказ об одной судьбе. Частное укрупняется, и за ним встает социальная и нравственная позиция героя. Таш не хочет и не может мириться с ложью, фальшью, душевной нечистоплотностью в отношениях. С потребительским взглядом на жизнь. С цинизмом «деловых» людей. С предательством и унижением... Он вступает в открытый бой с теми, кто мешает чистой и честной жизни.

Картина «Какие наши годы», ее герой, талантливо и темпераментно сыгранный молодым актером Рустамом Сагдуллаевым, несет точный социальный заряд еще и потому, что авторы одними из первых обратились к сложной современной проблеме. Многие уродливые явления сегодняшнего дня связаны с некоторой неразвитостью личностного начала в молодых людях, в общем, способных с такими явлениями бороться. Честный и принципиальный Таш Рахманов вступает в бой с частностями, ему кажется, что, надавав он пощечин подлецу, все встанет на свои места. За поступком бывшего друга он еще не видит корней: подводит инфантильность, слабая способность к социальному размышлению о мире.

Возможно, немалая вина в этом ложится и на плечи кинематографа. На создателей фильмов, в которых пустота мыслей и чувств закамуфлирована высокопарной, псевдоромантической оболочкой. Жесткой правде, суровым земным реалиям, подлинной борьбе авторы предпочитают создания буйной, неукротимой фантазии, жаждущей необычного.

Создатели картин киностудии «Мосфильм» «Расставания» и «Я за тебя отвечаю», видимо, посчитали, что заземленность реалистического материала не даст им возможности проявить духовный мир героев. И они обращаются к романтической позе...

Шофер-дальнорейсовик Рудольф («Расставания») должен оказаться в аварийных условиях пустынной таежной трассы, чтобы заново передумать свою неудавшуюся жизнь и понять, как равнодушен, эгоистичен, черств он был к чужой боли. Стало быть, не будь этой страшной ситуации, так бы ничего и не пробудилось в Рудольфе, не пришел бы он к осознанию тех ложных ценностей, которыми всегда жил?..

Тот же вариант — «экзотизация обстоятельств» — присутствует и в фильме «Я за тебя отвечаю». Поначалу картина смотрится с настоящим интересом. Переводая работница большого завода Анна относится к людям, привыкшим просто и естественно брать на себя заботу о других. Нерасщепимо цельная натура Анны более всего должна открыться в истории ее отношений с Галкой, напарницей Анны, молодой, лихой девчонкой, жаждущей иной жизни, нежели тяжелые будни на заводе. Она и любит свою наставницу, и не хочет принимать те законы, по которым Анна живет, они кажутся ей скучными, придуманными. То ли дело ее роман с молодым художником, поездка вместе с ним в весеннюю Ялту, приволье, волготная, беззаботная жизнь... Как будто бы должно возникнуть интересное противостояние двух характеров, двух точек зрения на себя в этом мире, на то, как должно в нем жить... Но очень быстро драматургу, а вместе с ним и всей съемочной группе стало скучновато в заводских стенах и в скромных интерьерах стандартной городской квартиры: они быстро отправляют Анну на Север, где служит на флоте ее сын. Суровая красота скалистых берегов, долго и подробно запечатленных на экране, современные, мощные механизмы, представленные сложнейшей цепью приборов и коммуникаций в одном из отсеков боевого корабля, наконец, черные шинели моряков отлично смотрятся в сероватой дымке прибрежного тумана... Но все это уверенно уводит зрителей в сторону от проблемы встречи поколений, роли старших в судьбе младших, которым нелегко одолеть в себе инфантилизм.

А дальше крутизна сюжетных положений набирает новые высоты. Не успев вернуться с Севера в Москву на ответственное профсоюзное совещание, Анна мчится в Крым спасать неразумную Галку, запутавшуюся в любовных неурядицах.

Так оказывается утопленной в сценарной безвкусице и вторящей этому режиссуре одна из серьезнейших проблем в жизни современной заводской, рабочей молодежи.

У кинодраматурга и поэта Геннадия Шпаликова есть такие строки:

**Бывают крылья у художников,
Портных и железнодорожников,
Но лишь художники открывают,
Как прорастают эти крылья...**

Сегодня нам остро недостает именно таких фильмов — о том, как у человека прорастают крылья. Как, не отрываясь от земли и вместе с тем поднимаясь над ней, герои разных картин не оставляют своих реальных забот, тревог, надежд и переосмысливают их ради того, чтобы взлететь выше. Решают свои судьбы, вписанные в контекст Времени, чем помогают нам, зрителям, соотносить с их дорогой и свой собственный путь. Так, чтобы и мы сумели взлететь...

Наш футбольный клуб продолжает выплывать просьбы болельщиков. Сегодня на их вопросы отвечают футболисты и тренеры московского «Спартака».

«Многие команды оставили яркий след в истории отечественного футбола, хотя методы их комплектования существенно различались: одни тренеры предпочитали ориентироваться на звездных «звезд», другие — кропотливо воспитывали собственные резервы, третьи — помогали найти себя игрокам, не пришедшимся по двору в других клубах. К. Бесков в работе со «Спартаком», пожалуй, больше придерживается третьего направления. Чем это объясняется?»

Николай БАННИКОВ,
пос. Степной Чимкентской обл.».

К. Бесков. Каждый тренер вынашивает идею создания «своей» команды, команды, где все были бы способны воплотить в жизнь тренерские замыслы и расцветить их разумной долей импровизации. Увы, подбирается такой состав исполнителей трудно.

Большой игрок — всегда личность. Именно личности способствуют прогрессу футбола, причем и их успехи немалымы без нравственного, интеллектуального самосовершенствования. Команда же должна иметь свое лицо, свой характер. Характер этот — как прочная веревка с одиннадцатью узлами, из которых ни один не подведет в трудную минуту, иначе — разрыв всей цепи. Вот почему я безжалостно расстаюсь с игроками талантливыми, подчас ведущими в командах, которые тренировал, но ненадежными, способными подвести и тренера, и партнеров, и болельщиков. Девять лет в «Спартаке» промелькнули для меня как один год. Немало футболистов примеряли за это время спартаковскую форму, но далеко не всем удавалось носить ее с честью. Почему же «Спартак» часто пополняется игроками, из других клубов дочисляемыми? Порой они сами обращаются к нам, приходят на тренировки с просьбой посмотреть их, ибо уверены, что не сказали еще своего последнего слова. Бывает, что ты знаком с футболистом по выступлениям против твоей команды и, казалось бы, изучил его досконально. Но взглянешь на него другими глазами, почувствуешь неумное желание играть и хочешь дать ему еще один шанс утвердиться в жизни, в которой для нас с ним огромное место занимает футбол.

«Читаешь интервью с футболистами и узнаешь, что чуть ли не каждый с детства мечтал играть именно в той команде, цвета которой он ныне защищает. Однако и случаи перехода игроков из клуба в клуб нередки. К примеру, Ю. Гаврилов начал выступать в московском «Динамо», а сейчас играет за «Спартак». Интересно, какие чувства испытывает Юрий, выходя на поле против бывших своих одноклубников?»

Антон КОШКИН,
г. Балашиха Московской обл.».

Ю. Гаврилов. В детстве я ни за одну команду не «болел». Не название клуба являлось для меня критерием оценки. И сейчас, много лет уже выступая в составе «Спартака», я всегда готов приветствовать удачную игру соперников. И хорошие футболисты нравились и нравятся независимо от их клубной принадлежности. Как можно «болеть» против таких мастеров, как Стрельцов, Аничкин, Бышовец, Мунтян. Это значило бы «болеть» против футбола.

Динамовскому коллективу отданы пять лет моей жизни. Считаю: девять — двенадцать лет — оптимальный век футболиста. Ушел я в «Спартак» к тренеру, под руководством которого уже играл и который видел для меня место в составе. Это очень важно, когда молвешь почти не осталось моих прежних партнеров, но тем не менее всякий раз, выходя противоборствовать динамовцам, я изо всех сил стараюсь продемонстрировать соперникам и зрителям все, чему научился за годы пребывания в большом футболе. В том числе и в «динамовскую» пятилетку.

«Хотя мне всего 18 лет, мой болельщический стаж уже достаточно велик. Моя любимая команда — московский «Спартак». Мы с ребятами в свободное время часто приезжаем в Москву «болеть» за спартаковцев. Передайте, пожалуйста, мой вопрос Сергею Родионову: как помогает наша поддержка ему и всей команде?»

Валентин ГРАЧЕВ,
г. Андропов».

С. Родионов. Нелегко ответить на такой, казалось бы, несложный вопрос. С одной стороны, естественно, приятно, когда за тебя «болеют», переживают, поддерживают. Но, поскольку письмо прислано молодым болельщиком, не могу не сказать, что поддержка эта приносит подчас уродливые формы. При этом особенно «усердствуют» в этом направлении как раз ребята в возрасте 15—18 лет. Боюсь быть понятым превратно: я вовсе не утверждаю, будто все молодые болельщики — пустые крикуны, нет, иной раз подходят к тебе после игры парни, нелпохо в футболе разбирающиеся, и вопросы толковые задают. Я даже убежден: их, истинных ценителей игры (для которых мы, собственно, и стараемся), во много раз больше, нежели их ровесников, не научившихся еще с достоинством носить название «болельщик». К ним-то, последним, я сейчас и обращаюсь: поверьте, ребята, отнюдь не радость испытываем мы, футболисты любимой вашей команды, когда попадаем к вам, скажем, заборы, распаянные эмблемами общества «Спартак». Получается так, что, имея многочисленную армию болельщиков клуба чаще слышат о кучке хулиганов, прикрывающихся спартаковскими цветами. Как по-настоящему имеет организация игры. Видно, настало время и для организации болельщиков. Приходите на стадион: играйте сами, радуйтесь и огорчайтесь

вместе с нами — мы всегда рады настоящим поклонникам футбола, умеем ценить их преданность, но не порождать своим поведением славное имя «Спартак».

«Свой голос в конкурсе «Смены» по определению отдаю лучшим футболистам сезона-94 я отдаю Альмиру Каюмову. Дерзкий, цепкий новичок. Неужели он не волновался, деюктируя в ответственной международной матч?»

Диег НИЗАМИТДИНОВ,
Джизак».

А. Каюмов. До матча на Кубок УЕФА против лейпцигского «Локомотива» мне не доводилось выступать в основном составе. Признаюсь честно: когда тренер назвал мою фамилию в списке заявленных на игру — задрожали колени. Нет, соперника-то я не боялся, а вот сумел ли сыграть под стать товарищам по команде? Волновался, пожалуй, до первого своего удара по мячу, потом забыл, что по телевизору на меня смотрят и мой первый тренер в детской команде «Медик» Кирилл Доронин, ныне известный арбитр, и партнеры по спартаковскому «дублю» — не только болельщики, но и самые строгие мои судьи. Память о своем дебюте я сохраняю, наверное, навсегда, обидно только, что помню я саму игру плохо: промелькнули все эпизоды, как в калейдоскопе. По отзывам более опытных партнеров, смотрелся я нелпохо. А тренер наш словно заранее был уверен в успехе — сыграл, мол, как на базе в Тара-совке.

Я не ожидал увидеть свое имя в списке лучших новичков прошедшего сезона. Хочу поблагодарить читателей журнала за добрую поддержку.

«Из публикации в «Смене» узнала, что Федор Черенков окончил Горный институт. Очень интересно было бы узнать, чем обусловлен выбор такой необычной для спортсмена профессии?»

Татьяна ОСИПОВА,
Красноярск».

Ф. Черенков. Я уже окончил школу, а намерения поступать в какой-то определенный вуз у меня не было. О трудностях и романтике профессии горного инженера до посещения институтского «Дня открытых дверей» знал лишь понаслышке. Нескольких часов в тот памятный для меня день оказалось достаточно, чтобы навсегда «заболеть» горным делом. Прежде чем принять окончательное решение, выслушал немало советов от родителей, учителей, старших товарищей. Некоторые из них сомневались: как уживется моя будущая профессия с футболом, ведь без него я не представлял себе жизни. Не скажу, что мне легко было совмещать столь разные свои увлечения — ведь если какому-то делу достойно того, чтобы им занимался, его нельзя делать вполсилы. Годы, проведенные в институте, дали мне много, без них я едва ли достиг бы хоть минимальных успехов и в футбо-

ле. Каково было учиться? Сложно и интересно — наверное, так же, как и заниматься всяким любимым делом. Конечно, в институте физкультуры было бы полпечеч, но я вовсе не считаю, что все спортсмены впоследствии должны непременно становиться тренерами. Бывает, к сожалению, случаи, когда высшее физкультурное образование обесценивается лишь громким именем, но для каких целей? Ведь ошибиться в выборе призвания не так страшно, если вовремя осознаешь свою ошибку.

«Я сам играю в футбол в детской команде, в полузащите. У меня есть друг, он нападающий. В последнее время я стал замечать за собой, что болельщики передают это не нарочно. Можно узнать у спартаковцев, должны ли дружба в жизни переноситься на футбольное поле или это может помешать команде выигрывать?»

Томас СЕНДЖИКАС,
Каунас».

С. Шавло. Успехи либо неудачи коллектива, и не только спортивного, зависят в первую очередь от атмосферы, в нем сложившейся. Людям разобцанным бессмысленно даже пытаться идти к единой цели. Сплоченность команды — непреложное условие победы, ибо футбольный коллектив — не просто арифметическая сумма характеров, привычек, амбиций его членов. Игроки выбегают на поле произнести слово «мы», порой пусть даже и в ущерб собственному «я».

В идеале, конечно, близкими друзьями в команде должны быть все — от третьего вратаря дублирующего состава до старшего тренера. Но думаю, что даже самый общительный человек не отважится назвать три десятка людей, с которыми он, как говорится, пошел бы в разведку. Настоящих друзей в жизни встречаешь единицы. В «Спартаке» — очень близкие отношения связывают меня с Юрой Гавриловым. И основное качество, которое я ценю в своем друге, — доброта. Мы давно занимаем общий номер в гостинице и на базе, давно дружим семьями. Однако это не значит, что на поле, владая мячом, я прежде других ишу Гаврилова, хотя Юра и главный конструктор нашей атаки. Общение на языке паса — азбука футбола, и мы «разговариваем» то простыми, то сложносочиненными предложениями, стремясь поставить точку — вывести на завершающий удар любого из товарищей.

«В последние сезоны можно наблюдать любопытную, на мой взгляд, тенденцию: во многих футбольных командах капитанами выбирают вратарей — А. Прудникова, В. Новикова, М. Бирюкова. Хотелось бы узнать у капитана московского «Спартака» и сборной страны Р. Дасаева, в чем, по его мнению, заключаются капитанские функции игроков и особенно представителей вратарского ампула.

Наталья ВАСИЛЬЕВА,
Москва».

Р. Дасаев. Игрока с капитанской повязкой на рукаве болельщикам привычнее видеть в поле, чем в воротах. Привычнее еще и потому, что для многих зрителей жизнь команды рамками зеленого прямоугольника, как правило, и ограничивается. Стремясь подавить ребята пример своим поведением в быту, я становлюсь, так сказать, в равные условия с капитанами — не врагтарями. Горжусь тем доверием, которое оказали мне мои товарищи: ведь выбирают вожаков не только за их игровые достоинства. Считается, что на поле капитан — проводник тренерских идей, но ведь в игре он и сам в какой-то мере тренер. И в этом плане мой вратарский пост — стратегически идеальное место. Отсюда мне, как никому другому, видны и наши ошибки, и только зарождающиеся замыслы соперников. Есть время подкачать ребят так, что-то конструктивное, просто поощрить их.

Вести команду за собой в буквальном смысле я, конечно, не могу. Но если удается парировать несколько трудных мячей, вселить уверенность в ребят за крепкий тыл, они, я верю, обязательно забьют, и в этом голе будет доля и моего, капитанского участия.

Семья КАРПЕНЮК,
Южно-Сахалинск».

Н. Старостин. Легенда о «спартаковском духе» родилась как результат многочисленных кубковых побед. Раньше было поверье, что «Спартак» не проигрывает решающие встречи. А кубковые матчи как раз к таковым и относятся. Поколения Степанова, Сальникова. Нетто отличались неукротимостью, неуступчивостью; «умри на поле, но лицом к воротам соперника» — так можно сформулировать девиз спартаковцев тех лет. И не было спартаковском составе человеку, способному, как мы говорим, «спрятать ноги» в кульминационный момент, когда игра требует тебя всего без остатка.

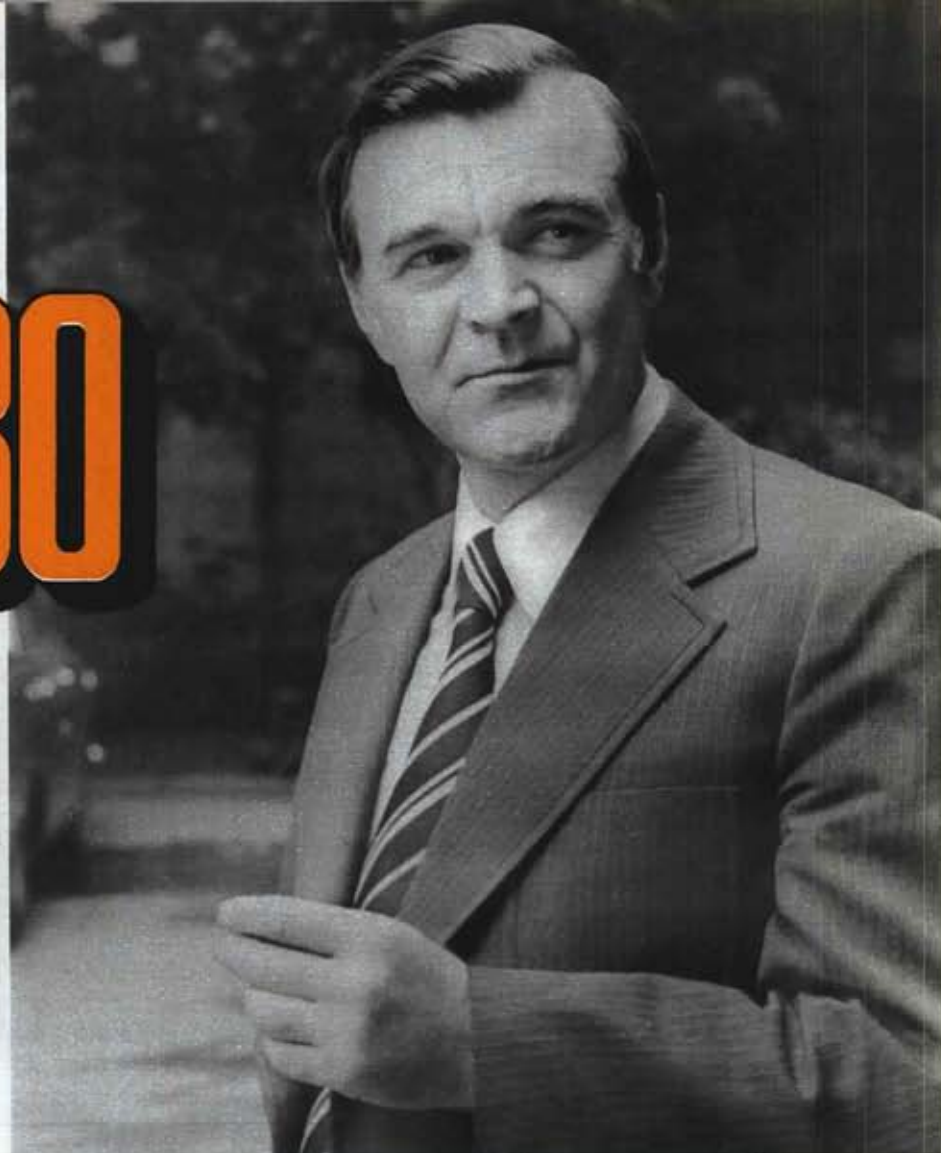
Нынешнее поколение спартаковцев — уже девятое со дня основания общества. И, к сожалению, дойдя до него пока наименьших успехов по сравнению со своими предшественниками. Не считите это стариковским ворчаньем, просто для «Спартака» почетно только одно место — первое, все остальные должны рассматриваться как неудача. Таковы уж наши традиции, и сохранять их нужно бережно. Приглашая в команду новичка, пристальное внимание обращаем на его характер, тщательнейшим образом изучаем не только спортивно-технические данные, но и основные, определяющие: наличие у него упорства, честности, боевистости.

Интервью вел Сергей МИКУЛИК.

Альберт ЛИХАНОВ

ПИРШЕСТВО МЫСЛИ

Фото НИКОЛАЯ КОЧНЕВА

Я испытал это чувство много лет назад, впервые прочитав напечатанные в каком-то журнале «Мгновения» Юрия Васильевича Бондарева. — знакомое ощущение наполненности, желание найти свои слова, чтобы благодарно ответить писателю — не за удовольствие, нет, не за радость, эти слова не подходили к прочитанному, а за возможность самоуглубиться, лучше понять себя, поработать душой и сердцем, да, за наполненность. Негромкая, но глубокая эта радость приходит всякий раз, когда переворачиваешь последнюю страницу большой книги.

Итак, «Мгновения» — краткие, от одного абзаца, даже строки, до нескольких страниц, то пронзительные и скорые, как слепящий свет молнии, то протяжные по самому движению мысли, в два, три, четыре удара, похожие на ступени — будто раскатистый гром, то сильные своим одиноким, стальным ударом, одной главной идеей, точно выстрел оружия. Автор сам дал определение жанра своих «Мгновений», сказав так: «...Книга начинается гораздо раньше, чем написана первая строка. Много лет назад я задумал написать не повесть, не роман, не хронику, а книгу — мозаику человеческой жизни...» Что ж, с этим можно и согласиться, заметив, однако, что принадлежность к жанру не самое главное для всякой книги, а главное — ее суть, ее способность обновить человека, заставить его не просто задуматься, но заново переосмыслить прожитое, вновь оглянуть виденное, осознать себя.

И все же два слова о жанре, о власти его. Признаться, я с усмешкой относился к формуле — романное мышление. Что это? С чем едят? И какой бы такой примерчик обнаружить этого самого романного мышления даже у Толстого.

Многоплановость, когда, пересекаясь и расходясь, живут и действуют многие семьи, герои — важные и второстепенные? Философичность, многостраничные размышления, часто о вещах очевидных и простых? Умение соединить на страницах одной книги разные времена? Острота социальных конфликтов?

Пожалуй, это приметы романа, так сказать «улики», с помощью которых можно определить жанр. Но мышление тут при чем? Все-таки мышление, даже по словарю, — высшая форма активного отражения объективной реальности. По жизни, наверное, — движение, доказательная поступательность мысли, скажем, в споре, в дискуссии. Роман же форма художественная, он мыслит образами, их развитием и убедительностью. Если бы существовали романы мысли, тогда

другое дело, но ведь роман мысли не что иное, как философский трактат. И мне уже казалось, что выражение «романное мышление» не более как красивость, скорее, вертящая досточка через канаву между философией и искусством, а не реалья, действующая в художественной практике.

Юрий Бондарев убеждает в обратном. Романное мышление я обнаруживаю в жанре вроде бы совсем нероманном — в «Мгновениях».

Ни для кого не секрет, что одно из ведущих творческих начал Бондарева — мысль. Она его главный инструмент.

Можно размышлять так: художественная образность превращается в мысль. Это наиболее частый ход и прием. Но ведь мысль, развиваясь, тоже способна обратиться художественностью, яркой образностью. И, может быть, это более высокая степень движения? А если обе творческие категории сливаются воедино?

Как и романы, «Мгновения» написаны Юрием Бондаревым многообразно. Под этим словом я подразумеваю разные художественные средства. Есть живопись. Есть акварель. Тут мы видим краски. Ощущаем запахи.

Но есть сосредоточенная мысль. Это уже не краски. Это совсем другой художественный материал. Глина. Чаше — металл. Потому что, может быть, именно металл, если говорить о материале, ближе всего краткому мигу человеческой жизни, мгновению, если говорить о времени.

Поэтому более всего меня привлекают «Мгновения» обнаженной, движущейся мыслью. Впрочем, иных почти нет.

Вот, к примеру, «Ожидание». Автор едет в неуютном купе, ему одиноко, и он подгоняет поезд, подгоняет время, стараясь даже мыслями скорее добраться до дома. Он думает о том, что часто грешил, подгоняя время, — между свиданиями, в пору первой влюбленности, на войне, когда душа рвалась в покойное будущее, когда поманила первая удача, но ее осуществление приходилось ждать месяцы. Цели менялись, среди них были малые и высокие, но поспешание к ним одинаково оборачивалось желанием сократить сроки, побыстрее пробежать пространство собственной жизни.

Всякий пересказ грешен хотя бы своей конспективностью, при которой идея выпрямляется и теряет едва ли не все, не говоря уж о том, что при этом обрезаются аргументы художника, подробности внутреннего движения, которые, если сравнить результат с живоцветущим существом, есть не что иное, как

листва, плоды и лепестки единственного в своем роде дива, такие признания из «Ожидания», как, например, это: «...присутствие в мире власти любви делает человека не покорителем, а безоружным властелином, подчиненным всеобъемлющей доброте природы». Или это, когда речь идет о поспешании души к миру: «А впереди, за пожарами задымленного, порезанного пулеметными трассами горизонта, манила как надежда на облегчение вожденная мысль о тепле в тихом домике среди леса или на берегу реки, где должна произойти встреча с незавершенным прошлым и недостижимым будущим. Терпеливое ожидание длило наши дни на простреленных полях и вместе очищало наши души от смрада висящей над окопами смерти».

Да, пересказ грешит, особенно когда речь о сочинении наикратчайшем, которое само по себе, по своей сути — сплошная мысль, но все же другого способа пока не придумано, и потому я помогу своей системе аргументации обильным цитированием, простительным в данном случае, потому как в «Мгновениях» особенно много значат рядом с мыслью слово и фраза. Так вот к какому итогу, к какому слову приходит автор в «Ожидании»:

«И только сейчас, прожив свои лучшие годы, переступив срединную грань века, порог зрелости, я не испытываю былой остроты радости завершения. И уже не отдал бы ни часа живого дыхания за нетерпеливое удовлетворение того или иного желания, за краткий миг результата.

Почему? Я постарел? Устал? Пресытился? Нет, только теперь я понимаю, что путь воистину счастливого человека от рождения до последнего растворения в вечности и есть тормозящая неизбежную мглу небытия радость ежедневного существования в окружающем мире, и я поздно осознаю: какая же бессмысленность торопить и вычеркивать ожиданием цели дни, то есть неповторимость мгновений жизни, данной нам единый раз как драгоценный подарок.

И все-таки: чего я жду?..» Попробуйте отбросить последнюю, концевую строчку из этого признания и обратите при этом внимание на следующее: завершенная мысль останется, но волшебство, но таинство жизни, но противоречивость, что, может быть, и есть высшая истина, но настоящее искусство исчезнет, потому что магия искусства не в завершенной мысли, не в приговоре, а гораздо дальше — там, где ничего не известно. Вроде все ясно художнику, и душу свою укрепил он броней мудрости, важного житейского вывода, а все

же он ждет, не может не ждать, как всякий из людей не устает надеяться и верить.

Профессиональные критики нынешних времен стесняются приводить конкретные литературные примеры в пользу своих доказательств: лучше или одни примеры, или одни послылы, «беспримерный» критический разбор. Я не критик, а потому считаю «Ожидание», в меру сил моих подробно пересказанное и процитированное здесь, примером именно романного мышления Юрия Бондарева, иными, пожалуй, словами, мышления масштабного. В сущности, «Ожидание» — это микророман, стержень возможного романа, его конспект, его идея.

Сравнение автора с кровельщиком, мысли о том, что кроит он свои жесткие листы из металла, приходят не раз при чтении «Мгновений», и эта безусловная, беспощадная правда не только к жизни, но и к самому себе, эта неразделимость, адекватность осмысления своих чувств и явлений окружающего мира настраивают на сосредоточенное внимание к писателю, на желание перечитать прочитанное вновь и вновь и прислушаться не только к словам, а и к интонациям, вместе с ним подняться на вершину его мысли. Вот, вот — может, именно этот, возвышающий душу уровень разговора, может, эти подробности мысли, углубляющие текст, эта несуетность, небренность, неспешность в формулировке, это вознесение над обыденностью, в совокупности, соединенные воедино, может быть, эти качества и есть такое качество мышления, которое следует признать масштабным, а оттого и романным?

Новелла «Отец», три памяти о самом родном, три мгновения, сохранившие впечатления, три озарения, которые волнуют, включают на полную мощь совесть, если она задремала, и, если человек совестью, подвигают к нравственному перелому. Первая память — когда герой еще совсем мал и способен ехать на раме отцовского велосипеда — они, наверное, впервые вдвоем, и мальчик ощущает колдующую силу отцовской доброты, неповторимое чувство первого мужского равенства, тайную, но обозначенную словами доверчивость. Вторая память — мгновение, сопряженное — не в памяти, а в чувстве — с возвращением отца из войны, как благодарная тишина воссоединения семьи, как молчание после долгой тревоги, молчание покоя и радости, возникшее благодаря тому, что отец появился вновь. И третья память — подростка среди сверстников, когда в умах и настроениях приняты свои правила, возвышенно-отрешенные, далекие от жизни, этакий разгул мечтательства, которое дружит с силой, мужеством, добротой, но совсем не приоткрыто к неудаче и робости, и вот в эпоху этого томления духа — точно головой о стенку: отец стоит на улице в больших поношенных ботинках, узких брюках, маленький, в коротком пиджаке и с ненужным, бедняцким галстуком. Друзья готовы рассмеяться над отцом, и по всем правилам надо бы броситься в драку, чтобы защитить этого жалкого человека, но мальчик не решается на поступок, который бы выглядел глупостью, и вот, став взрослым, он тоскует и печалится за стыдливость своего отрочества.

«Тогда я не думал, что настанет срок, когда в некий весенний чужой мне день я тоже окажусь чьим-то жалким, смешным, нелепым отцом и меня тоже постесняются защитить» — такова последняя фраза этой притчи, но мы чувствуем, что здесь дело не в том, мысль художника переступает границу личного, что укоризна его, обращенная вроде бы к самому себе, перетекает далее, превращается в философски важную идею о том, что человек расслабляется всю свою жизнь даже за малое отступничество, и советливая личность не способна списать грех на несмышленность возраста — человек един, как едина его совесть и его память, и малого отступничества нет, не может быть, у этой категории нет мер.

Как верно и как справедливо на все лады и всеми способами повторять праведную идею о единственности человеческой совести, о неразделимости возраста и меры чести — одинаковых и постоянных всегда. Не эта ли высоко нравственная задача и есть основа в вечной и непреходящей борьбе против мнимой извинительности бесчестия, негодяйства на минуточку, простительности подлянки «во имя дела» и прочих житейских уродств, которые бесстыдно эксплуатируют гуманистическую мысль о прощении во процветании своих бесстыдных дел.

Нет, как бы говорит писатель, прощение даруется лишь тем, кто испытал сам в себе великое чувство непрощенья, суда над собой и не только за дело, но даже за шаг к делу, и ничто здесь неизвинимо — ни возраст, ни время, ни обстоятельство.

Вообще чувство щемящей совести, суд над самим собой, поиск истины и совершенства — темы и цели «Мгновений». Любимым делом литературским стало повторение тезы, что, дескать, литература неспособна исправить, но лишь способна сказать о трудном, указав на него перстом. Думаю, это одна из чрезмерностей литературного обихода, потому как глубоко уверен, что книжечка «Мгновений», равно

как и томик прекрасных астафьевских «Затесей», в кризисный для человека час должны быть носимы в кармане и читаться вновь и вновь, перечитываться, как катехизис современной нравственности, звучать должны, как камертон, по звуку которого можно и следует проверять чистоту собственных поступков.

Этакая утилитарная рекомендация может и покорибить кого-нибудь; это не страшно. В мою же пользу говорит хотя бы такая частность: «Мгновения» читать трудно, это не сюжетный, захватывающий самообман; мысль нелегка, она требует напряженного возврата даже в пределах абзаца; она сложна, поэтому едва ли не после каждого «Мгновения» лучше всего захлопнуть обложку, побыть наедине с собой, поразмыслить; потом же, продолжая жить, не грех найти важную страницу, когда с тобой что-то случилось, важное для твоей внутренней судьбы, и снова закрыть и вновь перелистать, выхватив наугад замечательное мгновение чужой жизни, странным образом перекликающееся с твоим.

Такое чтение трудно, но оно не утомляет, напротив, как бы заводит дремлющие в тебе пружины, заставляет чувствовать острее, учит в увиденном понимать глубинный смысл.

Женщина, вся в черном, неуверенно спускается по ступенькам, не замечая никого кругом. Это вдова, она идет не с похорон, а с банкета молодого директора института, того, кто сменил ее дорогого покойника. Банкет шумел, отмечая юбиляра и совсем забыв о том, чье существование олицетворяла своим присутствием в ликующей толпе она. Вот, в сущности, и вся суть новеллы «Вдова», но автор произносит слова «грозы знак», и мы действительно видим, кроме конкретного человека, еще и некий символ справедливости: сухощавая женская фигура, затянута в цвет памяти, отражается в зеркалах черным восклицательным знаком суда над беспамятством и бесстыдством.

Не знаю, затрудняюсь даже, какими словами сказать про новеллу «Воображение» — ведь тут речь об ирреальном: никогда не воевавший человек просыпается от навязчивого, повторяемого сна, в котором он умирает на войне и над ним склоняется его любимая с санитарной сумкой через плечо. Человек просыпается, страдая, в слезах, жена говорит ему какие-то слова, признание невозможно, и есть только мысль о том, что та его любимая с санитарной сумкой, не выдуманная, живая, тоже мечется в странном сне. Как объяснить это — фиксация подсознательного, отражение наития? Психологи, наверное, скажут, такой сон в реальности — суть зеркальное отражение тайной неудовлетворенности, безрадостного семейного существования, поиск подсознанием несовершенной ошибки. Но как бы ни классифицировать это, сны с тайным смыслом не то чтобы руководят нами, но существуют в нас, рядом с реальными, во сне нас посещает неслышимым шагом творчество даже самых нетворческих в быту, нас осеняет наитие, воспоминание, которых не было в жизни, и это необъяснимое чудо ведет нас, обогащая существование новыми тайными красками. Новелла про сон — гимн таинству человеческого воображения, которое способно возвысить, обрести идеальное, потрясти.

Чем не роман?

Или еще. Благодать теплое осеннего вечера, душевный покой переполняют душу рассказчика, тепло и приветливо светят окна большого дома и вдруг — крик, женский крик, страшный крик боли, страдания. И свет в окнах — уже не тепло и приветливо, а холод и безразличие. Гармония окружающей рушится от несправедности; гармония природы, конечно же, объективное понятие, но как субъективно наше восприятие ее и как легко можно решительно разрушить единство прекрасного — философские эти послылы легко угадываются в новелле «Крик», точно бы призывая к памяти этих простых законов человечности.

«И все погасло во мне — и благословенный московский листопад, и свет осеннего дня, и умиление естественной прекрасной порой бабьего лета, и почувствовалось, что это кричало от непереносимой боли само человечество, потерявшее ощущение великого и единственного блага всего сущего — радости неповторимого своего существования».

Читая и перечитывая многие «Мгновения», без конца ловишь себя на благодарной мысли о том, что писатель здесь похож на хирурга, а его новеллы — на отточенные до предела скальпели. Эти короткие инструменты предельно остры; до такой степени, что, кажется, они способны к прямому физическому воздействию.

Порой остроту прозы относят к области характера — это глупо. «Мгновения» режут сердце, не говоря про слух, но это острота не характера, а правды.

Краткий жанр предполагает метафоричность, впрочем, это благое достоинство всякой талантливой работы, и «Мгновения» перенасыщены метафорой, по законам же физики из всякого насыщенного раствора выпадают кристаллы. Раствор «Мгновений» рождает кристаллы высокой и вдохновенной истины.

РЕКОМЕНДУЕМ МОЛОДОМУ ЧИТАТЕЛЮ КНИГИ ЮРИЯ БОНДАРЕВА:

Юность командиров. Повесть. М., «Молодая гвардия». 1971.

Освобождение. Киноэпопея. М., «Искусство». 1973.

Батальоны просят огня. Повесть. М., «Детская литература». 1976.

Берег. Роман. М., «Художественная литература». 1980.

Горячий снег. Роман. М., «Современник». 1980.

Последние залпы. Тишина. Повесть и роман. М., «Советская Россия». 1980.

Выбор. Роман. М., «Молодая гвардия». 1981.

Мгновения. Рассказы. М., «Молодая гвардия». 1983.

«Хрупкий талант постоянно сомневается в своей славе» («Слава»).

«Всякий новый талант приносит ему тоску собственных похорон, тайное страдание, скрытое внешним восторгом» («Завистник»).

«Когда человек судорожно держится за жизнь, он находится в мучительном телесном рабстве» («Свобода»).

«Может быть, реальная подробность, соединенная с ужасом и мечтой, создавала первых художников» («Первые»).

«Не преисполнено ли гордыни и искусство в самонадеянном желании познать мгновения мгновений бытия, в надежде передать человеку чужой опыт разума и опыт чувства и таким образом остаться бессмертным?» («Мгновение мгновения»).

«Каким же обвораживающим ядом пропитано тщеславие, если оно не покидает людей и на пороге смерти!» («Схимник»).

Выписки при чтении «Мгновений» можно продолжать бесчисленно; собранная же под одну обложку россыпь выстраданных собственной судьбой истин являет собой многосложную мозаику духовной жизни. Исповедальность — вот характер коротких сочинений Юрия Васильевича Бондарева; исповедальность в литературе идет, как известно, со времен Жана Жака Руссо, однако на сей раз признание достигает высшей ноты не откровением на обширном пространстве текста, не выворачиванием «нутра», а тонким и блестящим лезвием мысли, вспарывающей основные устои нашего бытия. Подробности как бы опускаются. Остается главное — мысль, и ты ощущаешь, что находишься на пирушке мысли.

Духовная жизнь общества неоднородна. Мы справедливо возмущаемся негативными процессами, когда люди в стяжательстве и корысти забывают о своем предназначении. Томик «Мгновений» как бы взывает к нравственной, данной природой и матерью первооснове личности. Тем, кто мыслит, кто стремится к совершенствованию, книга Бондарева, бесспорно, может служить духовным компасом, этическим ориентиром в безбрежье разноречивых устремлений. Эта книга очищает и возвышает душу.

Ищущий истину, стремящийся к знанию, поставивший целью быть завтра лучше, чем сегодня, заблудший, оступившийся, потерявший цель — да не будут проложены их пути мимо книг, среди которых одна из самых заветных, цельных и чистых — «Мгновения» Юрия Бондарева.

В последнее десятилетие все чаще поговаривают: нынче, мол, куда легче «выйти» в поэты, чем, скажем, в шестидесятые годы. Что-то в этом, конечно, есть: при поголовной грамотности, да при белом стихе, да еще при верлибре...

Но если вполне серьезно — как же нелегко нынче обратить на себя внимание читающей публики, когда (по известным словам поэта) слишком многие умеют то, что позволено немногим!..

Поэт, которого я считаю верным наследником богатых традиций украинской поэзии, Микола Лукив принадлежит к тому поколению, которое выходило на читателя, уже усвоившего опыт поэтов шестидесятых годов. А они, как известно, испытали своих почитателей и оппонентов всеми видами усложнений в образной системе и архитектонике стиха...

Понятно, что читатель восьмидесятых годов, за два десятилетия повидавший виды и в отечественной, и в зарубежной поэзии, не очень спешит принять новое имя. И то, что Микола Лукив завоевал себе место под читательским солнцем, только подчеркивает неординарность его дарования. А между тем его стихи лишены той экстравагантной формальной броскости, которая уже сама по себе привлекает внимание. Да и, скажем, на смысловых поворотах он нечасто педалирует. В чем же его сила? Если попытаться определить одним словом, то я бы остановился на слове «надежность». Негромкая, но уверенная надежность традиционного сюжетного стиха, за которым четко просматривается несуетливая личность, умеющая постоять и за себя, и за свои принципы.

Микола Лукив уверен в себе, в избранной им творческой линии. Он не оглядывается на своих сверстников, подчас обгоняющих его в популярности: не

подсчитывает количество аплодисментов. Лукив уже в том возрасте (ему исполнилось 36 лет), когда человек осознает, что каждая «оглядка» на дистанции грозит потерей времени и темпа. Он спокойно ведет свой марафон.

И при всем этом он достаточно популярен. Читателя в нем привлекает спокойная доверительность, за которой чувствуется социальная неуспокоенность. Все, чем терзается наш век, беспокоит поэта: от проблем сохранения мира, преемственности поколений, от героики Великой Отечественной до проблем нравственных, интимных. Воспитанному комсомолом Миколе Лукиву не чужды романтизм, беззаветность Н. Островского, которому он посвятил свои лучшие стихи. Но все это у него по-своему, уравновешенно, без излишней «игры» на выигрышных поворотах. Он доверяет читателю настолько, что подчас обрывает стих на выигрышном месте, тем самым как бы приглашая его к сотворчеству.

М. Лукив родился в одном из глубинных сел Винничины. Казалось бы, ему сам бог велит покрасоваться просторечием, народным говорком, к чему прибегают некоторые его ровесники, перебарщивая в диалектизмах.

К чести поэта, он тонко чувствует черту, перейдя которую можно впасть опять же если не в игру, то в подыгрыв простонародью. Речевой ряд его твердо держится берегов нормативного литературного языка. В этой тенденции он соприкасается с опытом нашего великого мастера Максима Рыльского, который сам берег и призывал других беречь чистоту и изысканность родной речи.

Борис ОЛЕЙНИК

КАК ПРОСТОРНА ЗЕМЛЯ!

Микола ЛУКИВ

*Можно в прах рассеять валуны,
С места вековые скалы сдунуть,—
Но каким ветрам развеять думы
Матерей скорбящих, чьи сыны
Не пришли с полей былой войны?*

*Можно раны вылечить полям,
На руинах возвести палаты,
Смертью покарать любого ката,—
Но какую мерой матерям
Возместить их страшную утрату?*

Зерно

*На ладонь положу я зерно.
Сколько пота вобрало оно,
Сколько веры, терпенья людского
В этой маленькой крошке живого!
И теперь оно долг свой вчерашний
Возвратит человеку и пашне.*

*Как другие за жизнь заплатили,
Так исчезнет оно, чтобы жили
Колоски, и надежды, и птицы,
И провинции, и столицы.
А другого ему не дано...
Я держу на ладони зерно.*

Новогодней ночью

*Сверкает в хате праздничная елка,
Двенадцать яств поставлены на стол.
Хрипя, пластинку трогает иголка,
Поет про жизнь, про тех, кто не пришел.*

*Поет про тех, кто в небе или в море,
Кого забрали голод, смерть, война,
Над кем немного звезд стоит в дозоре
И не своя, чужая сторона.*

*А за окошком снег летит крылато,
И, не коснувшись хлеба и вина,
В углу нарядной, новогодней хаты
Седая мать одна, совсем одна.*

*Весь мир душой обнять она готова,
И накормить, и отогреть в тепле.
И долг ее — сегодня думать снова
О всех живых и мертвых на земле.*

*И всю-то ночь сверкает в хате елка,
Двенадцать яств поставлены на стол.
И все пластинку трогает иголка,
Поет про жизнь, про тех, кто не пришел.*

*Старик туркмен хвалил края мои,
Зәүдәйские вспоминал равнины:
«Как благодатны земли Украины!
А соловьи какие, соловьи!»
А я смотрел, как горный страж — орлан
За пиком пик облетывал кругами,
И навсегда пленился я горами,
И полюбил нагорный Туркестан.
Извечно так: в отеческом краю
Мы все красоты, кажется, poznali,
И нам милы неведомые дали
За сотни верст — у света на краю.
Но вот попросишь в гости кунака,
Он только глянет — и познает диво:
«Как щедро, изобильно и красиво!
Просторна как земля и широка!»
И для себя ты открываешь вновь
В родных местах, что от рожденья знаешь,
Такую глубь, что сердцем замираешь,
И глубже только к ним твоя любовь.*

На партизанской переправе

*Тут не раз бывали партизаны...
Стану, гляну — тихо, ни души.
Над лугами стелются туманы,
Шелестят под ветром камыши.
Тут не раз кипела переправа.
Люди, кони... Ноша нелегка.
Слева — враг. Подмога наша — справа.
Посередине — рубежом — река.
Тут не раз парнишка кучерявый
Рисковал шальную головой,
Под огнем паромом правил браво —
Только стрелец бился, как живой.
Тут песок еще и нынче ржавый,
Кровь никак не вымоет река...
А паромом правит кучерявый
Сын ли, внук героя-паренька.*

Баллада о старшем брате

*Я старшего брата не видел, не знал:
Под Корсунью смертью героя он пал.
И стал я расти и расспрашивать: «Мама!
Ведь он самый сильный? И смелый ведь самый?»*

*А мама притихла, слезу утирала,
Сказала, как знала, что знала, сказала.*

*Однажды со мною сходила к могиле,
Цветы и венки там всю землю покрыли.*

*Над ними боец, словно страж и защита,
Шинель, сапоги, автомат из гранита.*

*Мы клали ромашки, и маки мы клали
И долго в молчанье и скорби стояли.*

*И пусть не обмолвились словом про брата,
С тех пор для меня он похож на солдата,*

*Что в центре села, сохраняя молчанье,
Высоко стоит в вековой печали.*

*Годов с той поры пролетело немало,
Немало меня по дорогам бросало,
Но в каждой гранитной фигуре солдата
Я вижу погибшего старшего брата.*

На Припяти

*Атомный реактор в котловане,
Линия электропередач.
Скрежет кранов, шум берез в тумане,
Ход работ ритмичен и горяч.*

*Здесь слилась разумно, окрыленно
Новая и древняя краса.
Звездолеты рвутся в небеса,
А река течет традиционно.*

*Обветрены их лица и просты,
А голосов раскатиста природа.
Я вырос среди этой красоты —
Духовного величия народа.*

*Навеки с детства очарован им —
В нем честность, прямота, ненарочитость.
В стихах я тоже ненавижу грим.
Люблю в строке правдивость и открытость.*

Перевела с украинского
Ирэна СЕРГЕЕВА.

Уильям
КОТЦВИНКЛ

САТИРИЧЕСКАЯ
ФАНТАЗИЯ

— Это Майкл,— сказал Эллиот и распахнул дверь чулана. Они вышли в комнату, и одновременно в нее вошел из коридора Майкл:

Страшила посмотрел на него и проговорил:

— Скажи по буквам «механический».

— Эм, е, ха... что?!

Эллиот улыбнулся.

— Мы научили его говорить.

— Я его научила!— возмущенно закричала Герти.

Майкл уже стоял перед Ипом.

— А что еще ты можешь сказать?

— Скажи по буквам «зануда».

— Только этому он и выучился? Говорить, чтобы мы сказали по буквам?

Звездный бродяга еще не очень хорошо понимал детей, но уже знал: самое необходимое он объяснить им сможет. Во-первых, они должны взять для него на время у своей матери высокочастотный блок, а во-вторых, следить за тем, чтобы ему, Ипу, всегда хватало еды.

Зазвонил телефон, снизу донесся голос Мэри:

— Эллиот, тебя!

Эллиот вышел в коридор, снял отводную трубку и внес аппарат в свою комнату.

— Привет, Эллиот!— Его ухо наводнили режущие слух, но при этом еще и гнусавые звуки.— Это Лэнс.— Эллиот ощутил в голосе Лэнса опасное, вынюхивающее любопытство. Лэнс не звонил ему почти никогда, разве что похвалить, с каким, мол, высоким счетом, например, он выиграл в «Астероиды»; а теперь почему-то этот же самый Лэнс болтает и болтает без конца о Сатурне, о марсианской горе Олимп и о всяких других диковинах.—...да, Эллиот, ничего, кроме космоса, в голове. Будто к мозгам прилип этот космос. Чудно, правда? А тебе не кажется, что вообще происходит что-то странное? Мне так кажется...

— Ну, пока, у меня нет времени,— сказал Эллиот, положил трубку и вытер вспотевший лоб.

Лэнс берет его в кольцо, ясно как день.

И старому ученому, телепатически прислушивавшемуся к разговору, это было тоже ясно как день. Разговор кончился, а Ип до сих пор ощущал эти флюиды, исходящие от чересчур любопытного ребенка из тех, что... скажи по буквам... могут... принести беду.

Надо торопиться. Он показал на телефон, потом на окно.

— Что? Что ты хочешь сказать, Ип?

Он опять показал на телефон и на окно, на бескрайние просторы неба.

— Звонить домой.

— Ты хочешь... позвонить домой?

Инопланетянин кивнул:

— Ип звонить домой.

— Нет, Эллиот, очень нехорошо, обращаясь к учителю, называть его фруктом.

— Не понимаю, почему он так разозлился. Я просто дурака валял.

— Что с тобой творится в последнее время?

— Ничего, мам. Это у меня такая фаза.

— Будь добр, не изображай из себя психиатра.

Мэри увидела диетический крекер и с хрустом вонзила зубы в безвкусный кружок. Был час завтрака, час, когда необходимость ограничивать себя доводила ее почти до безумия, и, поддайся она соблазну, она съела бы целый белый хлеб с маслом и малиновым джемом, лишь бы отвлечься от тревог— и безмянных, и тех, у которых есть имя, такое, например, как Эллиот.

— Мамочка, ты страшил видела?— спросила Герти.

— Много раз.

— У меня есть один друг, так он страшила,— сказала Герти, и Эллиот схватил ее куклу и повернул голову куклы задом наперед.

— Эллиот!— взвизгнула Герти.— Прости, я забыла...

— Эллиот, умоляю,— сказала Мэри.— Не будь садистом.

Шмыгая носом, Герти стала гладить свою бедную куклолку. Эллиот посмотрел на сестру испепеляющим взглядом. Мэри взяла кусок хлеба, намазала толстым слоем масла, а сверху нагромоздила несколько ложек джема. Чуть позже, когда она все уже проглотила, у нее появилось чувство, будто она непомерно растолстела, раздалась вширь, чувство было очень неприятное, и, чтобы подавить его, она съела второй кусок, такой же, как первый.

— Мам,— сказал Майкл,— ты опять решила съесть весь хлеб?

— Замолчи,— чуть слышно сказала Мэри и попыталась было есть еще, но Майкл взял со стола хлеб, Герти— джем, а Эллиот— масло.

Она посмотрела на них.

— Спасибо.

— Мать, которая съела все на свете,— сказал Майкл.

— Правильно, правильно.— пробормотала Мэри и судорожно метнулась к грязной посуде.— Не подпускайте меня к еде.

Так они и сделали. Отнесли все наверх и отдали Ипу.

«Скажи по буквам» была вскрыта, ее внутренности перемонтированы, на некоторых проволочках появились следы малинового джема. Вместо «механический», «зануда» и других земных слов «Скажи по буквам» говорила теперь «дуп-дупл», «скиггл» и «злокк»— во всяком случае, что-то вроде,— но больше такого, в чем человеческому уху не разобраться.

Майкл подсел к Ипу с одной стороны, Эллиот— с другой. Ип, нажимая на кнопки, стал показывать, как игрушка работает теперь.

— Это твой язык, Ип?

— Ип звонит домой.

Древний ботаник показал на окошко чулана.

— И они прилетят?

Он кивнул.

Но это только часть его передатчика, только та часть, которая должна говорить. Ее нужно поставить под звездами и сделать так, чтобы она работала непрерывно, день и ночь, и чтобы при этом никому не нужно было нажимать на кнопки. Чтобы устройство так работало, необходима движущая сила, нечто такое, что обеспечит непрерывное повторение.

Ип встал и повел мальчиков в комнату, к проигрывателю. Жестами, простыми фразами и нечленораздельным бурчанием он попытался объяснить им, чего хочет.

Он показал на диск проигрывателя и изобразил жестами, будто ставит пластинку.

Ребята смотрели, слушали и никак не могли понять. Раздосадованный, инопланетянин стал ходить взад-вперед по комнате, переваливаясь с боку на бок, потом, остановившись, повернулся резко, открыл рот и попытался пропеть:

— Эт-то толлль-ко-о-о р-оккк-н-роллл...

Хотя в некоторых частях Вселенной его голос сочли бы мелодичным, дети с трудом удерживались от смеха. Он сердито сверкнул на них глазами.

— Ип делать песня.

Они смотрели на него, по-прежнему не понимая.

— Песня, песня, Ип делать песня.

Он взял пластинку и замахал ею.

— Ты хочешь сделать свою собственную пластинку?

— Да, да.

— Из чего?

— Из... из...

Он не знал, из чего. Он смог только очертить рукой круг.

— Тебе нужен какой-то круг?

— Да, да.

— И ты хочешь на нем записать песню?

Майкл отстранил Эллиота:

— У нас нет своей студии звукозаписи. Чтобы сделать пластинку, нужно целое состояние.

Ип перевернул проигрыватель и извлек из него пучок проволочек.

— Ну,— сказал Майкл,— прощай, машина.

Ип протянул им проволочку:

— Еще.

— Еще проволочки?

Ип кивнул.

Майкл и Эллиот смотрели друг на друга и думали, как помочь своему гостю, а он ковылял по комнате на своих больших перепончатых ногах и думал о том, как решить наилучшим образом стоящую перед ним техническую проблему.

Сколько нужно всего разного, чтобы сделать собственную пластинку!

Образ искомого устройства снова и снова возникал в водовороте его сознания, и каждый раз в картине появлялась какая-то новая деталь. Ему нужен... пиджак... пиджак...

Он вернулся в чулан, стащил с вешалки пиджак и надел.

Оказалось, в общем, что пиджак сидит неплохо, особенно если учесть, что плечи у него очень узкие; и, конечно, трудновато застегнуть на животе пуговицу. Но что-то здесь не то...

Он повернулся, мучительно думая: что общего между пиджаком, который он надел, и радиопередатчиком?

Да нет же, вовсе не пиджак ему нужен!

Ему нужна вешалка для пиджака.

Он смотрел на нее, глаза его открывались и закрывались, а в голове словно вертелась с бешеной скоростью юла. В его воображении эта деревянная вешалка засветилась, начала слегка раскачиваться; ее форма гипнотизировала его. Он прикрепит ее к проигрывателю, а потом... скажи по буквам... звукосниматель.

Он схватил вешалку, направил на нее палец и прожег столько отверстий, сколько проволочек должны были соединять вешалку со «Скажи по буквам».

— Ого, Ип, да у тебя в пальце огонь!

Так и не сняв пиджак, он торопливо прошаркал в чулан к своей «Скажи по буквам». Палец его бесшумно расплавил припой на контактах пульта управления и стал припаивать к каждому контакту по проволочке.

— Еще... еще...

Услышав это, мальчики заглянули в чулан. Ип помахал вешалкой.

— Еще... еще...

Они принесли ему еще проволочки, жестянку из-под торта, зеркало и колпак от автомобильного колеса.

Проволоку он взял, от остального отказался. Из этих предметов изготовить пластинку нельзя. Ведь для пластинки нужно что-то твердое, плоское, круглое. Неужели они этого не понимают?

Он повернулся к своей герани.

«Они дети землян,— сказала она.— Они хорошие, но соображают медленно».

— Ладно, Ип, поищем что-нибудь другое.

— Да, поищем, у нас тут всякого хлама валяется сколько хочешь.

Дети ушли. Ни в коем случае не надо на них сердиться. Что нужно, так это припаять проволочки во всех местах «Скажи по буквам», где это необходимо, и протереть в отверстия, которые он выжиг в вешалке. В этих отверстиях будут двигаться контактные пальцы, маленькие, металлические, и нужно, чтобы они хорошо пружинили.

Где-то он видел такие... здесь, в доме. Где же именно?

Внезапно он ощутил волны мягкого света, исходящие от тонкого и гибкого существа, матери этой шумной маленькой компании. Он закрыл глаза и сосредоточился на ее образе.

Да, вот где он видел эти металлические пальцы— у нее в волосах! Как она их называет? Он запустил психический щуп в ее запоминающее устройство, поискал, нашел.

— Герти...

Маленькая помощница прибежала на его зов.

— Скажи по буквам «заколки».

— Зз, о, ка, о, эл...

— Это неправильно.

Он показал на свою блестящую, совсем лишенную волос голову.

— Тебе нужны заколки?

Он кивнул.

Герти взяла его за руку.

Вместе они выскользнули в коридор и прокрались бесшумно в спальню Мэри. Ип посмотрел в окно. Тонкое и гибкое существо опять работало на своем огороде, где росли теперь самые крупные в штате овощи. Вот оно приподняло огромную-преогромную

тыкву, и вокруг головы тонкого и гибкого существа появилась аура изумления и растерянности.

Пышно, совсем не по сезону цветущие растения в горшках на подоконнике потянули ветки в его сторону.

«Здравствуй, Старый Учитель! Что ты ищешь? Какую удивительную, невероятную важную научную проблему решаешь ты сейчас?»

— Заколки.

— Вот они,— сказала Герти, снимая верх с белой фаянсовой курочки.

Ип вынул из курочки заколки и тут увидел в зеркале на туалетном столике Мэри свое отражение. Если он наденет не только пиджак, но и брюки... не предвратит ли он этим потрясение, которое ожидает мать, когда та его увидит?

Брюки, конечно, придется укоротить, а на перепончатые ступни надеть бумажные пакеты. Зато...

— Пошли, Ип,— сказала Герти и потянула его за руку.

Потребовалось усилие, чтобы вытащить его в коридор. Герти отвела его в комнату Эллиота, и он снова водворился в чулане.

— Что ты хочешь сделать с маминими заколками?

Ип уселся на свои подушки и стал прикреплять заколки к вешалке. Теперь из нее торчат металлические контакты, пластинка будет вращаться, а контакты будут касаться ее поверхности. Он стал присоединять к заколкам проволочки, высывающиеся из «Скажи по буквам».

— Какая чудная штукавина! — сказала Герти. — Ты всегда делаешь такие чудные штукавины?

— Да.

— Зачем?

— Ип звонить домой.

— А где твой дом?

Он показал на небо. Герти уставилась в маленькое окошко.

— Это туда ты водишь меня во сне? Туда, далеко-далеко?

— Далеко.

— А дома тебя услышат?

Просто удивительно, сколько вопросов задают дети землян!

— Снимут трубку и спросят: «Это ты, Ип?»

— Скажи по буквам «зануда».

— Ээ, о, эи...

— Это неправильно.

— А знаешь, почему я не очень хорошо говорю слова по буквам? Потому что ты забрал мою игрушку себе и она теперь говорит только «глипл-дулл».

— «Глипл-дулл».

— И все равно, она не говорит теперь по буквам «зануда».

Герти отвернулась от страшили и начала играть со своей кухольной плитой, которую принесла в чулан. Сейчас она пекла оладьи по новому рецепту: замесила тесто из глины на мамином креме для лица. Ученый преклонных лет, напевая, как умел, то, что ему запомнилось из музыкальной программы «Сорок самых популярных», которую он слышал по приемнику Эллиота, ушел с головой в работу. Они были так поглощены каждый своим делом, что не услышали, как поднимается по лестнице Мэри, как она идет по коридору. Услышали только, когда она открыла дверь.

Прыжок — и Ип уже стоял в чулане за дверью в шеренге мягких игрушек, лупоглазых маппитов и космических роботов. Он замер, готовый к любой неожиданности, а его огромные инопланетные глаза, более совершенные, чем самые лучшие оптические устройства землян, стали такими же бессмысленными, как у лягушонка Кермита¹. Остекленевшие, они смотрели в никуда, а сам Ип казался таким же неживым, как игрушечный робот по правую его руку.

Мэри вошла. Взгляд ее скользнул по шеренге игрушек, встретился со взглядом инопланетянина и остановился на пышно цветущей герани.

— Это ты принесла ее сюда, Герти?

— Человек с луны любит цветы. Он говорит с ними, и они от этого хорошо растут.

Мэри провела рукой по сочным листьям и, удивленная, покачала головой.

— Все растения будто с ума посходили. Не понимаю, в чем дело.

— Попробуй оладьи,— предложила Герти.

— Ой, какие хорошие! — сказала Мэри, заглянув в кастрюльку.

Лучше некуда, если учесть, что сделаны они из глины. Чем это от них пахнет так приятно?

— Боже мой, Герти, да ведь ты взяла мой крем для лица!

— Банановый.

Мэри с тоской смотрела на жалкие остатки того, что, как гарантировала фирма, должно было вернуть ей молодость.

— Герти, милочка, я не стану на тебя сердиться. Я

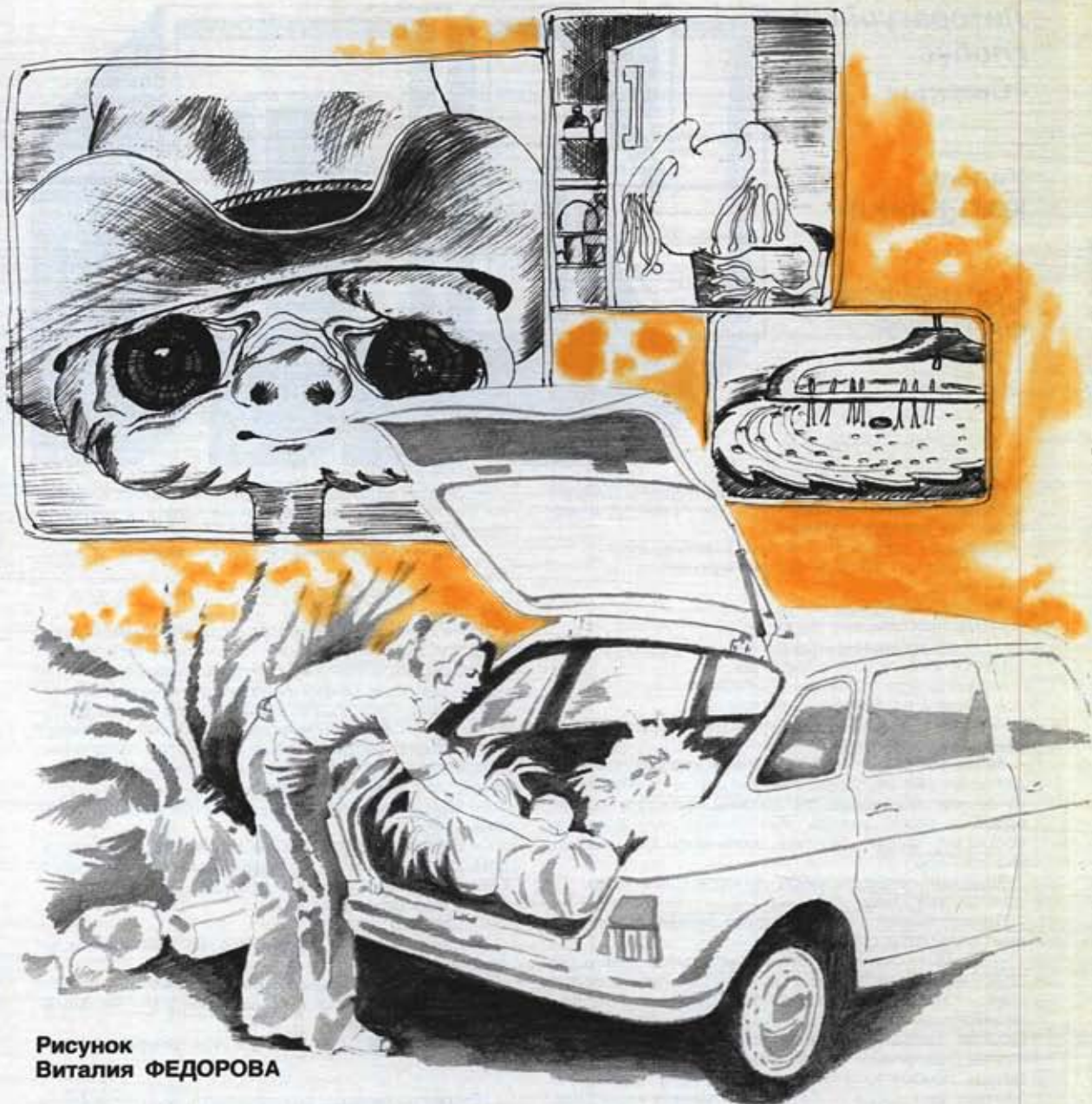

Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА

знаю, что ты это сделала не нарочно. Но за тобик этого крема мамочка платит двадцать пять долларов, и теперь мне придется накладывать его на лицо вместе с глиной, песком и мелкими камешками.

— Прости меня, мамочка.

— Я знаю, дорогая, ты и сама теперь жалеешь о том, что сделала. Потом я буду смеяться над этой историей. Но не сегодня.

Взгляд ее снова скользнул по оцепеневшему Ипу, стоявшему в одной шеренге с игрушками, но не задержался ни на миг — так расстроена была она тем, что осталась без крема. Она отвернулась и ушла, а Ип снова сел на пол у передатчика и припаял пальцем еще несколько проволочек.

— Ты плохо себя чувствуешь, Ип? — спросила Герти.

Она посмотрела в его глаза, но увидела там не танцующий водопад, а пустыню, и пустыню эту во всех направлениях разрезали уходящие в бесконечную даль расщелины — такого безрадостного места Герти не видела никогда.

Ип моргнул, и пустыня исчезла. После этого он взял «Скажи по буквам» и снова стал нажимать кнопки.

...глипл дулл звук-звук снафн олг мнннннип...

Эти созвучия, рожденные разумом более высоким, чем земной, его умиротворили. Вот это язык так язык! Он позволяет выразить все, что у тебя на душе. Скоро мальчики вернутся домой из скобяной лавки, которую сейчас обкрадывают, и тогда он сможет обратиться на этом языке к ночи, говорить с ней снова и снова.

Когда он покинет Землю, у него останется чувство удовлетворения от того, что он учил юных землян и направил их разум к более высоким целям.

Если он покинет Землю.

Когда он смотрел на свой передатчик, сделанный из вешалки и заколок, у него — что греха таить — появлялись сомнения. Однако внутренний голос подтверждал, что он на правильном пути. Оставалось только верить этому голосу и следовать его советам.

Но если они не принесут циркулярную пилу...

Вошли Майкл и Эллот. Распахнули куртки и достали пилу, о которой он просил, а также пригоршни болтов и других деталей.

— Получай, Ип. Тебе нужно это?

Его пальцы лихорадочно ощупывали поверхность пилы. Он положил пилу на диск проигрывателя и крутанул ее пальцем. Зубчатое лезвие закружилось, поблескивая в солнечном свете, проникавшем из окошка чулана.

— Но как можно сделать пластинку из пилы?

— Скажи по буквам «краска». — И Ип показал жестами, что поверхность пилы нужно покрасить.

— Все равно какой краской?

Он показал на небо.

— Голубой?

Он кивнул.

— Приходила мама, — сказала Герти. — Ипа даже не заметила.

— Да? Значит, маскировка сработала?

Эллот показал на бессмысленно глядящие игрушки, поставленные в шеренгу.

— Уходить, — сказал Ип.

И он выпроводил их из чулана. Есть предел унижению, которое маститый ботаник может выдерживать в течение дня.

Мэри поглядела на себя в зеркало над туалетным столиком и полезла в фаянсовую курочку за заколками.

Пальцы не нащупали внутри ничего. Где же?.. Понятно, где. У Герти.

— Герти!

Та прибежала.

— Что, мамочка?

— Верни мне заколки.

— Не могу, они нужны страшиле.

— Да? И зачем же?

— Для его машины.

Для его машины... Мэри задумалась. Стоит ли тратить силы, продираться по бесконечной анфиладе детских фантазий ради того, чтобы вернуть заколки? Не стоит. Пусть волосы свободно падают на лицо, это сейчас модно — такой вид, будто ты на грани нервного срыва.

— Спасибо, Герти, пока все.

— Я скажу страшиле, что ты передавала ему привет.

— Да, передай самые лучшие пожелания.

¹ Один из персонажей популярной в США серии мультфильмов. — Прим. перев.

А страшила у себя в чулане трудился не покладая рук. Пила была покрашена и уже высохла, и теперь преклонного возраста ученый начал выжигать в краске, покрывшей пилу, маленькие кружочки, располагая их в каком-то понятном только ему порядке.

— Ага, — сказал Эллиот, — я теперь понимаю. Будет вроде музыкального ящика.

Из-за плеча Эллиота Майкл смотрел, как кружочки складываются в какой-то узор.

— Как в пианоле, — сказал он.

Палец Ипа выжигал в краске кружочек за кружочком, и теперь пластинка напоминала перфокарту. Когда наконец изготовление программы было завершено, Ип положил пилу на диск проигрывателя, крутанул ее пальцем и опустил звукосниматель — вешалку для пиджака; торчавшие из нее в ряд заколки заскользили, щелкая, по вращающейся пиле, то попадая в кружочки, то из них выскакивая — так, как того требовала записанная в рисунке кружочков программа.

— Ну и молодец же ты, Ип!..

Когда пила начала вращаться, заколки привели в действие связанный с ними проволоками пульт «Скажи по буквам», и зазвучали, повторяясь снова и снова, слова на языке дальних звезд:

— ...глилл дулл звук-звук снаффн олг ммнннн ип...

— Ты и вправду сумел ее сделать, Ип. Сделать свою собственную пластинку.

Вошла Герти, в руках у нее был портативный приемопередатчик, еще недавно принадлежавший Эллиоту. Сейчас она разговаривала со своими куклами — они были далеко, в ее комнате.

— Перехожу на прием, куклолка, это я, Герти...

Длинная рука Ипа вытянулась, взяла у нее радио, и дети оглянуться не успели, как Ип отделил микрофон и вмонтировал в «Скажи по буквам».

— Ип, ты ломаешь все мои игрушки! — завизжала Герти так пронзительно, что голос ее разнесся по всему дому.

Безжалостно выворачивая руки ее кукле, братья стали терпеливо объяснять Герти, что быть жадной нехорошо.

— Ну, ладно, — сказала она, шмыгая носом, — только пусть он больше ничего не ломает.

Обремененный годами ученый заверил ее, что ни одна из ее игрушек больше не будет сломана. Теперь ему нужен только коаксиальный кабель от телевизора ее матери. А также высокочастотный блок — для него тоже пришло время.

И все вместе крадучись они двинулись по коридору.

Вечером Мэри вошла к себе в спальню, включила телевизор, сбросила туфли и забралась в постель; пересиливая усталость, развернула газету, начала читать. И скоро заметила, что телевизор не работает.

— Майкл!

Дом ответил молчанием.

— Эллиот!..

Наверняка это дело рук ее сыновей. Но перед ее внутренним взором почему-то предстала Герти.

— Герти? — тихо спросила у ночи Мэри.

Неужели это работа Герти?

Она закрыла глаза и тут же удивленно наморщила лоб: непонятно почему, но ей представилось, что в ее спальню Герти входит на цыпочках вместе с большим Малпитом.

Да, она явно переутомилась; и, вздохнув и вытянувшись, она накрыла лицо газетой.

Послав недолго и бесплодно, она проснулась и почувствовала, что ей хочется есть. Не самое ли подходящее время сжевать целый мягкий хлеб, намазывая его земляничным джемом?

Тихо соскользнув с кровати, она вышла на цыпочках в коридор. Не нужно, чтобы дети ее видели, нельзя подавать им дурной пример — что это за мать, которая не может сладить со своим аппетитом, которой не дают покоя мысли о джеме?

Она остановилась, прислушалась к голосам Майкла и Эллиота, доносящимся из комнаты для игр. Вот и хорошо, они не увидят, как мерзко она себя ведет, но, самое главное, не смогут остановить ее.

Ее голодный желудок тоскует по булочкам с желе. По крему. По рисовому пудингу. И еще хорошо бы съесть бананового мороженого.

Она спустилась на цыпочках по лестнице и замедлила шаг: нельзя, чтобы ее увидели.

В столовой никого не было. Там царил тьма.

Все так же тихо Мэри пошла на кухню. Обогнув угол, она увидела, что в кухне горит свет, и через секунду обнаружила, что за столом сидит Герти, а на столе перед ней печенье и молоко. Не увидела Мэри только Ипа на табуретке около холодильника. Бедный домовый из космоса съезжился: прятаться было поздно.

Но Мэри уже показывала Герти на две тарелки на столе.

— Для кого вторая тарелка? — спросила она, не отрывая жадного взгляда от печенья. — Для твоей куклы?

— Для человека из космоса, — ответила Герти. — Он любит печенье.

— Он не обидится, если я съем одно?

— Ой, конечно, нет! — воскликнула Герти. — Он тебя любит.

— Какой он милый, этот человек из космоса! — сказала Мэри и запустила руку в печенье. — Еще я должна обязательно поесть желе.

Она стремительно повернулась к холодильнику, распахнула дверцу. Дверца, открывшись до отказа, сбросила Ипа с табуретки в корзину для мусора. Голова его оказалась внизу, а ноги торчали из корзины, но Мэри его не заметила.

— ...яблочное масло... джем... конфитюр... а этих замороженных пирожков с черникой я, пожалуй, съем четыре...

— Мамочка, — сказала Герти, — у тебя опять приступ?

— Да, дорогая... Помадка... один эклер...

Внезапно ее обхватили сзади сильные руки.

— Остановись, мам.

— Эллиот... Майкл... пустите меня...

— Мам, очень тебя прошу. — Майкл повернул ее так, чтобы холодильник исчез из поля ее зрения. — Ты говорила нам, чтобы мы не давали тебе этого делать.

— Забудьте, что я вам говорила.

Она попыталась вырваться и схватить с тарелки на столе печенье.

— Пошли, мам, — сказал Эллиот, загораживая собой Ипа, чьи ноги по-прежнему торчали из корзины для мусора. — Пойдем поиграем в «Монополию».

Мэри посмотрела Эллиоту в глаза: он явно встревожен, нервничает, не находит себе места — думает только о том, как отвлечь ее внимание от холодильника.

— Ты хороший сын, Эллиот.

— Ты же просила нас напоминать тебе, — сказал Эллиот, — что если ты будешь есть сладкое, то в купальном костюме будешь похожа на сардельку.

Взяв мать под руки, мальчики потащили ее из кухни, подальше от космического путешественника, и вывели в коридор; Мэри упиралась, но шла.

— Вы хорошие дети... строгие, но хорошие...

Они довели ее до лестницы, наверх она пошла одна.

— Не оглядывайся, мам. Ты ведь знаешь, что с тобой случится, если ты будешь оглядываться.

— Знаю: мне придется пойти в магазин одежды для полных женщин, — кратко сказала Мэри.

На другой день шел дождь. Мэри стала искать зонтик. Но разве могла она его найти внизу, когда он, превратившись в параболический отражатель, уже находился в чулане на втором этаже?

— Вот это да, — сказал Эллиот, когда увидел его, — вот это я понимаю!

Зонт был выслан внутри фольгой. К ручке была прикреплена жестянка из-под кофе, внутри ее помещался высокочастотный блок из телевизора Мэри, а к блоку был подсоединен через коаксиальный кабель микрофон от портативного приемопередатчика: микрофон стал частью «Скажи по буквам», и глилл дулл звук-звук умножалось теперь до микроволновой частоты.

Преклонных лет радиооператор объяснил им, что ему нужен предмет, который он высмотрел под приборной доской машины Мэри.

— То есть тебе нужна та штука в машине, которая обманывает полицейский радар?

Не дожидаясь ответа Ипа, Майкл с сомнением покачал головой, и Эллиот договорил:

— Это единственная палина вещь, которую мама себе оставила. Мама очень ей дорожит.

Старый путешественник начал что-то чертить, и мальчики поняли: если не закрепить в жестянке из-под кофе антиполицейское устройство, нельзя добиться, чтобы микроволновая частота излучалась в пространство.

Вечером того же дня, когда Мэри мчалась на машине домой, ее система предупреждения не работала в сфере действия полицейского радара, и Мэри оштрафовали на двадцать пять долларов.

Зато передатчик был теперь почти готов.

— Все это прекрасно, — сказал Майкл, — но откуда возьмется энергия? Что будет крутить вот эту штуку? — И он пальцем крутанул циркулярную пилу на диске проигрывателя. — Если мы отнесем ее туда, на холмы, — он показал в окно, — то ведь там никакого электричества нет.

Ип только что кончил ужинать. Он начал водить по столу ножу пальцем, которым мог плавить и паять, выделит из ножа углерод, лишив таким образом лезвие твердости и упругости, а потом согнул нож и вместе с вилкой прикрепил его к вешалке так, что получилось подобие храповика: нож и вилка, цепляясь за зубцы пилы, медленно ее поворачивали.

— Все это хорошо, — сказал Майкл, — но мы не можем стоять там всю ночь и крутить эту штуковину.

А Ип улыбался. Теперь он понимал все, из глубины сознания всплыли вдруг те первые образы вилки и ножа, танцующих вокруг тарелки. Всплыло то самое устройство, которое он сейчас перед собой видел; это

оно будет работать там, на холмах, и для того, чтобы привести его в движение, не понадобятся ничьи руки.

— Так кто же это?

— Мой новый персонаж.

— Что он такое?

— Колдун, первая категория. Вот его данные.

— Читай.

— Мудрость — двадцать очков, обаяние — тоже двадцать, интеллект — восемнадцать, сила — четырнадцать.

— Имя?

— Ип.

Иноплетянину было слышно, как в кухне внизу играют в «Подземелья и драконы», но еще интереснее было ему слушать то, что происходило в доме каждый вечер. А чтобы это услышать, ему нужно было только приложить ухо к двери в комнату Герти. Он и сейчас пригнулся и стал снова слушать историю Земли. Мэри негромко рассказывала:

— ...«Питер говорит: «Краснокожие потерпели поражение? Венди и мальчишек захватили пираты? Я спасу ее! Я спасу ее!» Тинк издает предостерегающий возглас: «О, это мое лекарство? Оно отравлено? Кто же мог его отравить? Я обещала Венди принести его и приму, как только нату-чу свой кинжал». Когда рука Питера уже протынула ее микстурой, Тинк благодарно выпивает ее залпом...»

— Ой! — сказала Герти.

— Ой, — прошептал старый космический путешественник.

— ...«Тинк, ты выпила мое лекарство! Оно было отравлено, и ты выпила его, чтобы спасти мне жизнь! Тинк, милая Тинк, ты умираешь? Ее свет меркнет, и если он погаснет, это будет значить, что она умерла! Ее голос звучит очень тихо, и я едва разбираю, что она говорит...»

Голова у старого путешественника поникла: как ужасно!

— ...«она говорит, что, ей кажется, она может выздороветь, если дети поверят в феи! Ты веришь в феи? Скажи быстро, веришь или нет?»

— Верю, — сказала Герти.

— Верю, — сказал космический скиталец, — и в уголках его глаз выступили слезы.

Тут появился Эллиот, он порезал палец на терке для сыра и в поисках бинта поднялся на второй этаж. Древний врачеватель растений повернулся, увидел порез и направил на него длинный палец. Кончик пальца засветился ослепительным розовым светом. Эллиот попятился испуганно: ведь этим пальцем Ип, если захочет, может прожечь насквозь сталь! Но палец Ипа по-прежнему светился лишь розовым светом, и он провел им по порезу Эллиота. Кровь мгновенно перестала идти, а порез исчез, словно его и не было.

Ошеломленный, Эллиот смотрел на свой палец. Он открыл рот, чтобы поблагодарить Ипа, но врач из космоса жестом призвал его к молчанию и снова приложил ухо к двери.

— «Если верите в феи, хлопните в ладоши»²...

Ип соединил свои огромные ладони в тихом хлопке. Ипа уже ночь, и он стоял у окошка в своем чулане и смотрел в небо. Луна наполняла его чувствами, которых не выразишь словами, и мягкий свет Млечного Пути шепотом звезд проникал в его сердце. Его разверстые бессчетными веками жизни глаза были открыты всем сияниям, и грубым, и тонким; во вращениях огромного звездного колеса он слышал музыку стремительно летящих светил, и через бездны космоса, сквозь мрак, до него доносилась торжественная речь этих гигантов.

Разум и сердце его потонули в волнах печали, и он прижался лбом к подоконнику. Когда-то и он был причастен к делам Великого Колеса, собственными глазами созерцал чудеса Вселенной, видел даже рождение звезд. А сейчас он в чулане, и рядом с ним украденный зонтик и Малпит.

Он повернулся к Малпиту, но тот, занятый своими мыслями, смотрел стеклянными глазами в ночь.

Тело старого ученого тосковало по космосу. Все его поры молили о звездном свете, таком, какой он там, где звезды с тобою рядом, где от красоты Ориона захватывает дух и глаз не отвести от туманности внутри этого созвездия, переливающейся радужными оттенками. Или в Плеядах, где голубое сияние молодой звезды светит тебе будто прямо в сердце. Или в туманности Вуали, которая уплывает и уплывает вдаль, шепча свою величественную тайну тем, кто вместе с ней плывет в океане космоса.

Терзаемый этими и другими воспоминаниями, он отвернулся от окна к двери чулана и медленно ее открыл.

Крадучись, он прошел мимо спящего Эллиота и выскользнул в коридор. Так же тихо он пошел дальше, а по стене двигалась его безобразная тень — тыква на двух ногах, шагающий арбуз, страшилище на чужой планете. Он смотрел на себя теперь

² Из «Питера Пэна и Венди» Джеймса М. Барри. — Прим. перев.

глазами землянина, земные представления о красоте стали его собственными, и он воспринимал себя теперь как нечто нелепое, оскорбляющее глаз и разум, немисливо уродливое.

Он приоткрыл тихонько дверь в комнату Герти и постоял несколько мгновений, глядя на спящего ребенка. Да, ей он кажется красивым, но ведь для нее и лягушонок Кермит — красавец.

В конце коридора его ждал Харви.

Харви смотрел, высунув язык, как к нему ковыляет это странное существо, смахивающее на пакет с едой специально для собак.

Инопланетянин погладил Харви по голове. Позвончик пса пронизали сигналы — «пиип, пиип», — и хвост у собаки поднялся вверх и завернулся крючком. Харви оглянулся, посмотрел на хвост, потом снова посмотрел на инопланетянина.

Они вместе начали обычный обход дома — оба совершали его каждую ночь после того, как остальные засыпали; сейчас Харви спускался бесшумно рядом с чужаком вниз по лестнице, они направлялись к комнатам нижнего этажа. Вот чужак остановился у ниши, где стоит телефон, и поднял трубку. Послушал гудок, потом поднес трубку к уху Харви. Прислушался и Харви. Он вспомнил: Эллиот что-то делал пальцем на этой штуковине, а потом говорил в нее, и вскоре привозили пиццу.

Харви вдавил нос в одно из отверстий диска, повернул диск один раз и стал ждать: вдруг появится сэндвич с мясом. Ип повернул диск еще несколько раз, и они с псом послушали, как сонный голос спрашивает:

— Алло?.. Алло?..

«Один мясной сэндвич, — беззвучно пролаял Харви, — и сахарную косточку».

Страшилище положило трубку на место, и они проследовали дальше, в гостиную.

На телевизоре стояла цветная фотография Мэри. Чужак взял ее и показал псу.

Харви посмотрел на фотографию в рамке, поднял лапу и толкнул ею звездного путешественника раза два, чтобы тот поставил фотографию на место. Но Ип сунул ее под мышку и двинулся дальше.

Ну вот, теперь подумают, что он, Харви, фотографию съел.

И зачем только он изгрыз поролоновый коврик в ванной, половую щетку, шляпку Мэри и пару вкусных кожаных перчаток! Теперь, если что-нибудь происходит с вещами, сразу обвиняют его.

Чужак между тем слонялся по гостиной. На столе стояла ваза с цветами. Он погладил их ласково и пробормотал что-то на своем языке.

На всякий случай Харви понюхал воздух. В одном из своих собачьих сновидений он видел куст, на котором росли булочки с котлетами, и с тех пор он повсюду этот куст ищет.

Страшилище вынуло из букета розу, и Харви сунул было в нее нос, но оказалось, что цветок обыкновенный, а не с куста, на котором растут булочки с котлетами.

Искусно продавая стебель розы в отверстия узорной рамки, Ип закрепил цветок поверх фотографии, так что роза и Мэри были теперь вместе — два самых прекрасных создания на Земле.

После этого они направились в кухню.

Хвост у Харви ритмично задвигался, и Харви облизнулся, ибо комната эта была средоточием всех благ, о которых только может мечтать собака.

— Хо-лодд-илль-ник, — проговорил чужак.

Харви кивнул утвердительно и чуть слышно заскулил. Уже сколько лет пытается он ухватить лапой ручку этого белого ящика, но не получается: эволюция не снабдила его большим пальцем.

Инопланетянин открыл белый ящик, достал молоко и шоколадный торт. Харви жалобно взвизгнул, пустил слюну, завилал хвостом усерднее прежнего, и страшилище одарило его оставшейся от обеда свиной отбивной.

Зубы Харви впились в нежное мясо, и теперь из пасти у него вырывалось негромкое радостное рычание. Оторвавшись от мяса, он раболопно посмотрел на инопланетянина.

«Ты мой хозяин».

«Дай мне знать, если вдруг с тобой случится беда».

Когда наступил вечер, на улицах, кроме фургона с пиццами, появился другой автофургон, но в нем не стояли один на другом ящики, аппетитно пахнущие томатом и сыром. Этот фургон был доверху набит аппаратурой для подслушивания, чувствительность которой произвела бы впечатление даже на гостей из Галактики. У оператора, перед которым светилась панель управления, на поясе позвякивала связка ключей. В фургон вливали голоса людей, живущих на уже знакомой нам улице:

— ...Мамочка, когда делаешь печенье, отмерять муку и молоко нужно одинаковой чашкой?..

И:

— ...Будь добр убраться из моей жизни... И:

— ...Если хочешь прийти, Джек, знай, что я буду вечером сидеть с соседскими детьми...

Фургон медленно ехал вдоль тротуара, вслушиваясь в каждый голос, в каждый разговор, пытаясь решить головоломку, части которой были разбросаны по всему пригороду.

— ...Питер говорит: «Краснокожие разбиты! Венди и мальчики взяли в плен...»

И:

— ...Он доделал свой передатчик, Майкл. Можно устанавливать...

Человек с ключами махнул помощнику рукой, и фургон остановился.

— ...А знаешь, Эллиот, вид у него сейчас хуже, чем раньше.

— Брось, Майкл. Мы себя чувствуем великолепно!

— Что означает это «мы»? Ты теперь все время так говоришь.

— Из-за телепатии. У меня чувство, будто я — это он...

Для обычного подслушивателя разговор этот интереса бы не представил — какие-то детские фантазии; но для подслушивателя, о котором идет речь, это был все равно что радиосигнал с Марса. Человек с ключами тут же развернул план улицы и обвел дом Мэри кружком. И когда из-за угла появился фургон с пиццами, первого фургона на этом месте уже не было.

Эллиот, как мог, объяснил Ипу, что за праздник Хэллоуин, и добавил, что это единственный случай для инопланетянина пройтись на виду у всех:

— ...потому что у всех будет странный вид. Ой, Ип, прости, я не хотел сказать, что у тебя он странный: просто необычный.

— Скажи по буквам «другой», — произнес Ип.

Эллиот накрыл голову старого путешественника простыней и обул его перепончатые ступни в огромные опущенные мехом домашние шлепанцы. Завершающим штрихом стала ковбойская шляпа.

— Выглядишь неплохо, — сказал Эллиот. — Можно вести тебя куда угодно.

Сам Эллиот, чтобы Ип с ним рядом особенно не выделялся, надел на себя костюм страшного горбуна.

— А где Герти? — спросила Мэри Майкла.

— Она наверху, одевается вместе с Эллиотом. Но Герти вовсе не одевалась вместе с Эллиотом. Она, стараясь не шуметь, сейчас вылезла из окна.

Эллиот повернулся к Ипу.

— Помалкивай в своей простыне и шаркай, и мама никогда не заметит разницы. Договорились? Понял, что ты Герти?

— Герти, — сказал инопланетный ученый, завернувшись в простыню и, шаркая, начал спускаться вместе с Эллиотом вниз по лестнице.

Мэри ждала Эллиота и Герти внизу. Маскарадная лихорадка охватила и ее, и она тоже надела на себя костюм — пятнистое, как шкура леопарда, платье и полумаску, а в руке у нее был жезл, чтобы стучать слишком разыгравшихся ряженых по голове.

— Ну, мам, ты великолепна!

— Спасибо, Эллиот, очень мило с твоей стороны. Но восхищение она вызывала не только у Эллиота. Страшилище, закутанное в простыню и выдаваемое сейчас за Герти, смотрело на Мэри как замороженное, ибо она казалась ему небожительницей, существом с звезд, и сейчас была прекрасна как никогда.

— Герти, — сказала Мэри, подойдя к нему вплотную, — твой костюм потрясающий. Как ты сделала себе такой огромный живот?

И она похлопала по округлости, напоминающей большую тыкву.

— Мы ей подушки подложили, — сказал, нервничая, Эллиот.

— Очень натурально получилось, ничего не скажешь, — похвалила Мэри. — Но ковбойскую шляпу нужно надеть по-другому, более залихватски.

Она протянула руки к похвойной на черепашью голове инопланетянина. Из ее пальцев, когда они касались, текла ласкающая, исполненная доброты энергия. Свет-его-сердца вспыхнул, и он его прикрыл поспешно рукой.

— Ну вот, — сказала Мэри, — теперь совсем другое дело.

Она отступила назад и повернулась к Эллиоту. — Следи за ней, и не ешьте ничего без обертки, не разговаривайте с незнакомыми...

Появился Майкл. Мэри поцеловала детей.

— Ну ладно, — сказала она, — идите развлекайтесь...

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ростислав РЫБКИН.

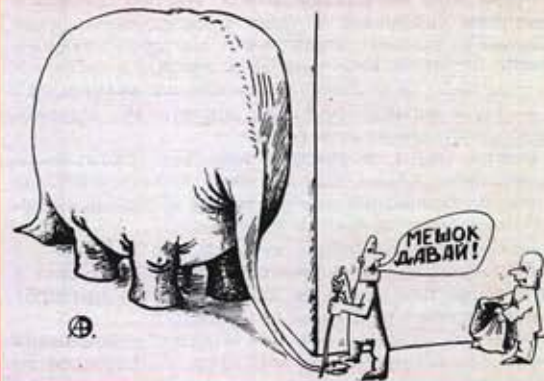
Конкурс юмористических рисунков

Дорогие друзья!

Конкурс «Юмор-85» продолжается.

Участвовать может любой возраст и профессия тут не помеха. Рисунки надо выполнять черной тушью, желательно на белой плотной бумаге. Примерный размер — 15 × 20 см. Чем оригинальней, остроумней рисунок, тем больше шансов у автора получить проходной балл на журнальные страницы.

На конвертах делайте пометку: «Юмор-85». Итак, удачи!

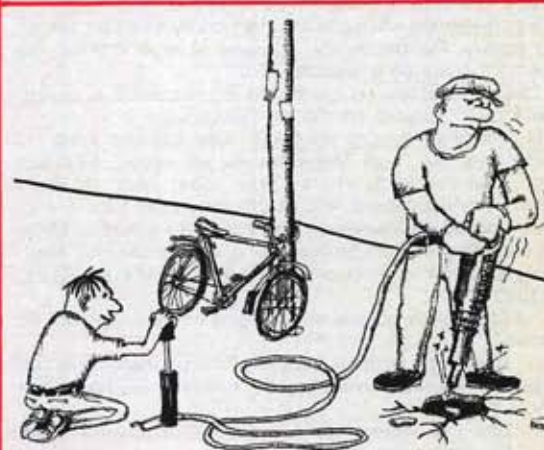

Рисунки А. ОБУХОВА,
Москва

Л. БУХАЧЕВОЙ,
Балтийск

Н. КАПУСТЫ,
Донецк

Э. УРЮМЦЕВА,
Тюменская обл.,
п. Харп

27-Я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ТРИ ЭТЮДА

Близится финиш нашего заочно-го соревнования. Многие его участники уже выполнили нормативы четвертого и третьего разрядов по шахматам. Для тех, кто поставил перед собой цель достичь второго спортивного разряда или завоевать приз нашей шахматной олимпиады, очень важно хорошо выступить в последних четырех турах. Задания этих туров будут немного сложнее предыдущих, кроме того, они не будут сопровождаться пояснительными примерами.

Сегодня участникам олимпиады предлагается решить три этюда. Ввиду того, что анализ решения этюда может занять много места, просим ответы на каждое задание присылать на отдельной открытке.

Одиннадцатый тур

I

Белые: Кра3, Ке2, п.д5 (3)
Черные: Кре8, Лс5, Кг3 (3)
Белые начинают и делают ничью (2 балла).

Белые: Крс5, Сд5, п.с6 (3)
Черные: Кра7, Ла4 (2)
Белые начинают и выигрывают (2 балла).

Белые: Кре1, Кх3, пп.е7, г7 (4)
Черные: Крh5, Лb8 (2)
Белые начинают и выигрывают (3 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «27-я шахматная олимпиада. II-й тур». Решения всех заданий необходимо привести полностью, главный вариант решения подчеркнуть. Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 1 сентября.

3-Я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией заслуженного тренера БССР Виктора КРАМАРЕНКО

СЕКРЕТЫ ШАШЕЧНЫХ ПОБЕД

«Уважаемая редакция! Слышал, что известный русский шахист и шахматист А. Петров издал в 1827 году первую русскую книгу о шашках «Руководство к основательному познанию шашечной игры, или Искусство обыгрывать всех в простые шашки». В этой книге есть правила и примечания. Не могли бы вы их опубликовать, так как книги нигде нет. С уважением — Н. Тимофеев, токарь, Петрозаводск».

И в наши дни выводы А. Петрова поучительны. Приведем некоторые из них, сохранив орфографию того времени.

1. Всякий ход должен иметь причину и цель.

2. Надобно стараться делать такие ходы, которые бы имели двойную цель. Сим средством легко можно выиграть, ибо противный игрок не всегда найдет возможность помешать достижению обеих целей.

3. Прежде нежели игрок ступит шашкой, должен исследовать обоюдное положение шашек, обдумать и вычислить все выгоды сего хода, равно и невыгоды, какие могут произойти от того.

4. ...Имея более шашек, надобно меняться; также надлежит меняться, если есть хотя малейшая выгода; впрочем, теми шашками,

которые положением своим стесняют ходы противных, меняться не должно. Например, если одна шашка препятствует ходам двух противных, должно стараться, дабы через ее потерю не дать возможности противной стороне освободить запертые шашки.

5. Главнейшее правило. Вся игра состоит в том, чтобы уметь расположить шашки свои таким образом, чтобы они препятствовали выгодным ходам противных и чрез то запырили бы и стесняли его игру так, чтобы он без потери не мог ступить никакой шашкой.

6. Никогда не должно слишком надеяться на выгодное свое положение и среди самых успехов надлежит принимать меры осторожности против нечаянных ходов; а особливо в конце игры ходы должны быть самые решительные и верные; надлежит все принимать в соображение и изыскивать все средства, которыми можно выиграть, или сделать игру ничью, когда игрок сильнее. Видя же неминуемый проигрыш, надобно стараться, чтобы шашки не остались запертыми.

7. В худом положении надобно жертвовать шашками, лишь бы исправить свою игру; ибо лучше быть с меньшим числом шашек в выгодном, нежели с большим числом в худом положении.

8. Не должно упускать случая сделать хороший ход. Первоначальные ходы имеют большое влияние на последствие, а потому надлежит соображать их с игрой противника.

9. Успех игры между хорошими игроками зависит от первого хода, дурно соображенного, лучше сказать, от первой ошибки; ибо хороший игрок тотчас воспользуется оною и обратит выгоду на свою сторону. Потеря шашки обыкновенно решает игру. Впрочем, как бы ни была худая игра, не надобно бросать оной, не исследовав прежде, нет ли возможности поправиться; ибо нередко случается, что и самая проигрышная игра выигрывается или делается ничьею.

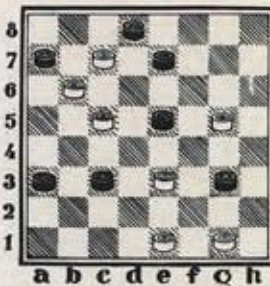
10. Хороший игрок действует, не надеясь на ошибки противника, но по расчетам самым вернейшим.

11. Соображая о последующих ходах противника, надобно всегда предполагать, что он сделает самые лучшие, какие только имеет, и отнюдь не надеяться на его ошибки и тем рисковать игрою.

12. Чтобы скорее научиться играть и достигнуть возможного совершенства, надобно чаще играть с хорошими игроками и внимательно исследовать все способы сей игры, коими можно выиграть.

Одиннадцатый тур

1. А. Катюха, Винница. Публикуется впервые.

2. Л. Витошкин, Гомель. Публикуется впервые.

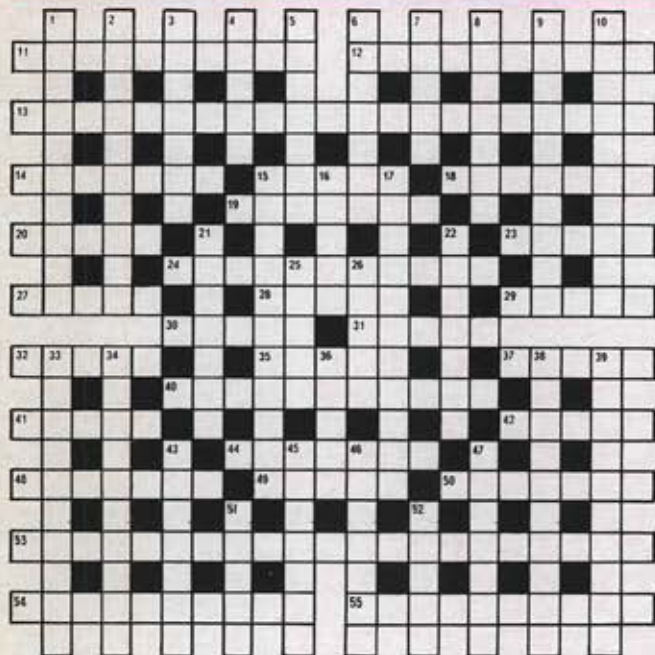

В обеих позициях белые начинают. Читателям предлагается сделать анализ: выигрыш, ничья или проигрыш белых (по 5 баллов).

Ответы на задания одиннадцатого тура присылайте с пометкой: «3-я шашечная олимпиада. 11-й тур». Время для размышлений до 1 сентября (по почтовому штемпелю).

К Р О С С В О Р Д

Составил В. БЕЛЯВСКИЙ, Алушта

По горизонтали:

11. Один из семи холмов, на которых стоит Московский Кремль. 12. Раздел анатомии, изучающий скелет. 13. Основное качество фотоматериалов. 14. Лесная ягода. 15. Женская шапочка с завязками. 16. Часть рыцарского шлема. 17. Житель областного центра в Узбекистане. 20. Левый приток Лены. 23. Певца Московского театра оперетты. 24. Итальянский прототип русского Петрушки. 27. Духовой музыкальный инструмент. 28. Рабочая лошадь. 29. Взрывчатое вещество в снаряде, патроне. 30. Венник без листьев. 31. Часть дерева. 32. Другое название кандалов. 35. Работа в типографии. 37. Островное государство в Тихом океане. 40. Сельский специалист, управляющий машинами. 41. Сражение. 42. Европейский струнный музыкальный инструмент. 44. Современный болгарский писатель. 48. Русская общественная деятельница, дочь видного архитектора. 49. Южноамериканский хищник. 50. Провинция в Испании. 53. Метод врачебной диагностики. 54. Растирание тела с лечебной целью. 55. Молочный продукт.

По вертикали:

1. Женщина, героически проявившая себя на общественном поприще. 2. Столица государства в Южной Америке. 3. Кочевой народ, живший в южнорусских степях. 4. Японский физик, участник выступления ученых против ядерной угрозы. 5. Советский скрипач. 6. Небольшой военный корабль. 7. Озеро в Канаде. 8. Персонаж романа Э. Ремарка «Три товарища». 9. Вензель из инициалов. 10. Учение о рациональном питании. 15. Самый напряженный момент в действии романа, пьесы. 16. Один из основных центров альпинизма в СССР. 17. Теплообменник. 21. Прибор для определения звуковой активности среды. 22. Известный советский хоккеист. 25. Инструмент художника по металлу. 26. Месяц французского республиканского календаря. 33. Римский оратор и теоретик риторики. 34. Профессия героя в романе Г. Уэллса «Остров доктора Моро». 36. Горный хребет на границе Таиланда и Бирмы. 38. Практическое занятие на уроке географии. 39. Персонаж комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». 43. Чашский композитор и дирижер. 45. Мыс на юге индонезийского острова Сумба. 46. Кормовая трава. 47. Предвидение, предсказание. 51. Способ плавления. 52. Южный плод.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ПУБЛИКОВАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

1. Чечевица. 5. Эрудиция. 12. Положение. 13. Упрямство. 14. Жабрей. 15. Замша. 16. Краузе. 19. Инта. 20. Ломоносов. 24. Глюк. 26. Таракан. 28. Семафор. 29. Морден. 30. Филолог. 31. Мегафон. 33. Пикфорд. 36. Балобан. 40. Эрзя. 41. Сидеролит. 42. Нгве. 45. Отклик. 46. Львов. 47. Шиллер. 50. Акватория. 51. Деликатес. 52. Точность. 53. Контроль.

По вертикали:

1. Чапыжник. 2. Челобитье. 3. Выжлец. 4. Цена. 6. Парз. 7. Демарш. 8. Цитруллин. 9. Ярошенко. 10. Секатор. 11. Футшток. 17. Фотобобия. 18. Моногиния. 21. Маринад. 22. Наговор. 23. Самопал. 25. Халат. 27. Юдифь. 32. Ермакович. 34. «Риголетто». 35. Аэронавт. 37. Лесьян. 38. Борозда. 39. Щедрость. 43. Бистро. 44. Цинкит. 48. Грот. 49. Клио.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 20.05.85. Подписано к печати 31.05.85. А 004438. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1617. Заказ № 825. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Эдуард ЛЕВИН.

Фото
Владимира
ЧЕИШВИЛИ

Чудо- городок

Открываются резные ворота, и... вот он, перед вами, — чудо-городок. Задорно играют на скрипочках лесные музыканты. Ученый кот важно разглаживает ус. Катится по дорожке самонадеянный Колобок. В затейливом резном теремке уютно попивают чай мышка с лягушкой. Иван Крестьянский сын одолевает в бою Чудо-Юдо, освобождает родную землю от Змея Горыныча храбрый Никита Кожемяка — добро, как ему и полагается, торжествует над злом.

«Поляна сказок» как отдел Ялтинского исторического музея существует полтора десятка лет. За это время обитателями необыкновенного городка, стоящего в заповедном крымском лесу, где струится речка Водопадная, стали двести любимых детворой и взрослыми героев былин и сказок. А создали «Поляну» в соавторстве с природой профессиональные художники и народные умельцы: заслуженный художник РСФСР И. П. Шмагун, С. Т. Федоров, В. А. Норох, Ю. С. Сахаров, Т. С. Марьина, М. А. Чиликов и многие-многие другие. Причем каждый из мастеров вложил в свое творение и веселую фантазию, и любовь к фольклору. Материалом для скульпторов служили оргстекло и бетон, алюминий и медь. Но чаще всего дерево. Именно дерево и создает ощущение реальности фантастических персонажей. Авторы постарались бережно сохранить в нем образы, рожденные самой природой. Корни, пни, даже ветки на «Поляне сказок» словно оживают, превращаясь в лесовиков, невиданных зверушек, добродушных гномов, чудесных царевен.

...Покидая «Поляну», гость ее обязательно оглянется, еще раз посмотрит на могучего богатыря, охраняющего родную землю. Ни днем, ни ночью не дремлет витязь, зорко несет службу, чтобы над прекрасной его страной синело мирное небо.

Возвращая нас в детство, сказка помогает нам стать добрее и чище. А потому — здравствуй, сказка!

**ИВАСИК-ТЕЛЕСИК
НА ДИКОМ ГУСЕ,
БАБА ЯГА
С НЕИЗМЕННОЙ СТУПОЙ,
БЕСШАБАШНЫЙ БАЛДА,
ОТ КОТОРОГО
НЕТ СПАСУ ЧЕРТЯМ,
И ДАЖЕ
ДОБРЫЙ ЧЕБУРАШКА —
ЗНАКОМЫЕ ВСЕМ
С ДЕТСТВА ГЕРОИ
ВСТРЕЧАЮТ ГОСТЕЙ
ЧУДО-ГОРОДКА.**

